

3

К 184306

Абай

Абай (Ібраһім) Құнанбаев

Таңдамалы шығармалары

Редакциясын басқарған
СОБОЛЕВ Л.

Кіріспе сөз жазған
АУӘЗОВ МҰҚТАР

ОГИЗ
Мемлекет көркем
әдебиет баспасы
Мәскеу
1915

АБАЙ КУНАНБАЕВ

ИЗБРАННОЕ

ПЕРЕВОД С КАЗАХСКОГО

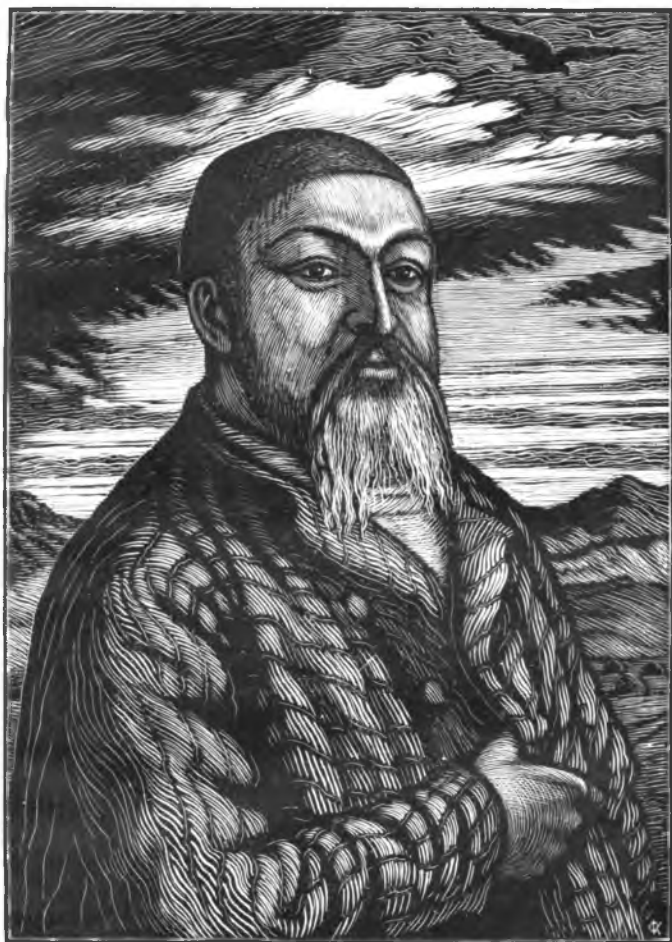
Под общей редакцией
Л. СОВОЛЕВА

С предисловием
МУХТАРА АУЭЗОВА

184306

О Г И З

Государственное издательство
художественной
литературы
Москва
1945

АБАЙ КУНАНБАЕВ

ПОЭТ-МЫСЛИТЕЛЬ

В ночи я кричат,
И громко звучал
Мне голос утёсов ответный,
И днём среди скал
Я долго искал

Тех, кто отвечал мне, но тицтно,
Того же всё эха безжизненный звук,
Всё те же бездушные счаты вокруг.

(«Восьмистишия»)

В этих строках Абая — вся трагедия большого поэта и мыслителя, жившего «в волчье время в волчьей стае».

Во времена Абая казахский народ дошёл до последней степени нищеты и рабства. Один из самых несчастных народов земли, у которого отняли даже имя, — этот народ, ещё не сбросив цепей феодального рабства, уже попал под жестокий колониальный пресс русского царизма. Взглядом мыслителя и сердцем поэта Абай увидел и понял бедствия своего народа и до последних своих дней остался его верным другом и учителем. И до последних дней его грызла волчья стая баев-феодалов, биев, старейшин, управителей, мулл, богачей, почуявшая в Абае друга народа и своего смертельного врага.

«Учёный без последователей — вдовец», — говорит Абай в одном из своих афоризмов. Не рискуя поднять руку на самого Абая, слишком популярного в народе, враги его старались оставить учителя — без учеников, поэта — без слушателей. Запугивая, интригуя, подкупая, ссылая, даже убивая, «волчья стая» лишала Абая его учеников и сторонников, заставляя их молчать или перетягивая в свой лагерь (о таком свём ученике-акыне, переметнувшемся на сторону старого мира, Абай и говорит в четверостишии «Я вырастил пса из щенка...»).

Тема духовного одиночества, горькое признание отсутствия опоры звучит во всей зрелой поэзии Абая. Она возникает задолго

до смерти, в 1889 году, в «Восьмистишиях», где поэт философски оценивает пройденный им путь.

Эта тема будет повторяться в стихах всё чаще и всё с большей выразительностью, будет входить почти в каждое стихотворение, чтобы, наконец, в одном из последних, обращённых к сердцу поэта, растерзанному миром «на сорок лоскутьев», прозвучать горьким итогом многолетней одинокой борьбы:

Те — взяты землёй, те — враждою.
А как их любило ты!
Вражда и беда шли чредою,
И вот ты среди пустоты.

И вместе с этим всё нарастающим чувством духовного одиночества закономерно возникает и чувство разочарования в жизни, в своих стихах:

Ах, бесплодны мои дела.
В унижении жизнь прошла...

Закономерно и то, что одним постоянным мотивом проходит в стихах тема прощания с мечтой юных лет («Габидулле», «Года миновали», «Дорогой долгой жизнь водила»), которая в том же замечательном итоговом стихотворении «На сорок лоскутьев» завершается безнадежным стоном:

Мечты! Оглянись на них —
И вспомни величье былое
Желаний бесплодных твоих.

Закономерно и то, что сознание идейного одиночества и полного бессилия выполнить свои замыслы приводит поэта в конце жизни к мыслям самым мрачным, исторгающим из его сердца полный отчаяния вопль:

Мысль моя, прерви свой полёт,
Коль пристанища не найти!

Этот крик, этот смертный приговор своей мысли (а значит, и самому себе) — не плод минутной слабости. Это — вывод из опыта целой жизни. Ещё за два года до этого Абай приходит к такому же, поистине страшному выводу:

Яд и чад во мне — пусть я с виду иной.
В жизни мало успев, кончу путь земной.
Песня болтлива — вверил ей тайну зря...
Лучше ей, право, смолкнуть вместе со мной!

Мыслитель, умоляющий свою мысль прекратить полёт, поэт, сожалеющий о том, что рождались его песни! Вот трагедия Абая,

родившегося со своим умом и талантом в проклятое волчье время.

Трагедия эта, этот приход большого поэта к безнадёжному пессимизму, страшна тем более, что по существу поэзия Абая — поэзия глубоко оптимистичная и жизнеутверждающая. Прочтите его «Весну» — этот праздник ликования людей и природы, прочтите «Пылает юности огонь» — гимн всепобеждающей юности, «Охоту с беркутом» — картину, изумительную по краскам и образам. В этих стихах со всей силой вылилась та безмерная любовь к жизни, к юности, та страстная надежда на счастье, которая неизменно сопровождает в каждом стихотворении Абая тему разочарования, тему одиночества и мрачные, пессимистические мысли.

Только глубокий оптимизм поэта мог дать ему силы провозглашать в мрачную эпоху новые мысли о морали, о достоинстве и нормах поведения того, кто хочет называть себя человеком. О чём бы ни писал Абай — везде он преследует одну жизнеутверждающую цель: внушить людям, что они — люди; что мечта о кумысе и мясе — это крик изголодавшегося бедняка, а не цель жизни; что юность, пустая и бездеятельная, оставит в старости тяжёлый осадок; что жить — это значит строить жизнь, трудиться, и трудиться не только для себя:

Жаркой жалостью к страдающим напоён,
Ты работой для блага земных племён.

Только глубокая вера в душевные силы народа, вера в неистребимую силу жизни могла подсказать поэту страстные строки, звучащие, как лозунг:

И пусть пропадут
Неправда и кнут, —
Добра от насилья не жди
Не грабь и не лги!
Не дремлют враги,
Ты сам будь своею защитой!
И верь — ты подынешься к лучшей судьбе,
Коль разум и совесть проснутся в тебе!

Борьба за утверждение жизни, борьба за человека, высокая гуманистическая цель поэта и мыслителя, естественно, была борьбой против мрачных и тёмных сил, превращающих человека в бессловесного раба, в двуногого покорного пса, охраняющего байский скот. В поэзии Абая она запечатлена в целом цикле стихов-обличений, стихов-портретов, убийственных в своей правдивости.

Народному негодованию дан точный адрес. Найден конкретный виновник бедствий народа. Это — богач, управитель-предатель, нечестный судья-бий, обманщик-мулла. В обобщении — это отживающий мир диких обычаев рабства, калыма, невежества, духовной нищеты.

Более того. Ясный ум Абая-мыслителя, Абая-гуманиста увидел для народа единственно верный выход из мрака своей эпохи — в сближении с культурой русской, а через неё — с культурой мировой. Поразительно, как в условиях гнёта царизма, когда всё русское вызывало ненависть и проклятья, когда первые националисты играли на этой ненависти в своих предательских целях, Абай имел смелость сказать во весь голос:

Русские дают совет
Детям правильный всегда.
В наших детях правды нет, —
Сами тяготееют к злу,
Русских же винят потом
Понапрасну. Вичоват
Иль Семипалатинск в том,
Иль обычаи степей.

Абай-поэт продолжал замысел Абая-мыслителя своей большой работой по переводам, пропаганде, разъяснению великих русских писателей — Пушкина, Лермонтова, Крылова, Шедрина.

Абай, как Пушкин, оставил для литературы бессмертные заветы. Правдивость, высокое мастерство, любовь к народу — вот что звучит в его кодексе поэта, изложенном в стихотворении «Поэзия — властитель языка» и др.

К стихам стремятся смертные равно,
Но лишь избранника венчают славой,
Того, чьей мысли золотой дано
Блестать стиха серебряной оправой.

Мысль — этот чистейший сплав золота — горит внутри каждого абаевского стихотворения. Если Абай пишет про осень — это не только холодные ветра, пустая степь, это ещё и образ нищего ребёнка-батрака, это полный любви к народу вывод:

Богатый бай, не будь скупцом, убийцею не будь,
Хоть эту зиму прокорми детей и стариков!

Если он пишет о любви — это не только показ юной страсти молодых существ — это ещё и постоянная глубокая и благородная мысль о существовании настоящей любви:

Два пути я знаю: любовь и страсть.
Лишь над плотью похоть имеет власть.
Я ж тебя полюбил: будь счастлива ты,
Даже если мне суждено пропасть.

Драгоценное качество настоящей поэзии — глубокая мысль — вот что сохранило для нас стихи Абая. И хотя с великой скромностью большого человека Абай и говорит:

Не имя запомни, а мысль
Того, кто это писал. —

Имя Абая, величайшего казахского поэта, основоположника казахской литературы, наследника древнего поэтического гения казахского народа, мудрого мыслителя, увидевшего в дали времён сталинскую дружбу казахской и русской культур, — останется навсегда в нашей памяти.

С особой силой скорбь поэта, любящего свой народ и страдающего от мысли о той тьме, в которой его держат властители, сказывается в стихотворении «О, казахи мои...» Как бы отвечая поэтам «эпохи скорби» (середина XIX века), которые тоже плакали о бедствиях народа, но не видели ни причины его несчастий, ни выхода из них, — Абай впервые вносит в казахскую поэзию гордый призыв к народу:

Почему же чванливый и мелкий сброд
Изуродовал душу твою, народ?..
Если зову чести не будешь внимать,
Отвернётся от сына отчизна-мать...

Известно, что, доведённый до отчаяния травлей «волчьей стаей», Абай был готов покинуть родную страну. Но горячая любовь к народу преодолела эту готовность, и это запечатлено в стихах:

Глушцов к рукам прибрать? — едва ль!
Покинуть родину мне жаль,
Но душу гложет мне печаль...

Свою беззаветную и действенную любовь к несчастному своему народу Абай доказал всей жизнью. Та злоба, с которой травили Абая всю жизнь поборники старого порядка вещей, убедительно доказывает, каким высоким подвигом поэта-гражданина была вся его жизнь, отданная служению народу.

Абай вмешивался в выборы волостных управителей, разъясняя народу, что ему подсовывают нового кровопийцу и вора, не лучше, если не хуже старого. Абай выносил приговоры на суде, оберегая

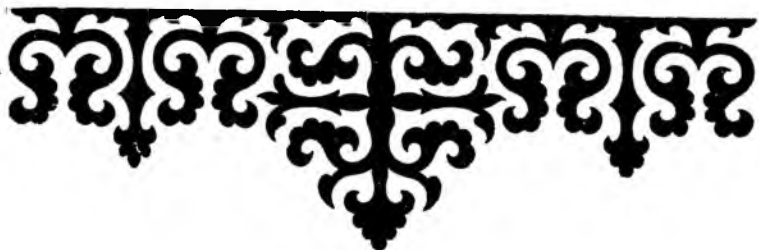
интересы народа, а не кучки баев и старейшин. Абай не раз спасал юную любовь от притязаний старого богача, покупавшего невест за жалым. Абай воспитывал молодёжь в новых понятиях о достоинстве и чести. И имя Абая, друга народа, при жизни его летело по степи на крыльях народной любви.

По смерти его — это великое имя поднято казахским народом еще выше, над всем союзом братских национальностей, навеки спаянных сталинской дружбой народов.

Абай умер примерно в те годы, когда замолчал на пятнадцать лет другой гигант казахской поэзии — Джамбул. Джамбул запел вновь пробуждённый к жизни силой социалистической революции. Джамбула знает весь советский народ как певца счастья своего народа, возрождённого к жизни. Пусть и голос Абая, певца страшного горя этого народа, прозвучит над всей советской страной, чтобы народы Советского Союза поняли, из какого мрака вырвала казахский народ Великая социалистическая революция.

Леонид Соболев

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО
АБАЯ (ИБРАГИМА) КУНАНБАЕВА
(1845—1904)

1

Великий поэт казахского народа Абай родился в 1845 году, в Чингисских горах Семипалатинской области, в кочевьях рода Тобыкты.

Отец Абая, самовластный, суровый степной правитель Кунанбай, был старшиной тобыктинского рода, незадолго до того принявшего русское подданство.

Ранние детские годы Абая прошли в гнетущей обстановке разлада, царившего внутри полигамной семьи (Кунанбай имел четырёх жён). Этот уклад феодальной семьи влиял на психику, нравы и личную судьбу жён-соперниц и детей, соперничавших и враждовавших между собою, как и их матери. Но, по счастью для Абая, его родная мать Улжан была женщиной замечательных качеств. Её природная гуманность, сдержанная рассудительность и исключительная любовь к сыну создавали для Абая редкий в таких семьях уют родного гнезда. Улжан всегда выделяла его из числа остальных своих детей, и имя его — Ибрагим, данное отцом, она заменила ласкательным «Абай». Это имя так и осталось за её сыном на всю его жизнь.

Живя в молчаливой отчуждённости от Кунанбая, Абай и его мать нашли свою духовную опору в лице бабушки — Зере. Многоопытная, мягкосердечная и мудрая бабушка, сама познавшая за долгую жизнь горечь бесправного положения жены, перенесла все

надежды и любовь на внука. Забота, наставления и ласка этих двух женщин резко отличались от всех поступков, привычек и установлений отца; они смягчали суровый холод жизни, в котором была обречена расцвести детская душа Абая.

Дав мальчику первоначальное образование дома, у наёмного муллы, Кунанбай послал Абая в медресе семипалатинского имама Ахмет-Ризы.

За пять лет учения в этом медресе прилежный и необычайно даровитый мальчик сумел получить многое. Дни и ночи проводили великовозрастные воспитанники духовной школы в бессмысленном заучивании непонятого текста корана, в пятикратной молитве, в изнуряющем посте и в иссушающих рассудок бесплодных спорах над буквой шариа. Преодолевая премудрости арабского богословско-схоластического учения о догмах ислама, Абай в то же время расширяет круг своих интересов. Уже к этому времени им овладела рано пробудившаяся любовь к поэзии. Она зародилась в нём ещё тогда, когда он слушал рассказы и воспоминания бабушки Зере, хранительницы живой старины, когда он заучивал наизусть слышанные в ауле сказки, легенды, богатырские былины, исторические песни — всё многообразное богатство творений акынов, певцов его родных степей. Позднее, попав в медресе, Абай стал увлекаться чтением арабско-иранских и тюркских поэтов. Из удушливой атмосферы медресе, из среды богомольных буквоедов и тёмных фанатиков, он, как к благодатному оазису из мрачной пустыни, рвётся к народной и классической литературе Востока. Вместе с тягой к изучению восточных языков в нём пробуждается интерес и к русскому языку, к русской культуре. Нарушая суровый устав медресе, Абай самовольно стал посещать русскую школу, одновременно продолжая обучаться и в мусульманском духовном училище.

В школьные годы Абай не только изучал поэзию, но и сам начал писать стихи. Среди сохранившихся ранних стихов Абая встречаются лирические отрывки, послания, любовные стихи, написанные под влиянием восточной классической поэзии, и одновременно — стихи-экспромты, созданные в стиле народной поэзии, в духе творчества акынов-импровизаторов того времени.

Вдумчивый юноша, старательный ученик и начинающий поэт, Абай мог бы извлечь много важного и полезного для своего будущего даже и в условиях скудной «науки» медресе. Но воля отца определила дальнейшую судьбу сына иначе.

В той непрерывной борьбе за власть над родом, которую вела степная знать, Кунанбай нажил себе много врагов среди соперни-

ков, и ему нужно было готовить к этой борьбе своих детей и близких родственников. Поэтому, не дав Абаю закончить учение в городе, отец вернул его в аул и начал постепенно приучать к разбирательству тяжёлых дел, к будущей административной деятельности главы рода.

Наделённый от природы недюжинными способностями, юноша очень рано попал в самую гущу сложных интриг. Вращаясь в кругу изощрённых вдохновителей межродовой степной борьбы, Абай постигает тончайшие приёмы ведения словесных турниров, где оружием служило отточенное красноречие, остроумие и изворотливость. Так как тяжбы решались не царским судом, а на основе веками существовавшего обычного права казахов, Абай должен был обратиться к сокровищам казахской народно-речевой культуры. Ещё в юношеском возрасте он заслуженно стяжал себе славу красноречивого, остроумного оратора, сумев стать мастером виртуозной ораторской речи, и научился высоко ценить значение полновесного поэтического слова. Если Кунанбай и люди его круга обращались к авторитету своих предков — родовых старейшин, и хранили в памяти только их речи, приговоры и афоризмы, то Абай, наперекор отцу тянувшийся к общению с народными певцами, знал почти всех своих предшественников — поэтов, акынов и участников «айтысов», выступавших перед народом в борьбе за поэтическое первенство.

Рано пробудившийся интерес к классической поэзии Востока (арабской, иранской, чагатайской) породил первые подражательные стихи Абая. Обращение к традиции казахской народной поэзии сделало его новые стихи оригинальными и индивидуально-самобытными. В этих стихах уже наметился будущий самостоятельный облик поэта, творчество которого глубокими корнями уходит в народную основу.

Несмотря на то, что Абай, по свидетельству многих своих современников, начал сочинять стихи (в виде импровизаций и писем-посланий) очень рано, с двенадцатилетнего возраста, его поэзия этого первого периода дошла до нас далеко не полностью. Вместе с небольшим количеством юношеских стихов поэта мы находим только ряд упоминаний об отдельных забытых и утерянных произведениях. Так, известны лишь начальные строки стихов, посвящённых любимой им девушке Тогжан. Только в устной прозаической передаче сохранился «айтыс» молодого Абая с девушкой-акыном Куандык. Слабое развитие письменности в тогдашнем Казахстане обусловило и отсутствие писем, мемуаров, записей современников, которые помогли бы сохранить юношеские стихи Абая и осветить его биографию. Немалое значение при этом имело и отношение

к поэту вообще, характерное для феодально-байской среды того времени. Если народ с глубоким уважением относился к поэтическому творчеству и высоко чтит звание акына, то родовитые бай с самодовольной гордостью говорили: «Слава богу, из нашего племени не выходило ни одного баксы и акына». Этим презрительным отношением знати к профессии поэта объясняется то, что в родных аулах Абая не сохранилось ни его ранних произведений, ни даже рассказов о его поэтической деятельности ранней поры. И сам Абай, под влиянием таких взглядов на поэта, часто выдавал свои стихи того периода за стихи своих молодых друзей.

Втянутый насильно в тягостные дела родовых распрей, Абай не мог примириться с несправедливостью и жестокостью отца и часто шёл вразрез интересам и стремлениям Кунанбая, вынося справедливые и беспристрастные решения многих дел. Кунанбаю были глубоко не по душе новые повадки сына: и то, что друзей и советников Абай искал себе в народе, среди мудрых и честных людей, и то, что Абай уже многие годы тяготел к русской культуре. Между хитрым, властным отцом и правдивым непокорным сыном всё чаще происходили серьёзные споры и стычки, готовые со временем вылиться в прямой разрыв.

Этот разрыв и совершился окончательно, когда Абаю было двадцать восемь лет.

Теперь Абай мог определить дальнейшую свою деятельность по велениям собственного разума, своей воли, — и прежде всего он вернулся к изучению русского языка, прерванному в детстве.

Новыми его друзьями стали акыны, певцы-импровизаторы, талантливая степная молодёжь, по преимуществу незнатного рода, и лучшие представители русской интеллигенции того времени, с которыми он встречался в Семипалатинске. На тридцать пятом году жизни Абай вновь возвращается к поэзии. Но и стихи этого периода он всё ещё распространяет от имени своего молодого друга Какпая Джантаева. В течение десяти — двадцати лет Абай, уже зрелый и культурный человек, изучает народное поэтическое творчество восточных поэтов и, главным образом русскую классическую литературу. И только летом 1886 гсда, когда ему минуло уже 40 лет, Абай, написав прекрасное стихотворение «Лето», впервые решился поставить под ним своё имя.

Начиная с этого дня все остальные двадцать лет его жизни прошли в необычайно содержательной, напряжённо-творческой поэтической деятельности.

К этому же времени, окончательно разочаровавшись в нравах и во всём моральном облике социально разлагавшейся феодально-

родовой среды, Абай всеми силами стал стремиться порвать с ней. В юности невольный участник бесконечных межродовых раздоров и распрей, разжигаемых воротилами родов, Абай теперь отчётливо увидел всю пагубность этой родовой борьбы, всю невероятную её тяжесть для народа, начал понимать истинный смысл этих раздоров, искусственно разжигаемых царизмом, проводившим свою политику по принципу «разделяй и властвуй». Управители, бии и старшины превращаются в его глазах в ставленников колонизаторской власти. Тяжко задумывается Абай над судьбами своего народа, терзается мыслями об участи тёмной, угнетаемой и бесправной народной массы. Стихи зрелых лет Абая выражают глубокую скорбь поэта о злосчастной доле отсталого народа.

Искренний поэт и верный сын своего народа, Абай ищет выхода для него. В первые же годы своей новой, зрелой поэтической деятельности Абай пытается открыть народу глаза на причину его страданий. В правдивых, жёстных изобличительных стихах он громко и ясно обличает и беспощадно бичует пороки феодально-родовой чиновничьей знати, призывая народные массы к просвещению, которое одно может указать им путь к иной жизни.

В это время счастливый случай свёл Абая с русскими ссыльными революционерами семидесятых - восьмидесятых годов. Это были представители русской революционной интеллигенции, воспитанные на Чернышевском и Добролюбоме. Из них, например, Е. П. Михаэлис являлся ближайшим и активным сотрудником известного русского революционера-публициста Шелгунова и даже был связан с ним родством. Как Михаэлис, так и позднее сосланные в Семипалатинск Нифонт Долгополоз, Северин Гросс прибыли туда сравнительно молодыми людьми. Они были арестованы в свои студенческие годы в Петербургском и Харьковском университетах. Знакомство Абая с этими людьми вскоре перешло в большую дружбу. На лето они выезжали в гости в аул Абая, зимой поддерживали с ним постоянную переписку. С исключительным вниманием и отзывчивостью русские друзья помогали самообразованию Абая, подбирая для него книги и отвечая на его вопросы.

Надо сказать, что эти друзья Абая, принадлежавшие к различным общественно-революционным течениям эпохи, объединялись в своей общественно-просветительской деятельности. Находясь в одинаково тяжёлых условиях царской ссылки, они зачастую забывали свои внутривластные разногласия перед фактами хищнической эксплуатации народных масс, насилия и тирании, пытались бороться с темнотой и самодурством царских чиновников и местных сатрапов. В этом сходились и Михаэлис, как ученик и последователь

Шелгунова, и революционный народник Нифонт Долгополов, и польский революционер Северин Гросс.

В условиях ссылки они росли как публицисты и учёные-общественники, изучая историю, быт, естественно-географические условия края, ставшего их новой родиной. Постепенно они становились первыми распространителями культуры в отсталой окраине, ревнителями интересов просвещения, преобразования жизни, быта, истории народов края. В результате этой работы мы имеем много трудов по различным отраслям знания, написанных Михаэлисом, объёмистое исследование Северина Гросса «Обычное право у киргизов». Вопросами выявления этнического типа казахов занимался медик-антрополог Нифонт Долгополов, украинец по происхождению.

Дав многое Абаю в его поисках знания, они и сами многое почерпнули у него, пользуясь его глубокими и обширными сведениями по истории, обычному праву, поэзии и искусству, экономике и социальному быту многих народов, родственных казахам.

Для этих друзей Абая естественным было стремление донести до широких народных масс Казахского края правду о русском народе, воплощённую в трудах и думах великих русских классиков и передовых общественно-политических деятелей. Высокий гуманизм, глубокая революционность русской классической литературы XIX века, проникнутой освободительными идеями, её упорная оппозиционность царизму, её неумолчный голос заступничества за угнетённые массы русского народа пробуждали к жизни и воспитывали общественную мысль в Сибири и в Казахском крае. Не будучи сами известными и решающими фигурами российского революционного демократического движения, друзья Абая выполняли, однако, великую историческую миссию проповедников русской духовной культуры. Имена и творения Пушкина, Лермонтова, Салтыкова-Щедрина, Льва Толстого, Чернышевского, Добролюбова и т. д. играли здесь огромную общественно-политическую роль. Знакомить с ними такого поэта казахского народа, как Абай, привить ему и другим подобным ему деятелям чувство глубокого уважения к великому наследию русской культуры, пробудить в них сознание общности идеалов, общности задачи духовного раскрепощения народов России от многовекового гнёта и темноты — было подлинно великим делом ссыльных друзей Абая. Они помогают Абаю познакомиться с сокровищами истории и культуры русского народа, помогают всемерно и старательно.

Необыкновенно широко раздвинулся горизонт Абая, когда он обнаружил и познал подлинные ценности духовной культуры рус-

ского народа. Абай становится страстным почитателем Пушкина, Лермонтова, Крылова, Салтыкова-Щедрина, Льва Толстого. С самого того памятного лета 1886 года — с начала своей осознанной поэтической деятельности — Абай стал переводить на казахский язык произведения Крылова, Пушкина, Лермонтова, впервые делая их доступными и понятными для своего народа.

Будучи не только поэтом, но и композитором, глубоким знатоком и тонким ценителем казахской народной музыки, Абай создаёт ряд мелодий, главным образом для тех своих стихов, которые вводили в казахскую поэзию новые, не известные ей до этого формы (восьмистишия, шестистишия и т. д.). Он создал мелодии и к своим переводам отрывков из «Евгения Онегина». Уже в 1887 году имя Пушкина и имена его героев Онегина и Татьяны, пролетев над степями на крыльях этих песен, стали такими же родными для казахского народа, как имена казахских акынов и героев казахских эпических поэм.

К этому времени имя самого Абая — поэта, мыслителя и композитора — становится одним из самых популярных и чтимых именем. К нему едут акыны, композиторы, певцы из дальних районов. Знаменитый Биржан, акын Асет, слепая женщина-акын Ажар, старшие акыны Шортамбай, Кемпирбай заучивают и поют его песни. Сверстники Абая — акыны Жусупбек-Шейхуль-Ислам, Машур-Жусун-Копеев, Нармамбет, женщины-акыны Куандык, Сара и другие разносят по широкой степи его стихи.

Вокруг Абая группируются ученики-поэты, образованные и начитанные люди: Кокпай, Муха, Акылбай, Қакитай, младший сын Абая — Магавья. Все они, по примеру самого Абая, усилению занимаются самообразованием, изучают русскую литературу, пишут поэмы — исторические, романтические и бытовые — на темы, разработанные и заданные их учителем.

Популярность имени Абая привлекает к нему не только казахов, но и многих свободомыслящих людей Востока (по преимуществу татарской молодёжи), принуждённых покинуть города из-за преследования властей, или репрессированных царским правительством пришельцев с Кавказа и Крыма. Так, в ауле Абая месяцами гостили кавказцы, бежавшие из сибирской ссылки и пробиравшиеся по казахским степям к себе на родину. Аул Абая постепенно становился центром притяжения для прогрессивно настроенных, передовых людей того времени.

Длительная и прочная дружба Абая и ссыльных революционеров глубоко тревожила администрацию края. Сведения об Абае, как об опасном для царизма человеке, доходят до семипалатинского военного губернатора и до генерал-губернатора Степного

края. За аулом Абая и за всем, что происходит там, устанавливается негласный надзор. Абай, как авторитетная в степи личность и как опасный и смелый провозвестник правды, изблечитель пороков существующего порядка, становится предметом постоянного и бдительного внимания приставов, урядников, волостных управителей.

Между тем культурная среда учеников, последователей и читателей таланта Абая всё увеличивается с каждым годом. Его влияние широко распространяется и на город. Поют, переписываются и заучиваются массами не только его собственные стихи, но и произведения его учеников. В форме устного сказа распространяются по степи романы западных и русских писателей, прочитанные Абаем и пересказанные им своим слушателям-сказочникам. Так проникли в степь в устной передаче популярные среди абаевских слушателей «Три мушкетера», «Генрих Наварский» Дюма, русский народный сказ о Петре Великом, романы из времён инквизиции, «Хромой бес» Лесажа (под названием «Хромой француз»). Со слов Абая пересказывались романы о пионерах-поселенцах американских прерий, поэмы Лермонтова, множество восточных поэм, как «Шахнамэ», «Лейли и Меджнун», «Кёр-Оглы» и г. д. Распространению таких произведений способствовали, по примеру Абая, многие европейски образованные друзья его.

Сам поэт обучал своих детей в русских школах. Его дочь Гульбадан и сыновья Абдрахман и Магавья с раннего детства были посланы им в город, в русскую школу. Впоследствии Абдрахман получил солидное образование, окончив Михайловское артиллерийское училище в Петербурге, а дочь и другой сын, Магавья, вернулись в аул только из-за слабости здоровья. Однако и здесь Магавья становится одним из самых ревностных и старательных учеников своего отца.

И он, и старший сын Абая, Акылбай, были самыми талантливыми из последователей Абая. Лучшими из произведений Магавья считаются написанная по совету Абая поэма «Медгад-Касым» — о борьбе раба с хозяином-плантатором, действие которой происходит на берегах Нила, и другая поэма — «Шамиль» — о борьбе с царизмом известного вождя кавказских повстанцев. Акылбай создал романтические сюжетные поэмы «Дагестан» и «Зулус», темы и идеи которых также подсказаны ему Абаем.

Другие поэты абаевской школы, Кокпай и Бейсембай, брали для своих поэм «Аблай», «Козы Корпеш» исторические темы из быта казахов. По поручению Абая и при его ближайшем участии Кокпай написана историческая поэма об известном восстании Кенисары, о его длительной вооруженной борьбе с царизмом.

Все эти произведения распространялись среди народа и в рукописях и, главным образом, в пересказе акынов-певцов. Так же доходили до широких масс казахских слушателей произведения Пушкина и Лермонтова.

Разносторонняя поэтическая, просветительная и общественная деятельность Абая и его учеников всей силой своего воздействия была направлена против отсталых устоев феодального аула, против конкретных носителей этого зла — родовитых интриганов, невежественных угнетателей народа, против опирающейся на них всей системы царизма.

Труды и усилия Абая, его светлая и ясная общественная программа, ориентированная на русскую культуру, его презрение ко всем властью имущим вызвали по отношению к нему лютую ненависть степных феодалов, верных слуг царизма. Они начали беспрерывную, грязную и коварную борьбу против Абая, против идей, которые служили знаменем просвещённому и непримиримому поэту. Эти враги Абая действовали заодно с чиновничьей знатью, с властями, с продажной мелкочинвичьей интеллигенцией.

Однако эти тёмные силы страшились народной любви к Абаю и потому не могли действовать против него открыто. Они избрали самые коварные и вероломные методы борьбы. Один из старейшин, непримиримый и злобный враг Абая — Оразбай — сплотил вокруг себя недовольных Абаем представителей степной и городской знати. Они стали преследовать абаевских учеников, порочить Абая клеветой и, наконец, в 1897 году, при явном попустительстве властей, организовали предательское покушение на его жизнь. Канцелярии губернаторов, уездных начальников, царских судов были завалены всевозможными доносами на Абая со стороны управителей и родовых старшин, которые называли Абая «врагом белого царя», «смутьяном народа», «неугомонным нарушителем обычаев, прав и установлений отцов и дедов». В результате этих доносов в аул Абая нагрянули с обысками чины семипалатинской полиции. Однажды явился сюда с целым отрядом жандармов и сам полицмейстер города Семипалатинска, учинивший обыск во всём ауле.

Неоднократно пытался убрать Абая и губернатор. Но, боясь исключительной популярности Абая среди казахского народа, опасаясь возмущения масс, он вынужден был ограничиться только изволяцией Абая от его ссыльных друзей: Долгополов и Михаэлис были высланы в далёкие от Семипалатинска районы и области. Это прервало тесную связь их с Абаем. Всякую переписку поэта с его дру-

зьями и читателями из отдалённых районов власти контролировали или просто задерживали в своих ведомствах.

Но все эти меры не смогли отгородить поэта от народа. Неприемлимый, прямолинейный и беспощадный обличитель управителей, биев (родовых судей), родовых старшин и всяческих властей Абай стал мудрым советником народа во всех невзгодах и бедах. За разумными советами Абая, к его бескорыстному и справедливому суду в спорах начали обращаться целыми племенами и родами, и не только из ближайших районов. Даже казахи отдалённых уездов — Каркаралинского, Павлодарского, Устькаменогорского и Зайсанского — приезжали к Абаю за разрешением их давних крупных споров по земельным и иным тяжёлым делам. Нередко к нему обращались и с просьбой решить сложные междуобластные дела о набегах, убийствах, которые оставались неразрешёнными, так как чины и власти не могли в них разобраться. Эти дела возникали на особых многоядных сборах, называемых «чрезвычайными съездами» по разбирательству тяжёлых дел между населением различных уездов: о возмещении убытков безвинно пострадавших народных бедняцких масс, о наказании родовых воротил-феодалов, своими бесконечными интригами навлекавших на народ тяготы и бедствия, о женской доле.

Абай, ни в какой мере не являясь официальным лицом, порой должен был решать эти спорные дела, как избранный третейский судья. Абай брался за них только для того, чтобы вывести из бедственной вражды и спасти от новых набегов безвинные массы народа, чтобы заставить присмиреть поджигателей этой борьбы. По единогласному свидетельству современников, мы можем судить, насколько проникновенным, справедливым и бескорыстным был суд Абая в решении таких дел. О его беспристрастности говорит тот факт, что порой к Абаю обращались даже враждовавшие с ним родовые старшины, посылавшие в областные канцелярии допросы и ложные показания на Абая и всё-таки в своей личной тяжбе по бытовым и обычным делам искавшие решения самого справедливого и неподкупного судьи того времени — Абая.

Общественная деятельность и поэтические творения Абая были особенно популярны среди степной молодёжи. На многих народных собраниях, поминках, торжественных тоях (пирах), на свадебных празднествах певцами и акынами пелись его песни. Юноши объяснялись в своих любовных чувствах строками стихов Абая. Девушки из родных аулов Абая, выходя замуж, увозили среди своего приданого рукописные сборники стихов, поэм и наставлений Абая. Так сохранились до наших дней сборники, принадлежащие девушкам Асне, Василе, Рахиле и другим.

Но завистливая, коварная и невежественная среда степных воротил не могла мириться с той невиданной славой, которой народ окружил имя ненавистного им Абая, и они отравляли ему и его ученикам дни труда и кипучей творческой деятельности.

Дело доходило до самых безобразных, грязных выходов, глубоко ранивших сердце поэта. Против Абая восстанавливали его племянников, даже его родного брата Такежана, клеветой и угрозами отталкивали от Абая его учеников, травили его друзей.

В этой мрачной атмосфере злобы и ненависти тяжёлой и непоправимой утратой явилась для Абая смерть его сына Абдрахмана, наследника дел его, образованного и талантливого человека. Одиноким борцом за правду, за счастливую жизнь народа, надломленный тягостной борьбой и горестной, трудной жизнью, преследуемый тупой, злобной толпой феодалов и чиновников, Абай терпит последний удар судьбы: умирает в чахотке другой его сын и талантливый ученик — поэт Магавья...

Раздавленный этим несчастьем и упавший духом, Абай, отвергнув всякое лечение своего недуга, умирает в родных степях на шестидесятом году своей жизни, пережив сына только на сорок дней.

Он похоронен около своей зимовки — в долине Жидебай, вблизи Чингисских гор.

2

Литературное наследие Абая, заключающееся в стихах, поэмах, переводах и беседах с читателем (Кара-сёзь), названных им «Гаклия»¹, в последнем издании составляет два объёмистых тома. Драгоценный результат многолетних дум, волнений и благородных душевных порывов поэта, наследие это представляется теперь на фоне истории казахской литературы как синтез духовной культуры казахского народа.

Три великих источника питают своими соками корни творчества мудрого поэта.

Один из них — древнеказахская культура, запечатленная в устных и письменных памятниках прошлого, созданных самим народом. В процессе глубокого и тесного общения с поэтическим наследием родного народа Абай сумел примкнуть к этому кладу и обогатить им свою поэзию.

---

¹ Кара-сёзь — слова в прозе, гаклия — назидания.

Другой источник — это лучшие образцы восточной культуры: арабо-иранская и тюркская классическая поэзия. В той стадии развития казахской литературы, в которой застал её Абай, обращение к восточной культуре было ещё в значительной мере не прошлым, а настоящим, ибо соприкосновение с этим источником вплотную началось среди народов лишь с начала XIX века. Насыщая этим богатством, мало знакомым казахскому народу, свою поэзию, Абай, несомненно, совершал прогрессивное дело.

Третий источник — это русская (а через неё и европейская) культура. Для эпохи Абая самый факт обращения к этому источнику — главным образом, к наследию великих русских гуманистов и классиков, до него совершенно не известных казахскому народу, — был фактом огромного значения. Это было залогом будущего расцвета казахской культуры и надёжным путеводителем на его историческом пути.

Исключительная самобытность, природная мощь и большой талант Абая сказывались в том, что, обратившись к упомянутым трём источникам, он не исказил своего таланта ни фальшью, ни подражательностью. Абай как художник большого дыхания, производя всегда критический и строгий отбор, органически впитывает в себя новую культуру. Однако при этом он сохраняет полностью свою ярую индивидуальность художника и мыслителя.

Своим обращением к этим культурам — далёким и неосвоенным ещё казахским народом — Абай не только обогатился новыми средствами художественной выразительности. Он обогатил и свой духовный мир новыми идеями. Так Пушкин обогатил свой гениальный дар общением с античным, средневековым и современным ему западноевропейским миром. Подобно Пушкину, Абай в самой сущности своего идейного и творческого богатства интернационален, но вместе с тем национален и, бесспорно, народен.

Присмотримся ближе к влиянию трёх названных нами основных источников творчества Абая. Эти струи часто находятся в органическом слиянии, во взаимопроникновении, что естественно для творчества зрелого мастера. Поэтому, касаясь различных этапов творчества Абая, мы можем говорить об этих элементах только как о преобладающих признаках.

Большинство стихов Абая, относящихся к восьмидесятым годам, посвящено своеобразному укладу и быту казахского аула и исторической судьбе современного ему общества. Вместе с тем поэт производит глубокий художественно-критический пересмотр всех духовных ценностей своего народа и провозглашает свою новую поэтическую программу преобразователя общества. В этих

произведениях Абай близко соприкасается с народным наследием.

Но именно здесь мы особенно ясно видим, как резко отличается его поэзия от народного творчества. Ни одна абаевская строчка не воспроизводит речевой и поэтической культуры народного творчества в канонизированном, традиционном виде. И словарь, и образная система, и стилистические приёмы устного творчества углублены Абаем, наполнены новыми мыслями и чувствами, характеризующими его мироощущение. Великолепную силу и выразительность народной поэзии Абай сумел перевести в иное, высшее качество. Иные идеи, иные порывы духа запечатлены в его стихах, и прежде всего в них резко сказалось непримиримое отношение поэта к общественному укладу тогдашнего аула с его архаическими пережитками, с развращёнными нравами феодальных верхов, с его мракобесием, раздорами, бедственным и безысходным положением трудовых масс. Огромное количество стихов Абая, начиная с «Жизнь уходит...», «О казахи мои», «Кулебмаю», «Кожекбаю», беспощадно бичует невежество, сутяжничество, взяточничество, паразитизм, духовную нищету вершителей судеб казахского народа. Впервые в казахской литературе так отчётливо и на такой моральной высоте высказано новое отношение к семье, к родительскому долгу, к воспитанию молодого поколения и, главное, к женщине.

Безотрадная, злосчастная доля восточной женщины, изображённая в народных поэмах и бытовых песнях, приобретает в творчестве Абая новый смысл. В своей поэзии Абай раскрывает самую душу женщины и девушки, её сокровенные мысли и чувства, о которых так мало было рассказано в прежних поэмах и песнях, отражавших, главным образом, внешнюю сторону её трагической судьбы. Абай показывает, как трогательна, искренна и глубока её любовь, когда она сама выбирает себе возлюбленного, как сильна и непоколебима её воля в борьбе за вырванное с таким трудом счастье. Абай воспевает казахскую женщину и мать как опору разумной семьи, воспевает готовность её к самопожертвованию, мудрость и стойкость её в преданной дружбе, цельность её прекрасной и верной души. Страстно отрицая позорный институт калыма, многожёнства и порабощения, Абай в своих стихах борется за равноправие женщины в обществе.

Язвительно нападая на вековые устои старого аула, на косность, лень, Абай в то же время воспевает деятельную волю и любовь к труду, как необходимые качества разумного и жизнеспособного человека. Со всей силой своих изблительных стихов он разрушает каноны господствовавшей до него дидактической, наставительной поэзии. В своей поэтической программе, выраженной в стихо-

творениях «Не для забавы я слагаю стих...», «Поэзия — властитель языка», «Если умер близкий...» он резко критикует популярных до него акынов — Бухар-жирау, Шортамбаю, Дулата, называет их творчество «лоскутной поэзией», где нет ни слова о решительной борьбе с вековой косностью и отсталостью, где, наоборот, воспевается, идеализируется это прошлое. Он осуждает их за то, что они, не давая никакой духовной пищи новому поколению, отходят от борьбы за преобразование общества. Сам же Абай провозглашает высокой целью, историческим призванием новой поэзии — служение народу, призыв ко всему новому, что должно перевоспитать, преобразовать общество. Только труд и борьба за свои права принесут независимость степной бедноте, только упорное стремление к знанию, к общедоступному просвещению принесут лучшую жизнь подрастающему поколению. Этот призыв к просвещению выражен не в сухой проповеди. Вся система поэтических образов Абая ориентирует казахское общество на русскую и европейскую культуру, высмеивая схоластику и фанатизм мусульманских медресе, питомцы которых лишь углубляют невежество и усиливают бедственное положение аульных масс. В этих стихах Абая произведена радикальная переоценка основ степного общества, дедовских традиций, обычных нравов и общественной морали — жизненный путь человека определяют разумная воля, искренность, благородство чувств и полезная деятельность, а не тупое усвоение обветшалых обычаев и традиций.

Такую же остроту и глубокую содержательность приобретает в творчестве Абая вопрос об отношении человека к природе, к труду, к борьбе за преобразование жизни. Смысл человеческого существования осознан по-новому.

Большой цикл стихов Абая посвящён коренному пересмотру всех основ современной ему общественной морали, построенной на традициях и обычаях прошлого. Абай, затрагивающий все животрепещущие вопросы и проблемы, которые волновали народ, предстаёт перед нами в этих стихах как выразитель его мыслей, его чаяний. Но в этих же стихах Абай самобытен и неповторим как поэт, провозглашающий новые идеи, прямолинейно и резко проводящий свою действенную социальную программу.

Одной из отличительных особенностей творчества Абая, по сравнению с его предшественниками, является то, что он последовательно проповедует идеи просвещения через сближение с русской и общечеловеческой культурой. Ни языковые, ни религиозные различия между народами, ни исторические дали, разделяющие народы на протяжении веков, не признаются Абаем за препятствия на пути прогрессивного роста своего народа. Учиться, учиться у всех наро-

дов, имеющих накопленную веками культуру, — во имя этой великой исторической задачи просвещения своей родной страны он объявляет беспощадную борьбу всем устоям прошлого, бичует всех носителей отсталой, отживающей свой век идеологии. Но он не щадит в своей сатире и недоучившуюся молодёжь, превращающуюся в чиновников, не щадит туенядцев, сутяг и интриганов, отравляющих раздорами жизнь мирного грудового народа.

Не менее оригинален Абай и в своём общении с восточной поэзией, со всей прошлой и современной ему культурой Ближнего Востока.

Ещё в молодости сказалось на Абае влияние Востока. Он знал в оригинале (частично в переводе на чагатайский язык) весь арабо-иранский религиозно-героический эпос и классиков Востока: Фирдоуси, Низами, Саади, Хафиза, Навои, Физули, Бабура. Тогда он и сам подражал этим поэтам, впервые введя в казахский стих размер «аруз» и множество арабо-персидских слов, заимствованных из поэтической лексики этих классиков. Впоследствии, найдя в народном творчестве более жизненные и прочные основы искусства, Абай отобрал из восточной литературы народные творения — «Тысячу и одну ночь», персидские и тюркские народные сказки и народный эпос. В его пересказах стали популярными в степи поэмы: «Шах-намэ», «Лейли и Меджнун», «Кёр-Оглы».

Изучая историю арабо-магометанской культуры, Абай знал исторические труды Табара, Рубгузи, Рашид Эддина, Бабура, Абулгази-Багадур-хана и других, знал также основы логики и мусульманского права в толковании учёных богословов Востока. Не только древняя история, но и современное состояние культуры Ближнего Востока было хорошо известно Абаю. Он знал и труды первого татарского просвещенца-новатора Шихабеддина Марджани. Абай ещё в те годы оценил значение зарождавшегося тогда мнимонноваторского, а по существу глубоко реакционного, религиозно-политического течения панисламизма и пантюркизма, которое находило своих ревностных приверженцев среди казахских мулл, ходжей и степных феодалов. Сторонники этого течения имели свои газеты и журналы. В противоположность этому направлению, Абай решительно избрал путь культурного преобразования своего народа только через приобщение к великой культуре русского народа, — и в этом он был последователен и упорен до самого конца своей жизни. Не поддаваясь влиянию панисламизма и пантюркизма, он проходит мимо них, отвергает их как ограниченное фанатическое течение, могущее только усугубить вековую изолированность, отсталость народов Востока.

Отрешившись от догм и устоев исламизма, Абай вырабатывает в себе удивительно смелую, европейски широкую независимость духа, необыкновенную широту взглядов, как истинно просвещённый борец и деятель культуры, воспитанный на классических образцах русской и европейской литературы с их общечеловеческими идеалами добра, долга и бескорыстного служения народу, родине, на благо угнетённого человечества.

В свете этих воззрений на мир Абай безошибочно постиг ограниченность и реакционную сущность мнимого «пробуждения» мусульманского Востока. Проницательный, мудрый художник уже тогда предвидел вредоносное влияние этих идей.

Октябрьская революция, сорвавшая идеалистические покровы с панисламизма, пантюркизма и прочих видов буржуазно-реакционного национализма, показала во всей наготе их антинародную сущность.

В своём творчестве Абай ни шагу не сделал вместе с этим восточным «новаторством». В поэтическом наследии Абая чувствуются лучшие традиции древневосточной классической поэзии. В песнях любви, в лирических раздумьях, в философско-моралистической поэме «Масгуд» видно несомненное влияние восточных классиков. Но это только внешние признаки. Новое идейно-художественное содержание, правдивость чувств, глубоко-проникновенное ощущение жизни, конкретное, «земное» осознание мира вещей и человеческих отношений у Абая бесспорно оригинальны и не зависят от восточных образцов.

Даже те стихи его, которые касаются религиозных верований и внутренних убеждений поэта, не имеют ничего общего с книжным учением мусульманской религии. Абай, рационалист и поклонник ясного критического разума, часто прямо отрицает официально проповедуемые догмы ислама. Религия для него — только условная основа человеческой морали, только повод для личного совершенствования человека. В цикле стихов, посвящённых муллам, фанатикам, распространителям ислама или схоластике, толкователям корана, Абай едко высмеивает их корыстную, притворную набожность и не стесняется называть их «прожорливыми паразитами с широкой глоткой коршуна, раздирающего падаль».

Арабо-мусульманский Восток находит своё место в творчестве Абая критически переоценённым, воспринятым самостоятельным мировоззрением поэта.

Сложно, оригинально и многообразно также общение Абая и с европейской культурой. Абай прошёл длительный путь самообразования, изучая русскую и западную культуру. Начав с Пушкина,

Лермонтова, Крылова, он изучил и литературу шестидесятых — восьмидесятых годов, причём любимыми его авторами стали не только поэты, но и великие русские прозаики — Лев Толстой, Салтыков-Щедрин. По русским переводам Абай узнал Гёте, Байрона и других великих западноевропейских классиков. Он был достаточно знаком и с античной литературой.

Пользуясь лермонтовскими переводами, Абай перевёл на казахский язык ряд отдельных стихов Байрона и Гёте.

По свидетельству ссыльных его друзей (Леонтьева и других), Абай систематически занимался западной философией, в частности философией Спенсера, Спинозы, интересовался учением Дарвина.

Творческий подход Абая к русской классике отличался новыми чертами в каждую новую пору его деятельности. Переводя Крылова, Абай изменял дидактическую часть басен, перерабатывая их в новые сентенции, применительно к представлениям и понятиям казахов. С огромной тщательностью и особой любовью переводил Абай стихи Лермонтова. Из них «Кинжал», «Выхожу один я на дорогу», «Дары Терека», «Парус», отрывки из «Демона» до сих пор остаются непревзойденными по мастерству среди переводов русских классиков на казахский язык.

Совсем особое отношение было у Абая к Пушкину. Переведённые им отрывки «Евгения Онегина» скорее не перевод, а вдохновенный пересказ пушкинского романа. Поражённый правдивостью и высокой поэтичностью образов Татьяны и Онегина, Абай пересказал их историю, подчеркнув поучительность цельного чувства любви и приблизив эту любовь к пониманию казахской молодёжи. При этом Абай следовал узаконенной в восточной поэзии древней традиции «назира», в силу которой поэт по-новому раскрывает сюжет и темы своих предшественников. Так, мы знаем «перепевы» сюжетов «Лейли и Меджнун», «Фархад и Шириин», поэм об Александре (Искандере) у поэтов арабо-индусской, иранской и тюркской старины. Сам Абай воспевал в одной своей поэме Александра (Искандера) и Аристотеля в плане такого перепева, следуя в этом примеру азербайджанского классика Низами и узбекского — Навои. Эту манеру вольного поэтического пересказа великого наследия прошлого Абай применил и к «Евгению Онегину». При этом Абай не изменил образа Татьяны в тончайших проявлениях её русской души, не исказил и конца романа. «Евгений Онегин» Пушкина в абаевской версии принял форму эпистолярного романа. Сложив мелодии на письма Татьяны и Онегина, Абай ввёл в репертуар акынов чудесные излияния душ влюблённой пары, и их имена

стали популярными настолько, что не только пелись эти письма-объяснения, но порой их же словами начинались любовные послания и объяснения самой степной молодёжи или цитировались в них.

Переводческая работа Абая, имевшая огромное значение для развития казахской литературы, показывает, однако, лишь непосредственную связь его с русской и европейской литературами. Глубокое же и органическое влияние этой культуры и художественных традиций надо искать в собственном творчестве Абая. Несомненным итогом благотворного влияния русской поэтической культуры было смелое обогащение Абаем казахской поэзии новыми формами (Абай ввёл одиннадцать не существовавших до него стихотворных форм), новой тематикой, новым социальным содержанием. Это резко повысило качественный уровень казахской поэзии. Хотя Пушкина Абай переводил реже, чем других русских классиков, общение с великим русским поэтом сказалось в собственном его творчестве: в нём очень много пушкинских черт — и в лирических раздумьях, и в описаниях природы, и в проникновенном понимании любящего женского сердца, и в общечеловеческом звучании социальных мстивов.

Только глубокая внутренняя связь с мировой поэтической культурой дала Абаю возможность создать его песни о четырёх временах года, его лирические стихи и поэтические размышления, его стихи о назначении поэта, поэму об Александре Македонском и Аристотеле.

В стихах о четырёх временах года Абай даёт казахский пейзаж и быт кочевого казахского аула. Но в восприятии природы, во взгляде на этот своеобразный бытовой уклад, в пронизывающем их поэтическом настроении сказывается новое качество мыслей и чувств поэта, до него небывалое в казахской литературе.

В стихотворении, посвящённом поэту, Абай противопоставляет низменной и косной среде, окружающей поэта, его независимость, правдивость, гордость и взлёт его вдохновенной мысли. Здесь Абай роднится в своих взглядах с Пушкиным.

Замечательно также сходство мотивов в творчестве Абая и Салтыкова-Щедрина. Абай не писал художественной прозы, но в своих сатирических стихах, с убийственной меткостью осмеивающих степных воротил — управителей, чиновников, биев (судей), аткамнеров — родовых старейшин, — Абай художественно и политически близок к Салтыкову-Щедрину. В одном из своих обращений к учащимся Абай называет имя Салтыкова-Щедрина как писателя,

давшего верные портреты чиновников, насильников народа. Не отдельными, случайными высказываниями, а всем содержанием своей поэзии Абай отрицает политический строй своего времени, и поэтому его одобрение и сочувствие русским классикам, выражавшим оппозицию правительству, имеет глубокую связь с его сочувствием Шамилю и Кенесары, вождю казахского восстания против царизма.

Абай оставил нам не только свою поэзию.

В его философско-критических и моралистических беседах «Гаклия» мы находим большое количество афоризмов. Мудрые и лаконичные, эти афоризмы давно уже вошли в обиход казахского литературного языка.

В настоящем издании впервые на русском языке публикуется значительный цикл этих бесед-рассуждений Абая. Трудно назвать жанр, к которому можно было бы отнести их. Здесь и философско-моралистические, и общественно-публицистические, и изобличительно-сатирические высказывания поэта. Нося в целом характер то мирной, то иронически-жёлчной, то глубоко грустной, даже удручённой беседы со своим читателем, эти «сёзь» («слова») прежде всего отличаются исключительно тщательной стилистической отделанностью. Если это рассуждения — то рассуждения поэта, высказанные мастерским, выразительным, образным языком. Адресованные порою к слушателю-собеседнику, они иногда носят форму прямого изустного обращения к нему с глазу на глаз. И тут Абай становится часто гневным судьёй или печальником народа, и в таких случаях часто его «сёзь» превращаются в скорбную исповедь человека, обречённого на одиночество в мрачный век господства беспросветной тьмы.

В ту пору, когда сочинения поэта распространялись ещё в рукописных списках, его «Кара-сёзь» входили в каждую новую книгу. С особенным интересом зачитывались ими люди старшего поколения, которые украшали свою речь вставками из «Кара-сёзь», подолгу толкуя о смысле и поучительных выводах этих рассуждений. Видимо, и сам поэт, понимая большую доступность прозаической формы высказываний своих разнообразных оригинальных мыслей и заранее зная круг читателей этого вида его творчества, нередко старается говорить их языком, пользуется их моральными оценками. В этих случаях он ссылается иногда на моралистические догмы ислама. Но при этом каждый раз апологетику ислама он истолковывает в духе рационалистической морали.

Абай был также талантливым и оригинальным композитором.

Помимо многих стихов, посвящённых песне и музыке, Абай создал около двух десятков мелодий.

Такой же новатор в музыке, как и в поэзии, Абай вложил в свои мелодии новое содержание и создал стиль, отличный от существовавших до него народных мелодий. И здесь проявилась вся многогранность и мощь творческой природы Абая.

Поклонник критического разума, просвещённый и пламенный борец за культуру, трагический одиночка в мрачной среде ханжей, стяжателей, косных седобородых старшин-феодалов, Абай был выдающейся фигурой не только в истории своего народа, но и в истории всего Ближнего Востока.

Отыскивая свою «каабу» не на развалинах ислама, как его современники — панисламисты и пантюркисты всего Ближнего Востока, Абай смотрел не только на Восток, но и на Запад. Он шёл вперёд своим одиноким путём сквозь мрак и косность эпохи. Он обрёл свет и счастье, когда этот путь вывел его на незарастающую народную тропу к памятнику великого гения русского народа Александра Сергеевича Пушкина

И, пожалуй, один из первых, кто пришёл с Востока к этому благородному памятнику, был именно Абай.

Нашему поколению Абай с его бессмертными творениями, вспоёнными соками народной казахской и русской классической поэзии, представляется явлением поразительным. Горным тенистым кедром высится он в истории своего народа. Он взял всё лучшее от многовековой культуры казахского народа и обогатил эти сокровища благотворным влиянием русской культуры.

Своим устремлённым и систематическим обращением к великому наследию духовной культуры русского народа Абай возглавил самое прогрессивное движение в истории общественной мысли своего народа. Одним из первых просвещённых деятелей казахского народа он последовательно разрушал все преграды, мешавшие скорейшему приобщению казахского общества к передовой русской культуре. Тем самым он способствовал слиянию русского и казахского народов в общей борьбе за светлое будущее против реакционного строя, разобцавшего эти народы. Потому так дорого нам имя Абая и потому так свежо, по-современному звучали стихи поэта в среде казахов-бойцов и офицеров, защитников Родины, в годы Великой Отечественной войны скрепивших борьбой и победой, кровью и сердцем братское содружество народов Великого Союза.

Пройдя вместе с лучшими сынами и дочерьми своей родины

через годы боевого испытания всех духовных ценностей, Абай стал ещё более дорог и близок нашей социалистической счастливой современности.

В этом высшее свидетельство неувядаемой славы Абая как подлинного основоположника новой казахской культуры, сияющей вершины казахской классической поэзии.

1945 г.

Мухтар Ауэзов

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПОДРАЖАНИЕ ВОСТОКУ

Как яхонт, взорам ты мила,
Ты блещешь мрамором чела,
А шея нежная бела,
Кто создал брови — не пойму!

Хоть был бы тот, кто полонён,
Как встарь Ямшид, и Соломон,
И Искандер всевластен, — он
Не дорог сердцу твоему!

Тебя узрев, с тобой хоть раз
Глазами встретясь, тот же час
Потупим взор... нег сил у нас...
Изнемогаем... Почему?

1858

* * *

Шамси, Саади, Физули,
Хафиз, Навои, Сайхали,
Фирдовси, — молодому поэту,
Великие, вы помогли!

1859

* * *

Эй, ты, Жаксылык, — хоть себя пожалей!
На многих хватило бы дури твоей!
Берёшь ты из бедности деньги займы?
Но займы как раз и приводят-то к ней!

1880

* * *

Находит просторы и в люльке дитя.
Нас бог насыщает, наш путь осветя.
А в старости в тесном захочешь миру
В лачуге укрыться, покой обрега.

1880

ОХОТА С БЕРКУТОМ

Ловчий с беркутом скачет в ранних снегах.
Будет зорок — добудет лису в горах.
Вот находка в дороге: хороший конь,
Да сговорчивый спутник, забывший страх,
Да лисы осторожной обратный след,
Обнаруженный чудом в горных кустах.

Всадник с беркутом скачет во весь опор:
Направление следа заметил взор.
Он сорвёт клобучок у беркута с глаз, —
Беркут машет крылами, глядит в упор.
«Слишком низко мы скачем: уйдёт лиса!» —
Так подумав, он взмоет к вершинам гор.

«Не спасёт меня бегство», — лиса поймёт.
Остановится вдруг и раскроет рот,
Заскрежещет зубами и глянет вверх.
Кто у хитрой без боя душу возьмёт?
Будет зрелище! Ловчий, нетерпелив,
Презирая опасность, летит вперёд.

Помнит беркут: лиса — из мощных врагов,
Сразу в дело пускает сорок клинков!
Но не вздумает медлить беркут-батыр:
Обнажит восемь лезвий, восемь штыков,
Зашумит он крылами, и засвистит,
И стремглав понесётся из облаков.

Вот сошлись, вот сцепились в блеске зари,
Словно единоборцы-богатыри.
Тот — небесный дикарь, та — дикарь земной.
Захотел человек, и вот дикари
Бьются насмерть... А снег слепительно бел,
Чёрен беркут, лисица красна... Смотри!

Эта битва с купаньем девы сходна
В час, когда на локтях поднимает она
Две косы смоляные, входя в ручей,
Молодая, нагая, легка, нежна,
С белоснежным телом, румяна лицом!
Эта битва напомнить тебе должна

Жениха и невесты первую ночь, —
На постели им тесно. Лисе невмочь:
Беркут смял и свернул её под себя.
Ловчий, быстро добычу ты приторочь!
Шестьдесят две хитрости лисьи разбив,
Победители стать на отдых непрочь!

Скажут старшие, похвалив смельчака:
«Дай ещё нам, о боже, три косяка!»
Сердце твоё довольством тогда полно,
Ты за губу кладёшь шепоть табака.
Если в горах лисиц, что ягод в лесу, —
Станет воистину жизнь твоя сладка.

Горькие думы исчезнут без следа,
Если на ловлю ты приедешь сюда.
В бренном мире нет мне занятия милей,
С беркутом я бы охотился всегда!
У когò пронцательный, ясный ум,
Тот, наверно, меня поймёт без труда.

Не видна близоруким в степи трава,
Не понять верхогляду мои слова,
Но возникнет образ в сознании твоём,
Если в каждое слово вникнешь сперва.
Только истинный ловчий меня поймёт,
Тот, в чьём сердце прелесть охоты жива.

* * *

Белый лоб — серебро, чей тонок чекан.
Он глазами лучистыми осиян.
Словно вычерчен двух бровей полукруг.
Облик юной луны красавице дан.

Нос её — словно выточен на лице.
Кто расскажет, как цвет её щёк румян?
Ожерельем жемчужных её зубов
Я люблюсь, от жгучих желаний пьян.

Смех журчащий её — как дробь соловья.
В мудрой речи её не гостит обман.
Шёлк завидовать может шее такой.
Кто в её подбородке сыщет изъян?

Безошибочен выгиб точёных плеч.
От гранатных грудей исходит дурман.
Безупречен налив этих двух плодов,
И маняще упруг тростниковый стан!

Эти гладкие пальцы ловки в шитье,
Локоть — нежный младенец, что всеми ждан, —
А смолистые косы — волнистый шёлк,
Что для радости взора прилежно ткан!

Чей же цвет не увял от ранних страстей?
Столь доступны красавицы наших дней,
Что годам к восемнадцати жёлт и вял
И затискан гранатный налив грудей.

Лицемерны личины иных блудниц:
Добродетельней нет, мол, и нет святей...
Но немало таких, что всем напоказ
Щеголяют распушенностью своей.

Знаем скромниц мы этих, забывших счёт
Удальцам, что недолго ждут у дверей.
Попадётся ль бесстыжий, грубый хвостун, —
И таких принимают девы гостей.

Хоть таким не сойти за честных людей,
Хоть такие к безделью всего склонней,
Хоть иной разглагольствующий жигит
Не дороже хвастливых своих речей.

1884

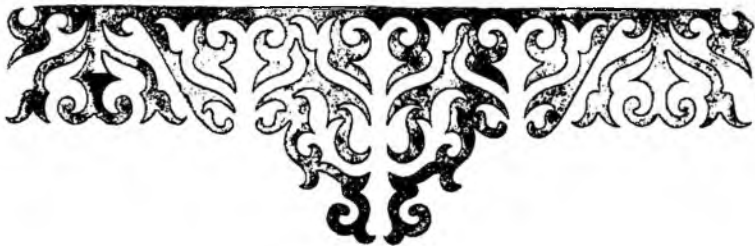

* * *

С юных лет мне чужд был знания свет благой.
Видя благо в нём, я шёл стезёй другой.
Возмужал — наука из-под рук ушла.
Поздно к ней ты устремился, разум мой!
Кто повинен в том, что я теперь ни с чем?
Знанием овладев, я стал бы весь иной.
Из людских отряд одну зовут: дитя.
Обучение детей — наш долг прямой.
Сына отдал в медресе — «Расстанься с тьмой!» —
Не затем, чтоб сын мой нажил чин большой.
Сам к высотам я стремился всей душой.
В красноречии сравнился ль кто со мной?
Но такого нет, кто б оценил мой труд.
И давно я предпочёл зсему — покой.

1885

* * *

Вот и старость — скорбны думы, чуток сон,
Ядом гнева дух угрюмый распалён,
Мыслью не с кем поделиться старику,
Стал далёк и непонятен людям он.

Жить на свете лишь однажды суждено,
Дням минувшим воротиться не дано,
Радость где-то остаётся позади.
Божество неизменяемо одно.

Трезвым будь, учись владеть собой,
Лишь бездарный уживается с судьбой:
Нет в нём жара, мысли немощны его,
Прозябает он в покорности тупой.

Отвратителен лентяям честный труд,
Самохвальством, плутовством они живут,
И нечестных жребий — гибель и позор,
Разбивается не в год, а в миг сосуд.

Должно жизнь свою сокровищем считать,
Разум острый и добро приобретать.
По аулам праздно шляется иной.
В шутовстве не стыдно ль время коротать!

Чужд невежде разум, ясный и простой,
Он скорей пленится выдумкой худой.
Ведь не всяк способен правду оценить, —
Верит глупый небылице лишь одной.

Бредит дурень — о багрянце заревом,
Об одеждах, шитых чудо-серебром,
С отвращением относится к словам
Аксакала, знающего обо всём.

Мудрый взором проникает в глубь вещей,
Расщепляет волос на сорок частей,
Он и судит, он и взвешивает грех,
А невежда вторит толкам площадей.

Враг народа, превозносит он народ,
Ближних губит и над ними слёзы льёт,
Если повезёт кому хоть раз,
Говорит он: господа, любимец — вот!

Тяжким бедствиям народным рад шайтан,
Безутешной скорбью ангел обуян;
«Виноват» — не скажет подлый, но скорей
К дьяволу переметнётся в стан.

Хитрым мнит себя из подлецов любой,
По углам таятся, шепчут меж собой.
Разве злом добиться можно торжества?
Не себя ль толкают к яме роковой?

Всякий ли народом управлять рождён?
Зло с добром сравнить сумеет чей закон?
Волостным всё норовит безмозглый стать, —
Под конец, как пёс, поруган будет он.

1886

* * *

Жизнь уходит, и сбиться мечтам не дано,
Всюду — зависть, стяжательство вижу одно.
Молодое пугает меня поколение.
Развращённое, труд презирает оно.

Бай берёт, говоря: «Не останусь в долгу,
Я с лихвой заплачу, я в беде помогу».
Волостной или бий, поживясь, обещают:
«Твоему насолить мы сумеем врагу».

Занимает бедняк: «Я трудом отплачу».
Сотенный: «Слухи я по аулу пушу».
Вымогает и тут же грозит, проходимец.
В вымогательстве рвач помогает рвачу.

Друг берёт, говоря: «Ты не дашь — я готов
Перекинуться в стан твоих лютых врагов.
Отойду — не разыщешь, и след мой простынет.
Буду действовать против тебя. Я таков».

А хитрец расточает иные слова:
«Расхвалю тебя, — знаешь, что значит молва?»
Он себе на уме — поживиться бараном...
Как подумаешь, кругом идёт голова!

Что ж, барашка зарежь, угощай им полдня.
«Мяса дам, если голос отдашь за меня!»
Все придут и поднимут галдёж, как вороны:
«Кто даст больше, тому я и друг, и родня».

Кто изменит, — встречаясь, не склонен краснеть,
Нарушителей клятвы привыкли терпеть.
Вот один из них лает, как злая собака:
«Я кусок оторву — будет сытная снедь».

Осчастливит начальник округу свою:
«Выбирай кого хочешь, свободу даю».
И от этого много пошло беспорядка.
А начальство грозит: «Растопчу! Истреблю!»

Тот, кто предал, останется с грязной душой.
Упрекнёшь — огрызнётся: «Я в ссоре с тобой».
Человека не вижу, который сказал бы:
«Я доволен своей справедливой судьбой».

Сын отца предаёт, брата старшего — брат.
Я устал, я измучен и жизни не рад.
Если совесть и честь раболепствуют злату,
Пусть уста очерствеют, слова не звучат.

Заблудились казахи — и злость в их сердцах.
Строят козни друг другу, темно в их глазах.
Все корыстны, все ищут богатства и славы.
Ах, зачем ты их создал такими, аллах?

Так проклятье тому, кто клянётся и лжёт,
Кто за золото душу и честь продаёт,
Кто, вертясь в один день в сорока околотках,
Добывает себе и доход, и почёт, —
Кто в домашнем кругу у себя благороден,
А потом за коня он тебя предаёт.

1886

* * *

Хоть любую добычу орёл берёт —
Люди возятся с птицей других пород;
Лишь орёл к поднебесью взмлет, они
Пустельгу и вёрона гонят в полёт.
Ворон каркает, бьёт крылом тяжело.
Пустельга от ворона не отстаёт.
Сами дичь не ловят, мешают орлу,
А хозяева скачут взад и вперёд
И, любуясь, как птицы дразнят орла,
Доупаду смеются, разинув рот.
И никто не скажет: «К чему это всё?»
Хвалят этих пичуг всю ночь напролёт.
Ты отрады и пользы здесь не найдёшь, —
Забавляется этим глупый народ.

1886

* * *

О казахи мои, мой бедный народ!
Жёстким усом небритым прикрыл ты рот.
Зло — на левой щеке, на правой — добро...
Где же правда? Твой разум не разберёт!

Ты и с виду неплох, и числом велик,
Но какой же яд в твою душу проник?
Ты не внемлешь добрым советам чужих,
Режет всех без разбора твой серп-язык!

Власть не можешь явить над своим добром,
Спишь тревожным сном и тревожишься днём,
Добродушен, сердит, заносчив, труслив,
Постоянен в непостоянстве одном.

Почему же чванливый и мелкий сброд
Изуродовал душу твою, народ?
Не справишься ты, покуда чужой
Над тобой правленья бразды не возьмёт.

Если зову чести не будешь внимать,
Отвернётся от сына отчизна-мать.
Всё добро своё по ветру ты пустил,
И уже степных табунов не поймать.

Нет единства, порядка, везде разлад.
Зависть, алчность владеть тобою хотят.
Исцели себя от недугов таких,
А не то унижен будешь стократ.

Разве можешь ты быть спокоен душой,
Если горки не в силах взять небольшой?
Если стойкости нет, если твёрдости нет,
Разве можешь ты быть довольным собой?
Если кто-либо верный укажет путь, —
Ты его клеймишь неразумной хулой.

1886

* * *

Бай живёт и охраняет свой скот,
Даст десять голов — сотню уберезёт,
А тот, кто получит десять голов,
Ещё левяносто в придачу урвёт.
Друг друга преследуют, злобой дыша.
Съездит в город, попьёт воды Иртыша,
Донесёт (пред ложью правда молчит)
И, довольный, скачет домой, спеша.
Исхудали кони от частой езды,
Карманы у всех от долгов худы,
Хитрецом и сутягой хотят прослыть,
Аллах не спасёт их от злой беды.
Кто молчит, — говорят — «испугался он»
И ходатаев шлёт обмануть закон.
В наш век у богатых сила вся,
Обманщик избит, но не перевелся.
Чтобы честного человека травить,
При себе они держат злого пса.

1886

* * *

Измучен, обманут я всеми вокруг.
Меня предавали и недруг, и друг.
Средь близких и дальних почти не найти,
Кто б не был причиной горестных мук.

Один — из-за выгод приятель тебе.
Споткнёшься — покинет в неверной судьбе.
Не скажет тогда: «Я такой же, как он», —
И рядом не встанет в неравной борьбе.

Тот — низкий стяжатель, тот — взяточник, вор.
Для них твои цели и помыслы — вздор.
Пустые лукавцы, рабы суеты.
На ком остановишь с надеждою взор?

Трепещут за скот, за добро богачи.
Всё спрятавши, прячутся сами в ночи:
Там стадо угнали, ограбили тут —
В тревоге, насупясь, сидят, как сычи.

Торговлей не могут заняться купцы —
Бедняги не сводят с концами концы:
Поверишь на слово — не взыщешь потом,
Долгов не хотят признавать подлецы.

Судья презирает свой сан и закон,
К злодеям, к ворам снисходителен он, —
И множится зло, расцветая вокруг,
И нет преступленьям преград и препон.

Завидуют злобно свои своему.
Не внемлет, не верит никто никому.
И дети, и брат, и жена, и твой друг
Тебе ж изменяют в твоём же дому!

На честного тысячи плутов кругом, —
Как тут в одиночку бороться со злом?
Распутство и пьянство повсюду царят,
И всем безразличен распад и разлом.

Где солнце смеялось земле и цветам, —
Осенняя слякоть и сумерки там.
Скандалы и распри мертвят, как зима,
Раздолье — мерзавцам, разор — беднякам!

К заслугам, к летам — уважения нет.
Презренное вылезло гордо на свет.
За деньги все рады позорить и чтить,
Мгновенно в любой перекрасившись цвет!

1886

* * *

Тот, кто заблудился, видит впереди простор пустой.
Он всегда к словам нечестным падок и перед толпой
Всё кичится, как богач, который сыт своим добром,
И нечистые дела творит он с лёгкою душой.

И чапан сидит суконный, словно вылитый, на нём,
И шагает он вразвалку, низко стянут кушаком,
Малахай свой загибает кверху он для красоты,
До тех пор, покуда пышный не облезет мех кругом.

Никогда не мнётся летом шапка белая его,
Палка у него в руке не просто палка — волшебство.
В остов юрты палку сунув и повесив шапку, он
Нагло на стороны смотрит и не видит ничего.

Без труда узнать пройдоху по истёршимся штанам,
Складки на коленях тщится пальцем он разгладить сам.
Много времени имеет он, как пленник, что всегда
Знает лишь одно занятие — облегчаться по часам.

Он сызмальства всем ровесник; балагурия, бродит он,
И хохочет, и гогочет, без причины возбуждён;
Чуть заговорит — ужимок отвратительных не счесть;
Хмурит бровь, глядит надменно — до чего в себя
влюблён!

Много есть у нас в наряде праздных и пустых таких.
Что хозяйство им, что совесть? Только блеск пленяет их.

Всё занятые их в бахвальстве, в бесполезной суете,
Не подумают о том, чтоб воспитать себя самих.

О скоте своём нимало не заботятся они,
Честного труда не зная, носятся за днями дни
На конях на запотевших по аулам взад-вперёд,
Ухмыляются довольно, мельком лишь на них взгляни.

1886

* * *

Только юность одна — жизни счастливой цвет,
Но не надейся, что ты так и не будешь сед.
В юности только мы веселы и бодры,
Старость придёт — и вдруг увидишь, что счастья лет.

В юности дело нам: весело распевать,
Острым словцом своим, шуткою задевать,
Гордо в аулах ходить, нежно к девушкам лхнуть, —
Лучшего счастья нам будто бы и не знать.

Мудрый такую жизнь лишь пустяком сочтёт —
Лучше учитесь вы и собирайте скот.
Девушку любишь — люби только свою, одну,
Влюбчивым может быть жалкий лишь сумасброд.

Часто не о скоте думает молодёжь.
Если только забава — и до беды дойдёшь.
В юности прежде всего надо учиться нам
Нет к науке путей — и честный труд хорош.

Пиршество где-нибудь — ты пышный берёшь наряд.
На удалом коне прогарцовать ты рад.
Но похудеет конь, минет скоро почёт.
Пусть же суетный пир твой не прельщает взгляд.

Сдержанность — вот наш щит, верный признак ума,
Трудности побеждать учит нас жизнь сама.
Как увлекаться нам смехом, таким пустым!
Пусть же будет твоя воля всегда пряма.

Как ни велик твой пыл — не отдавайся ему.
Встретишь ты на пути страшных несчастий тьму --
Будешь скитаться ты, хлеб выпрашивать свой,
Беспечность твоя вовек не приведёт ни к чему.

Часто до гроба нас уродует шегольство,
Ставь же ему предел, не поощряй его.
Вором может стать, нищим в лохмотьях — тот
Кто не может трудом добыть себе ничего.

Разуму не научил вас с юных лет отец,
Родичей нет, чтоб ум занял у них молодец;
Жаль годов молодых, ушедших на шегольство —
Уж не придётся ль тебе раскаяться наконец?

Юношей уже нет, кто бы меня понимал,
И от напрасных надежд каждый смертельно устал;
Чтобы никто не мог старцев, нас, упрекнуть,
Скромные эти слова я для других написал.

1886

ЖИГИТАМ

Жигиты, ценен смех — не шутовство,
Различны внешний вид и естество,
Но если кто-то искренно смеётся,
Будь откровенен с ним, люби его.

Один не слушает — такой не в счет,
Другой внимателен — тебя поймёт,
А третий всё по своему воспримет,
Чтоб всё истолковать наоборот.

Уж если любишь ты, так всей душой!
Сгори в огне, но, верен слову, стой!
А розовые юноши линяют,
Как только прикоснёмся к ним водой.

К порывам юные сердца зову,
Я человечность ставлю во главу.
Кто корыстолюбив в своих поступках,
Тот мелкий человек по существу.

Так будь отзывчивым, как друг и брат,
И поделись со всеми, чем богат.
Да будет дружба искренней и честной, —
И все дурные чувства замолчат!

Собравшимся я дам один совет:
Не пререкайтесь в мирный час бесед.
Друг к другу проявите уваженье,
Которого у нас в избытке нет.

Единодушие — отрада нам,
Неведомая неучам, глупцам.
Достойный человек не выдаст тайны
И клеветы не пустит по следам.

Твой пыл советую тебе сдержать.
На бабнике — бесчестия печать.
Жигит разборчив — не кобель, какому
Любая сука с улицы подстать.

Не увлекайся внешней красотой,
Не поддавайся страстности слепой.
Не обольщайся женщиной красивой,
Узнай, характер у неё какой.

Мгновенно гаснет пламя страстных нег.
Кто, тешась новизной, проводит век,
Кому лицо подруги верной скучно, —
Тот просто недостойный человек.

Той женщине хвалу я воздаю,
Что душу знает наизусть твою,
Внимает каждому биению сердца
И хочет жизнь тебе отдать свою.

Опасность женская краса таит,
Доступная для многих волокит.
«Кто может устоять передо мною?»
Так чванная красавица твердит.

Хвала тому, кто действует, кто смел!
Кто гордым сердце пронести сумел.
А от неряхи, бабника, тупицы
Жди только сплетен и позорных дел.

Коль ты любим женой и любишь сам,
То это невдомёк одним глупцам.
Где умный муж с женою благонравной, —
Счастливую семью мы видим там.

Когда не легкомысленна жена,
Не даст злословью повода она, —
Свежа, гибка, подобна стеблю розы,
В её дыханьи счастье и весна.

Богатством байской дочки не прельстись
И тем, что мал калым, не соблазнить,
Но если это дочь людей хороших, —
Не будь глупцом, не упусти — женись.

Когда сидишь ты с другом у стола,
Пусть жена не морщится со зла.
Пусть уважение проявит к другу,
Лицом светла и сердцем весела.

Разборчивее выбирай друзей,
Отбрось развязных шутников скорей.
Но к разуму и красоте стремленье,
К познанию рвенье оценить умей.

Сегодня друг, он завтра недруг твой,
Изменник с низкой, чёрною душой.
Где ты, неисякающая дружба,
В которой нет корысти никакой!

О выгоде радуется молодёжь.
Прославиться трудом ей невтерпёж.
И смех её дешёвый — зубоскальство.
Сродни ей жадность, и корысть, и ложь.

Плутуют молодые пошляки.
Им низкое торгашество с руки.
Повсюду склоки, драки и скандалы.
Друг друга предадут за пустяки.

Лишь малыши дружны между собой
И, ласковые, тешатся игрой.
Но всё-таки в конце игры повздорят,
И тут начнётся потасовка, бой.

Когда ж малыш придёт домой побит,
Отец его бранит, и мать бранит.
И старики на малышей похожи...
Не следует им подражать жигит!

Тот, кто копает яму для друзей,
И сам окажется, конечно, в ней.
Но, благородному доверяйся другу,
Все замыслы бесчестные развеи!

Пока у многих — узкий кругозор,
Не развит ум и тѣмен до сих пор.
Не видят завтра, злоба дня — удел их,
Чуть что — обида, тяжба и позор.

1886

* * *

Создатель, сжался надо мной, услышь мою мольбу!
Пути к спасенью укажи, реши мою судьбу.

Меня за горло враг схватил, в тисках томится грудь,
И слова молвить не даёт и воздухом вздохнуть.

Аргына честный род внимал моим словам не раз.
В Наймане слушали всегда отцовский мой наказ.

Мне горько даром расточать бессмертные слова, —
У тобыктинцев нет ума, — пуста их голова.

Мой разум ценят ни во что, смеются надо мной,
Полушку медную сулят за слиток золотой.

За драгоценную парчу, серебряную вязь
Дают бухарское гнильё, суют за бархат бязь¹.

Настанет время, узел лжи разрубит грозный меч,
Падёт пустая голова тогда с надменных плеч.

Приблизь, создатель, день суда, все дни — твои рабы.
Несправедливость уничтожь. Спаси от злой судьбы.

Настигнет нечестивцев месть, от кары не уйдут.
Возмездье скорое грядёт, свершится правый суд.

1886

¹ Бязь — материал, идущий на саван, служит символом смерти.

* * *

Каждый за товаром едет на базар.
Там торгует медник, пекарь и гончар.
Вам по вкусу жемчуг, а другому — хлеб,
По душе найдётся каждому товар.

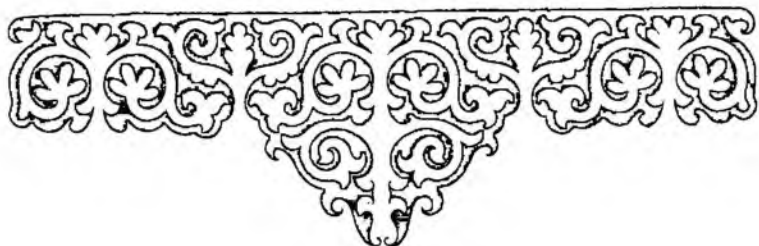
Стар и млад стремится утолить свой жар,
Каждого по средствам наделит базар.
Но не всем доступен жемчуг слов моих,
Труден смысл иному, будь он мудр и стар.

Не для всех открыта тайна чар моих,
И не всем по сердцу мой словесный дар.
Но неужто жемчуг обратится в пар?
Нет, сияет слово ярко, как пожар.

«Псу алмаз не нужен», — мудрость говорит.
Поговорку эту знает и школяр.
Вникни в смысл, читатель, будь ты млад иль стар,
И прими как должно мой смиренный дар.

1886

* * *

Пока не знаешь — молчи.
Пока блуждаешь — молчи.
Не тешься блеском парчи,
Пустых забав не ищи.
Чтоб человеком ты был,
И вровень с веком ты был,
И нё жил бы суетой,
Ты пять врагов покори
И пять друзей избери.
Злословье, ложь, хвастовство,
Тщету пустую и лень
Смети с пути своего.
Правдивость, ясная мысль,
Упорство, скромность и труд —
Доверься — не предадут.
Будь чистым, зла сторонись,
К деяньям светлым стремись,
Чтоб разум жил добротой.
Пускай учёным не стал,
Пусть выпал жребий иной,
Но в жажде знания залог
Твоей дороги прямой.
Не говори: «Не смогу».
Стремясь к познанию душой,
Сумеешь им овладеть.
Но, сторонясь, как чужой,
Затушишь искру души.
Богатство, счастье, покой,
Познав науки, найдёшь.

Иди на свет их благой,
И всё, что скажет другой,
Иль аксакал, или бай,
Сам взвесь ты, сам осознай.
Будь верен мысли живой!
Не тепись лживой молвой!
Борьбой за правду живи.
Пусть пошлость нагло груба,
Тем легче с нею борьба.
Будь скромн, будь молчалив,
Мой горький опыт усвой.
О говорящем тебе
Не думай: «Кто он такой?» —
Но глубже вникни в слова.
Мир помнит славных певцов,
И мудрецов, и вождей
Великих в деле своём,
А много ль знаем о нём!
Поверь, о юноша, мне:
Бесценны знанье и ум.
Что чуждо их глубине —
Забудь, как суетный шум.
Достигни цели вполне,
Чтоб найденное сберечь.
На мудреца — сто глупцов,
Вот горькой истины речь.
Знай также, юный мой друг:
Не в слове близких своих
Ты правды проблеск найдёшь.
Убог привычный твой круг,
Где видят в истине ложь.
Душа невежды мертва,
Пусты без мысли слова.
И сам учись, и учи.
Лишь знаньем жив человек,
Лишь знаньем движется век.
Лишь знанье — светоч сердец.
Лишённый учеников
Учитель — словно вдовец.
Людей суди по уму,
Но не по облику их.
Разумен будь и правдив
В делах и думах своих, —

Так мудрецы говорят.
Пойми совет их простой
И, осознав, не забудь.
Да будет праведен путь,
Твоей души молодой!

1886

Л Е Т О

Лето — солнечная пора!
В тучных, в шёлковых травах степь
От душистых цветов пестра;
К полноводной реке аул
На кочевье пришёл с утра.
Слышно ржанье коней в траве,
Как в лесу, их найдёшь не вдруг;
Тяжко дышащих кобылиц
В стойло, в воду загнал пастух;
Бьют хвостами они себя,
Отгоняют докучных мух;
К матерям жеребята льнут
Или скачут, резвясь, вокруг;
Стаи уток и лебедей
Осеняют крылами луг...
Ставят девушки юрты; смех
На лукавых губах подруг,
Чётких, плавных движений ритм,
И мелькание белых рук...
Скот на пастбищах оглядев,
Успокоясь, помолодев,
Возвращается бай в аул, —
Аргамак его резв и сух.
Гости в юрту его сошлись,
Бьёт ключом из сабы кумыс.
Остроумие в их кругу
Возбуждает кумысный дух.

И, наученный пастухом,
Мальчуган осаждает мать,
Просит лакомства, врёт за двух.
Здесь не чувствуется жары;
Бай откинулся на ковры;
Над его самоваром — пар,
Словно облачка белый пух.
Бай кивком одобряет речь,
Говорить не желая вслух;
Но кивку его, лебезя,
Вмиг поддакивает весь круг.
С палксой, в белой рубашке, сед,
Аксакал издали спешит.
Он кричит: «Поверни стада!
Сторонись, не пыли, пастух!»
Может, баю придёт каприз
Пригласить к себе на кумыс
агэг Раболепнейшего из слуг.
Вот табунщики на лихих
Необъезженных вороных:
Утром сели они в седло,
А теперь уже день потух.
Вот охотники вдоль реки
По вечерним лугам спешат,
С каждым — сокол, как верный друг.
Ловкий хищник уходит ввысь
И разит, — и седых гусей
Гонит вдаль от него испуг...
...Аксакала томит недуг,
Жизнь прошла, не вернёшь назад;
Байским шуткам издалика
Вторит старческим смехом он...
Только бай к его смеху глух...

1886

В ИНТЕРНАТЕ

Наших множество детей
Принимают в интернат,
Словно пальцы на руке,
Меж собой они дружат,
Их родители горды: «И
«Сын мой ведает закон».
Да о жизни, на беду,
Ничего не знает он.
Всё стремление его
Русский выучить язык,
В составлены разных просьб
Упражняться он привык.
Не поймёт добра и зла
Тот, чей разум не глубок.
Ждёт он: час народных бед
Жирный даст ему кусок.
Без дерзаний и труда
Он наук не залучит.
Коль он неучем уйдёт
И с народом захитрит,
В нём отыщется ли прок?
Русские дают совет
Детям правильный всегда.
В наших детях правды нет, —
Сами тяготеют к злу,
Русских же винят потом
Понапрасну. Виноват
Иль Семипалатинск в том,
Иль обычаи степей.

Для немногих только есть
И Толстой и Салтыков.
Кто добыть хотел бы честь
Стать юристом, толмачом, —
Мысли мелкие у них.
Нет, меня не укорит
Мудрый за мой резкий стих!
Здравомыслящий, скажи,
От кого же прозвучат
Нам советы, если их
Не подаст нам старший брат?
Не барыш люби, а честь.
К знанию большему стремись.
В книгах всей науки ширь, —
Так читай же, не ленись.
И не льстись военным быть,
С золотой ходить каймой.
Хвастовство пустое брось,
Нос не задирая свой.
Пред «уездным» ты не гнишь.
Не блеснув, угаснешь ты:
Станет больше унижать,
Видя рабские черты.
Вот характер всех тупых,
Им ничто и опыт свой.
Не промолвят и словца,
Воле подчинясь чужой
И, грошами прельщены,
Входят в разные дела
И сбиваются с пути.
Встань на путь, где негу зла,
Хоть и труден этот путь!
«Счастье ищущим путей!»
Будь смелей — и сыщешь их,
И свободы ты своей
В службе баю не утрати!
Ты упорен, честен будь —
И сведёшь ты с жизнью счёт.
Так иди же следом в путь,
Если истина ведёт!
Есть и ложь, есть и закон,
Разберёт всё это суд.
Справедлив судья, ведь он

Не «уездный»-крючоктвор,
Или сам, на свой лишь страх,
Занимайся с этих пор.
Хоть немало долгих дум
И смекалка здесь нужна,
Да всегда поможет ум.

1886

КОКПАЮ

Плачет мой Кокпай.
В песнях через край
Льются слёзы горести.
Как же не тужить?
Трудно в мире жить, —
Жадность все напористей!
Грубость, воровство...
Всюду бьют его.
Слёзы в изобилии!
Что же? Так всегда;
Слабому — беда,
Где царит насилие!

1886

* * *

Жамантаев' сын Кожек смышлён:
Сплетни, словно письма почтальон,
Он разносит, клеветца на близких,
Думая, концы упрячет он.

1886

* * *

Бесплезная жизнь убывла, прошла.
Был мой век немалым, да польза мала.
Мнил себя мудрецом знаменитым я,
Ждал, что слава ко мне слетит, похвала.

Поводырь слепцов, просветитель глупцов
Оглуеют, ослепнут в конце концов.
Толпы наглых невежд нас тянут во тьму,
Зубоскалами делают мудрецов.

Прямодушному злобно кричим: «Урус!»
Знать, милее нам лицемерный трус.
Задушив человечность в наших сердцах,
Рвём своим недоверием дружбы союз.

Недоверье, как вихрь, ворвалось в наш дом,
Даже лучшему другу верим с трудом.
Нет прощенья ошибкам его! Залегла
В глуби сердца обида холодным льдом.

Нет для подлинной дружбы нигде межи,
Плещут волны любви через все рубежи.
То, что мы любовью и дружбой зовём, —
Лишь силоч для сердец, что соткан из лжи.

Ни друзей у меня, ни любимой нет.
Я устало пою на исходе лет.
О, каким необъятным казался мир
Той порой, как встречал я жизни расцвет.

Дружба — дар миродержца, вечная связь.
Речи друга с души твоей смоят грязь.
Сколотил бы дружбу, но злой глупец,
Как шиповник, её растоптал, глумясь.

Эту дружбу ищу я, но всё мертво!
Кровью сердца тоскливого своего
Я её зову... И что ж я обрёл?
Тьму знакомых, но друга — ни одного.

1886

* * *

Бесчестный, зверя жадней,
Грязный в словах и делах, —
Такой герой наших дней
Правит тобою, казах!
Забыв и совесть и честь,
Весь завистью налитой,
Он всех бы готов извѣсть
Хулою и клеветой.
Ничто для него не позор.
Откажешь — ты враг навек.
Озлясь, грабитель и вор,
Свершит на тебя набег.
Людьми ненавидим он,
А богом проклят давно.
Пускай кругом уличѣн, —
Отвертится всё равно.
Он все припишет другим,
Хоть в доводах смысла нет.
Немало награблено им —
Он взятку суѣт в ответ.
Не вышло — на новый лад
Начнѣт плести канитель.
Угроз, оскорблений ряд...
Глядишь — достигнута цель.
На крайний случай, готов
Подальше откочевать.
Его мечта — без трудов
Богатым и важным стать,

Лежать на боку в дому,
Шататься с пира на пир
И на бесплатном корму,
Как скот, нагуливать жир.
Нет, гордости мужа в нём, —
Для гордости и стыда
Он, словно брошенный дом:
Семья голодна всегда.
В товарищи он возьмёт
Такого же плута, как сам.
«Пройдохи» — зовёт их народ.
Сегодня враждебен вам,
А завтра он друг на час.
На всё лихое горазд,
Он оптом и в розницу вас
Сто раз предаст и продаст.

«Кто сведущий человек?» —
Спроси здесь любого ты.
«Тот, кто, пролгав весь век,
При помощи клеветы
Порочит, утратив стыд,
Равно своих и чужих
И по начальству летит
С кипой доносов на них
И там, опростав карман,
В аулах новый извет
Строчит, и ретив и рьян», —
Услышишь от всех ответ.

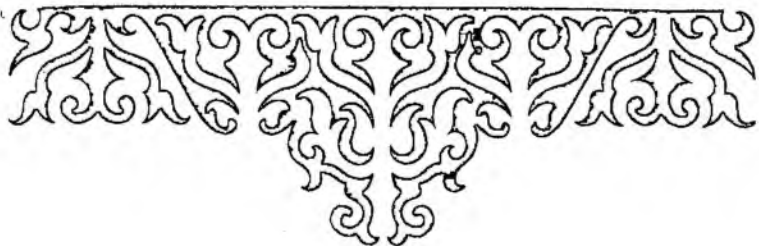
Ответ клеймящий — и что ж?
Кому он замкнул уста?
Снова такая же ложь,
Такая же клевета!
И снова плач без конца.
Коль все спокойно живут, —
Нет корма у подлеца,
Как пёс бродячий, он худ.
Он жизни своей не рад...
Грош — дома цена ему.
Покой для него, что яд.
Он скряга в своём дому.
Он ищет в чужом утех.

Он враг тому, кто умён.
Он псами ругает тех,
Кто лучше живёт, чем он!

Стал изобиловать край
Врагами жизни людской.
На всех поднимают лай,
Куснут — хоть иди, хоть стой.
Язык ядовит у них,
Душа их — чёрная грязь.
На честных и на прямых
Бросаются разъярясь.
Чтоб им привольней жилось, —
Всё очернят, что светло.
Пропитаны злом насквозь,
И все их деянья — зло.
Какая выгода им
Желать для других добра?
Им правда — что едкий дым,
Их ненависть к ней остра.
(Тьма ненавидит зарю!)
Под правду раскрасят ложь.
Честные, вам говорю,
Что правды в них ни на грош!
Пора уж в конце концов
К столбу пригвоздить подлецов!

1887

КОЖЕКБАЮ

Коль у тебя в чужом роду
Имеется старинный друг,
С которым ты всегда делил
Все тайны, мысли и досуг, —
Не удивляйся, если он,
Когда ты попадёшь в беду,
Забудет всё бывшее вдруг
И сокровенное твоё
Предаст во власть враждебных рук.

Врага он встретит твоего —
Превознесёт во всём его,
Твердя, что он непобедим,
Что ты ничто в сравненьи с ним. —
И враг кипит, сильнее ярься.

А после, встретивши тебя,
Друг, о любви своей трубя,
Твердит, что с ним он держит связь,
Радея о твоих делах —
Свидетель этому аллах!
Что с ним он близок для того,
Чтоб тайну выведать его
И обмануть в конце концов...
Клянётся прахом мертвецов,
Клянётся, бога не стыдясь,
Затапывая правду в грязь!
Он посетит тебя не раз

Под видом верного дружка,
Твердит о дружбе всякий час,
А сам вредит исподтишка.
Твоих родных разъединит
Его враждебная рука
И вовсе оттолкнёт иных.
Немало есть таких родных:
Когда за ворот схватит враг,
Как псы, вгрызаются в бока!

*

В злословьи, в праздности они
Свои проводят дома дни
Иль, став поодаль, за углом
Друг с другом шепчутся тайком:
Такому — всем ты нехорош!
Упрётся, коль его ведёшь,
Иль, сделав рядом два шага,
Ославит хуже, чем врага,
Осыпав градом злых угроз.
Живя лишь тем, что каждый даст,
Мгновенно сродника предаст,
Держа всегда по ветру нос,
Обидчивее, чем дитя,
И неприязненный к родным,
Не знает сам, какую цель
Преследует враждою к ним:
Ничем не жертвуя досель,
— Он полон лишь собой самим,
Не ведая, в какую щель
Сумеет спрятаться, когда
Охватит дом огонь и дым.

Придёт беда, — как в тот же миг
Он первым подымает крик:
«Долой! Ссадить его с коня!»
Случится, — заворчит родня,
Размолвкой пахнет, ссоры ждут; —
И он уж с видом жертвы тут
Кричит, ругаясь и грубя,
Его ненадобно учить,
Как побольней кольнуть тебя!

Но если дело примет вдруг
Благоприятный оборот, —
Уже тебе он первый друг,
Уже в улыбке шерит рот
И недругов твоих корит:
«Всех уничтожу», — говорит.
При бурном ветре он плывёт,
Куда несёт его волна.
Но как он боек, как он смел,
Когда настала тишина!
Вот каковы они, увы,
Батыры в наши времена!
Прими его совет — уж он
Не отстаёт, он — верховод.
Отвергни раз — он не простит,
Весь в злобе желчью изойдёт.
Родных имеют все, но кто
С тобой, коль грянула война?

За пазухой — во время бурь,
На шее — коль чиста лазурь, —
Такое правило у них,
У многих из твоих родных, —
Вся их натура такова!
Красноречивы по домам,
Гремят, подобные громам,
А наступил серьёзный миг —
От страха замерли слова!

Дурные шутки, грубый вкус.
В борьбе с соперником — он трус,
Но поле уступи борьбы, —
Сейчас же встанет на дыбы
И будет хвастать без конца,
Изображая храбреца.
С достойных не берёт пример —
Невежлив, неуклюж и сер,
Надменный вид, тщеславный нрав...

Над слабым силу показав,
Он тешится победой всласть:
«Вот как моя могуча власть!»

А если не осилит сам,
И в злой беде поможет друг, —
Он груб, заносчив и упрям, —
Ничьих не признаёт заслуг.

Бездельник, — чтобы уважать,
Бессильный, — чтоб пред ним дрожать,
Во всём он — только волю дай! —
Всегда хватает через край.
На грубость, на обиды скор,
Сейчас же лезет в драку, в спор,
С ним невозможен разговор,
Не слушает, городит вздор, —
Зачинщик всяких склок и ссор.
Как родич этакий тебе
Опорой может стать в борьбе!

*

Оставить сплетни и раздор
Ни у кого и в мыслях нет.
Неужто в самом деле все
Пойдут за этим псом вослед?
Лишь был бы ужин да обел,
Сыт, пьян — и нет других забот...
Что им страдающий народ?
Хоть бы один за весь мой век
Нашёлся верный человек!
Нет справедливости ни в ком,
Всё обсуждается тайком,
И разрешаются дела
Во тьме, келейно, шепотком.
Что ж удивительного в том,
Что недовольны все потом:
Договорились об одном,
А дело подошло к концу и —
Не получить сполна пстцу!
Нет думающих про народ!
Томится всяк, напрасно ждёт.
И получает по суду
Решенье нужное лишь тот,
Кто, с биями живя в ладу,
Подсунет им тихонько мзду.

Чиновник открывает съезд —
И ради этого окрест
Народ обобран волостным.
И греют руки вместе с ним
И старшина, и жадный бай.
Но как народ ни приглашай,
Как ни зови из разных мест, —
А без чиновника на съезд
Ты не заташишь никого:
Какая польза от него?!
Ведь кучка нынешних властей,
Что правят, разделив людей,
Твердила всем не раз, не два
Пустопорожние слова,
Что дело завтра разберут!
Сойдутся защищать права,
Вершить дела и править суд, —
Но кто за правду встанет тут?
Неловко стало даже им
Смотреть просителю в глаза.
Перед начальством русским бий
Юлит и гнётся, как лоза,
В то время как над ним самим
Уже собирается гроза.

*

Средь худших — племя Тобыкты,
Гнездо интриг и клеветы!
Там зависть чёрная царит,
У многих алчно взор горит.
В бездельи полною жизнь влача,
Они бросаются толпой
На уцелевшего ещё,
Оставшегося «богача».
Наследье предков расточив,
Попались сами же в хитро
Расставленную ими сеть,
Плетённую и день и ночь.
Достойные, творя добро,
Не вызволили из беды,
Не уменьшили их ряды,
Напрасно силы исчерпав,

Чтоб их исправить, им помочь!
Среди людей чужих племён
Наш род презреньем заклеймён.
Чужие избегают нас,
Нечестность видя всякий час.
Торговцы все от нас бегут:
Им здесь долгов не отдают.
Лишь бродит пришлый праздный люд,
К богатым не пристроясь, тут.
Властям в народе веры нет,
Раз не избавили от бед
И не спасли от барымты,
Напрасны клятвы волостных,
Что всё на лад пойдёт у них —
Их клятвы, как сердца, пусты!
И только в памяти живёт
Воспоминанье дней былых, —
О том, как дружен был народ...
Но ни одной души вокруг,
Кто б за него болел, как друг!

1887

* * *

Поэзия — властитель языка,
Из камня чудо высекает гений.
Теплеет сердце, если речь легка
И слух ласкает красота речений.

А если речь певца засорена
Словами, чуждыми родному духу, —
Такая песня миру не нужна.
Невежды голос люб дурному слуху.

Коран с Хадисом славны вязью слов,
В них мысль узорно вплетена в реченья.
Когда б не рифмы, не соблазн стихов,
Пророки бы молчали, без сомненья.

Молящийся в мечети мудрый муж,
Учёные, чьи в полночь пылки споры, —
Все любят красноречие. Кому ж
Не любо ткать словесные узоры?

К стихам стремятся смертные равно,
Но лишь избранника венчают славой,
Того, чьей мысли золотой дано
Блестать стиха серебряной оправой.

На старых биев ныне погляжу:
Пословицами речь отягощали.

Иных певцов глупцами нахожу —
Из мусора стихи они слагали.

В толпе с кобызом пели и с домброй,
Хвалили всех, скитаясь по дорогам.
Бродили попрошайками порой,
Позоря песню, проклятые богом.

Бродяга за подачку расточал
Душевный жар свой, теща встречных лестью,
На стороне чужой, ценой похвал,
Он добивался невысокой чести.

Он шёл туда, где бай и где хвастун,
Но подаяньем не менял удела.
И дешевели звуки звонких струн,
И жажда песни в людях оскудела.

Как старый бий, пословиц не леплю,
Не бормочу, на грош меняя душу.
Слова скупые, верные люблю,
И ты простую речь мою послушай.

Я мог бы петь кичливых богачей,
Красавиц лёгкой веселить забавой.
Брядание пустых моих речей
Служило б жизни сладкою приправой.

Немногим по душе благой совет,
Иной безумец лишь упрямству верен.
Надеждой лишь для знати полон свет.
Простите, если мой укор чрезмерен.

Все норовят связать сосну с лозой.
Все жаждут жить спокойно и привольно.
Хвастун и льстец поймут ли оклик мой?
Найдётся ли из тысячи достойный?

Плутам одна нажива дорога,
Иному хитрецом прослыть охота.
Затеяв драку: «бей, — кричит, — врага», —
Авось он под шумок ухватит что-то.

Терпенье, совесть, гордость — не в цене,
И к мудрости, и к чести люди глухи,
Не ищут знанья, — лишь в слепой возне,
Как шерсть, прядут пустую ложь да слухи.

1887

НАЗАРУ

Кто приехал на базар?
Знатный аксакал Назар!
Что ты хочешь? Стригуна?
Ты его получишь в дар!

1887

* * *

Если умер близкий — скорбен человек,
Сердце злой утратой ранено навек.
Почему ж он в песню облакает боль,
Жемчуг слёз роняя с увлажнённых век?

Жениха ль встречают, правят брачный той¹
Или по аулам ходят с молодой, —
Кнаменде поют там, бет-ашар, жар-жар².
Не цвести без песни радости земной!

Родился младенец — пир, шильдехана³,
И ночами песня звонкая слышна.
Вспомни, что стихами изъяснялся бий, —
В песне мудрость предков нам сохранена!

Двери в мир открыла песня для тебя.
Песня провожает в землю прах, скорбя.
Песня — вечный спутник радостей земли.
Так внимай ей чутко и цени, любя!

Если не откроешь ей любовно слух,
Если не постигнешь сокровенный дух, —
Не споёшь ты песню, не поймёшь её!
Но молчать ли песне, если ты к ней глух?

---

¹ Пир.

² Свадебные, обрядовые песни.

³ Празднество, посвященное рождению ребенка.

Стих — узор словесный, стих — что кружева.
Пригнанные тесно, в нём поют слова.
Если слово звучно, если мысль верна, —
Не отвергнуть песни, песня ввек жива!

Слово не взволнует сытого глупца.
Видят мудрость только зрячие сердца.
Но и тем, кто ценит слово, песню пой
В час, когда открыты души для певца.

Не проси за песню денег и наград:
Ты ж, пропевши песню, не понёс утрат!
Продающих песню дальше обходи. —
Песню пой пред теми, кто ей сердцем рад.

Средь толпы немного ты найдёшь таких.
Ты не отдавай ей на потеху стих:
Отвернётся вскоре для других забав, —
Мало кто услышит мудрость слов твоих!

Шортамбай, Бухар-жырау и Дулат —¹
Сколько в их твореньях пятен и заплат!
О, когда б нашёлся хоть один знаток, —
Вмиг изъяны б эти обнаружил взгляд!

Мастерство и правда — в этом цель певца,
Чтоб раскрыть не только очи, но сердца,
Дать примеры юным, просветить невежд.
Даже нет и в мыслях — забавлять глупца!

1888

---

¹ Имена поэтов, предшественников Абая.

ЗИМА

В белой шубе, плечист, весь от снега седой,
Слеп и нем, с серебристой большой бородой,
Враг всему, что живёт, с омрачённым челом,
Он, скрипучий, шагает в степях, снеговой.

Старый сват, белый лед натворил много бед.
От дыханья его — стужа, снег и буран.
Тучу шапкой надвинув на брови себе,
Он шагает, кряхтя, разукрашен, румян.

Брови грозно нависли — нахмуренный вид;
Головою тряхнёт — скучный снег повалит.
Злится он, словно бешеный старый верблюд.
И тогда шестискладная юрта дрожит.

Если дети играть выбегают во двор,
Шиплет нос он и щёки им злою рукой;
В армяке, в полушубке дублёном пастух
Пsverнулся к холодному ветру спиной.

Конь разбить безуспешно пытается лёд,
И голодный табун еле-еле бредёт.
Скалит жадную пасть волк — союзник зимы.
Пастухи, день и ночь охраняйте свой скот!

Угоняйте на новое место табун,
Не поспав, не умрёшь, надо быть посмелей!
Всё же лучше, чем волк, Кондыбай и Конай¹.
Деду мы не дадим пировать средь степей!

1888

---

¹ Соседние аулы

КУЛЕМБАЮ¹

Привет, управитель! Привет и почёт!
Здоровы ли детки? В порядке ль твой скот?
Не в трудное ль время ты стал волостным?
Не тяжко ли бремя безмерных забот?

Из всех твоих предков, дожив до седины,
Не правил народом вовек ни один.
Что ж, — слава судьбе, коль поправить дела
Поможет тебе управителя чин!

Но это я в шутку. Ведь скромн твой нрав!
Ты мчишься, посыльного тут увидав..
А если уездный приедет, — мой бог! —
Как ты со всех ног понесёшься стремглав!

Как дома ты грозен! Как выпятил грудь!
Посмей тебе слово сказать кто-нибудь!..
Вот сила, вот вес-то!.. Но сразу слетишь
Ты с этого места — лишь стоит подуть!

1888

---

¹ Волостной управитель, известный своим взяточничеством и трусостью.

КОКПАЮ

Ты — сплошной излом,
Простоты — ни в чём,
Полн самовлюблённости,
Любишь шегольнуть,
Выпятивши грудь,
Хвастаешь учёностью,
Смотришь с высоты..
Мне противен ты!

1883

А С Е Т У

Всё взвесит справедливость на весах,
Сравнение людей у ней в руках.
Так знайте, перевешивает умный, —
Взлетает кверху глупый, вертопрах.

Мы к истине стремимся день за днём.
Невежда — это человек с бельмом.
Всю жизнь он мелкими делами занят
И, чуждый правде, с нею незнаком.

Невежду шумный радует успех,
Стремится он привлечь вниманье всех.
Он пустоты своей не понимал,
Паясничая, вызывает смех.

Пустоголов — ни мыслей, ни забот! —
Винючен или прав, всегда он ждёт
Ценой хоть в рубль, хоть в грош — похвал ничтожных
И, выклянчив их, рад и скалит рот.

Собаку увидав, визжит коза.
Так он орёт — бесстыжие глаза,
Невежда и к тому же плут отменный,
Не смыслящий в науках ни аза.

Насмешек над другими полон рот.
Он зазнаётся, лезет он вперёд,
Собой изображая человека,
Когда душой и телом он — урод.

Коль есть у человека идеал,
Стремленье к правде, — он не ждёт похвал.
Он ищет всюду, вечно непокоен
И он находит всё, чего искал.

1889

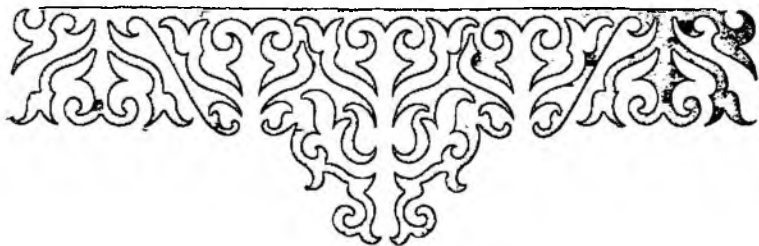
* * *

Нет жизни у меня в груди...
Я всё твержу одно и то же:
«Не верь друзьям, измены жди.
За что мне это всё, о боже!
Есть люди: дома — как поток
Неугомонный, он грохочет.
Когда же речь сказать захочет,
Он вял — язык ему не впрок.

Когда пасётся конь три дня,
Он распускает хвост и гриву.
Батыр, ты дома у огня
Всегда ли был такой ретивый?
Ты льстишь и малым, и большим,
Когда тебе порою туго.
А только вырвался из круга —
Заносчив и недостижим.

Умеешь, уплатив пятак,
С него взять сдачи пять целковых.
Из-под наездника чепрак
Ты стащишь, вороват и ловок.
Когда же тяжбу заведёшь, —
Идёшь обходными путями.
Но, для другого вырыв яму,
Сам в эту яму попадёшь.

Не хлопай сильно дверью той,
В какую (всяко может статься!)
Ещё придётся постучаться
В час, неожиданно крутой.

КУЛЕМБАЮ

Наконец волостным я стал,
Всё добро на взятки спустив;
Без горбов верблюды мои,
У коней не осталось грив,
А волостью управлять
Не сумел, хоть, кажись, ретив...
Если сильные позовут —
Оборачиваюсь на призыв;
Если слабые говорят,
Еле слушаю, вял, сонлив...

*

Близок съезд! Эта весть, как гром,
Прогремела, сердце пронзив¹.
Но тревоги не выдаю,
Улыбаюсь, а сам чуть жив.
Вот в один из обычных дней
Вижу нарочного у ворот:
«Уездный уже в пути,
Приготовь побольше подвод».
Я смутился — срок-то ведь мал.
Сердце — будто бы молот бьёт,
Но стараюсь я, что есть сил,
Ошалев от своих забот.
Всех старшин всех биев собрав,

---

¹ На съездах производились выборы волостных управителей из числа богатых баев. Выборы производил русский уездный начальник.

Говорю им: «Время не ждёт,
Заготовьте побольше юрт,
Уездный будет вот-вот!...»
Осмелев, пред народом речь
Я держу: «Мол, честной народ,
Оправдать я доверье готов,
Если милость господь пошлёт...»
Будто бы обо всех пекусь,
А на деле — наоборот.
Я, с уездным уединясь,
Всё ругаю людей своих,
А потом возвещаю им:
«Не сгибал спины ни на миг. —
Похваляюсь: — Уездный сам
Верит в правду речей моих. —
Я подмигиваю: «Мол, ему
О сомненьях твердил больших...»

*

Начинаются толки, шум...
Тот хвастун, что был груб и лих,
Тот храбрец, что всех прижимал,
Вдруг на съезде сделался тих...
Но недолго длилась борьба,
Убедили одних; других,
Непокорных, в бараний рог
Посгибали в единый миг;
О великих и малых делах
Говорили, решили их...
Озверел науськанный бий, —
Что ему до тягот чужих?
Был изъят опознанный скот
Для своих хозяев прямых.
Кредиторы со всех сторон
Обступили людей простых...
Нету жалобщикам числа.
Гомонят: «Нам жизнь не мила!»
Управитель на ноги сел, —
Кто бедняжку станет жалеть?

*

Я сил не шажу своих,
Я скачу с зари до зари,

Я мечусь туда и сюда,
Развевается мой халат.
Отпустил я совсем повода...
Чтоб уездный услышал, я
Посильнее бранюсь тогда, —
Кой-кого и палка моя
Саданула, тяжка, тверда.
Уж ретивых не вижу я,
Не осталось от них следа,
Расстегнул я ворот, жара,
Прохлаждаюсь — хватит труда!

*

Управитель исправный он,
Шумно хвастается всегда,
Смех раскатистый у него,
Голос грохает; и когда
Он, случается, заговорит,
То слова текут, как вода.
Если входит к уездному он,
То другим волостям беда...
А бывает, народ строптив
И уездный в гневе, тогда
Ноги попусту бьёшь весь день,
Пролетая туда-сюда.
Сам я тоже едва ль хорош,
Мой характер — он как когда...
И хоть знаю, что скромным быть —
Добродетель большая, но всё ж
Не придерживаюсь ее.

*

И к рукам весь народ потом
Прибирать начинаю я.
Сперва полегоньку, тишком,
Против сильных не говорю;
Их не тронув, я день за днём
Безобидных травлю, но слегка.
При уездном твердил об одном,
А теперь другое творю, —
Каждой мелочью, пустяком
Потихоньку довольствуюсь я.
Ни злодеем, ни мозгляком

Никого не браню, рассердясь...
Собираю людей кругом,
За меня прошу их стоять.
«Ладно, ладно, — твержу, — незнаком
С плутовскими проделками я,
Да и хитрости нет притом...»
Провалиться бы в землю им...
Знаю: путь мой колюч и остёр,
Что за прок мне от них, когда
Чуть не каждый обманщик и вор!
Да, нерадостна жизнь моя!
Как посмотришь, — стыд и позор!
Может быть, я в будущий год
Получу всех шаров набор...¹
Ну, а вдруг сегодняшним дням
Буду слать я грустный укор?

*

О родные советники, вам
Сказать я хочу в упор:
Тюрьмы множатся что ни год;
От хулы прохудился почёт...
Мой от горести меркнет взор —
Я не в силах народ держать.
Почему ж на такой позор
Падок я? Стал строптив народ!
Всё мерешится — донесут...
Вдруг узнает про всякий вздор
Наш уездный — возьмётся он,
На расправу жесток и скор,
Приберёт он меня к рукам.
И под суд я пойду, как вор.
В бездну мерзкую бросит меня
Немилостивый приговор...
Все эти плуты — они
Сами ль выберутся на простор?
Будут жалобы подавать,
К справедливости будут взывать,
Нет того, что бывало встарь!
Управителя скользок путь —

---

¹ Выборы волостных управлений происходили баллотировкой шарами.

Нынче всякий поклёп идёт
На внимательнейший разбор.
Твой собственный может донос
Тебя погубить; найдут
Ложь, неправду, начнут допрос.
Подсчитают проступки твои,
Всё, что сделать тебе довелось, —
Ведь законники и хитрецы
Понимают каждый вопрос.
Лучше всякую бросить власть,
Покуда ещё не пришлось
В дом с решёткой стальной попасть!

1889

* * *

Управитель начальству рад,
Он не может от счастья дохнуть,
Если русский дарит халат
И большую медаль на грудь.

Но не вечно в почёте тот,
Кто начальству стал чем-то мил.
Он галун на шапан кладёт,
Но бесчестьем он честь купил.

То унижен, то вознесён,
Он всегда хвастовства не чужд.
Удивляюсь тому, как он
С важным видом вещает чушь.

Был зарезан баран, когда
Эту радость привёз гонец.
Но в известии том — беда
Для того, кто видит конец.

Об удачах пусть говорят,
Не пойдёт это счастье впрок.
Только малый ребёнок рад,
Коль получит вкусный кусок.

У кого же рассудок есть,
Тот отметит насмешкой злой
Всех, кто сам позабыл про честь
И хвастнул своей наготой.

Словно девушка, гнёшь ты стан,
Побрякушки душой любя,
Утешаясь тем, что капкан
Для других, а не для тебя.

Но возможно ль таким путём
Стать других умней и знатней?
Будь подальше, коль ты с умом,
От тщеславных пустых людей.

Не научишь глупцов пятерых,
Коль десяток прибавишь к ним, —
Нет плохого в делах твоих,
Если сам ты не ходишь к злым.

Пусть твердит: «Я достиг всего!» —
И вразвалку, гордясь, идёт.
Так и блещут глаза его,
Коль, вскочив, он кого ругнёт.

Что ж! Свинья — это лишь свинья!
Не страшись понуканий злых.
Гордецов как исправлю я?
Лишь наука наставит их.

Ни к чему нам тот молодец,
Не поможет он всё равно,
И получит скоро гордец
То, что сам заслужил давно.

1889

* * *

Да будет слово мудреца
Не достоянием глупца.
Чтоб светоч истины узреть —
Должны быть зрячими сердца!

Кто сердцем чист, чей светел ум,
Тем речь твоя — не праздный шум.
Они, полны огня и дум,
Постигнут правду до конца.

Тупа невежды голова,
И что ей мудрые слова?
Болтун, — он устаёт, едва
Заслышит мудрого певца.

Ему мила лишь болтовня,
Он пристаёт к тебе три дня,
Но петь начни — чело склоня,
Глядит тупее, чем овца.

Он ищет, как дитя, утех,
Он развлеченья ждёт от всех,
Ему бы игры всё да смех,
Звон шутовского бубенца.

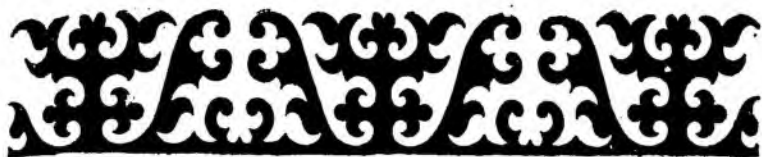
Он всякой мысли чужд совсем.
Он ко всему и глух, и нем,
За исключением поэм
Про девушку и храбреца.

Ты спел тому, в ком есть душа;
Он скажет — песня хороша!
И слушает, едва дыша,
Не спутав с золотом свинца!

Глупцы же смотрят, сторонясь:
Им только б сплетни, хитрость, грязь.
Им всё равно — что плюш, что бязь...
Ослу подай лишь клочок сенца!

1889

ВОСЬМИСТИШИЯ

Звнящий, как ключ,
Слепящий, как луч,
Ты хлынешь, сердца обжигая,
На горный престол
Взлетишь, как орёл,
Бегущих косуль настигая, —
Воспрянь, говори — горделив и велик, —
Сверкающий, стопереливный язык!

Не вывести живых
Узоров твоих
Азмазом, не вышить иглою.
Ценней жемчугов,
В глазах знатоков —
Ты прах перед тёмной толпою.
Не трать же заветных сокровищ своих
Для низких невежд — бессердечных, глухих!

В кругу дураков,
Сидит бестолков
Невежда — собою довольный.
Чужою молвой,
Чужой головой
Живёт беззаботно и вольно.
Не спорь же, мудрец, — да и спорить о чём
С надутым, надменным и жалким глупцом?

Киплю и горю,
Когда посмотрю
На их безобразные нравы.
«Исправьтесь, друзья! —
Советую я. —
Вы лживы, бесчестны, лукавы!»
Но всё позабудет, лишь прочь отойдёт,
Не знающий правды и совести сброд.

Тайком, шепотком...
Словца напрямиком
Не молвят про общие нужды!
Их не пристыдить,
Не переродить, —
Друг другу навек они чужды.
Безумцу неведомы совесть и стыд,
Он жизнь без забот и без мыслей влачит.

В сетях клеветы
Запутался ты,
Обманут? — ах, как они рады!
Полны лишь одним
Бахвальством пустым...
О тёмное, злобное стадо!
О боль, о тщета упований моих,
Хоть душу живую найти среди них!

Когда б ты, глупец,
Взялся, наконец,
За дело на благо отчизне, —
И от нищеты
Избавился б ты
И славы добился бы в жизни.
Не клянчи постыдно! Лишь честным трудом
И добрый достаток добудешь и дом.

Всегда и везде,
В торговле, в труде,
Учась, — возрастёт достойные.
Будь верной женой,
Будь честной душой —
И вознаградятся старанья!
И знайте: лишь в дружбе казахский народ
Свободу и правду свою обретёт!

И пусть пропадут
Неправда и кнут, —
    Добра от насилья не жди ты!
Не грабь и не лги!
Не дремлют враги,
    Ты сам будь своею защитой!
И верь: ты подынешься к лучшей судьбе,
Коль разум и совесть проснутся в тебе!

Кто весел и сыт,
Хоть праздно влачит
    Свой век, — тот душою мертвеет.
Кто в тысячах дряг
И в тяжбах погряз, —
    Тот жизнь свою прахом развеет.
О, жалоб, клевет и наветов гора!
Презренный сутяга, опомнись — пора!

Кто мог завещать
Им скот воровать,
    Бездельем всю землю бесславить?
Придёт ли пророк,
Который бы смог
    Их души кривые исправить?
Три года средь них поживёт человек —
И в лжи и пороках погрязнет навек.

Не тело в огне,
А сердце во мне
    Пылает, мой разум задавлен.
Стеснённая грудь
Не может вздохнуть,
    Не тело — мой дух окровавлен
Но весело, сыто и пьяно их сброд
Живёт без сомнений, трудов и забот.

Как жизнь коротка,
Как цель далека!..
    Нет сил, — я в пути расточил их.
Базар бытия
Закрылся. А я?
    Что проку в напрасных усильях?
Обратно с такого пути не уйти.
Припасов моих нехватило в пути.

О пламя в груди!
О даль впереди!
    О тьма необъятной печали!
Кому в этом горестном тёмном краю
Откроешь ты думы и душу свою?

Постель для меня
Не мягче кремня,
    Навек я бессонницей болен...
Тебе ж, мой сосед,
И времени нет
    Одуматься. Всем ты доволен.
И прежняя ложь в тебе, слабость и блажь,
Ты в трудное время и душу продашь!

Отец — шестерым,
А мать — четверым
    Жизнь дали — родным моим братьям.
Большая родня!
Да только меня —
    Увы, — никогда не понять им...
И вот простоял я всю жизнь до седины,
Как холм намогильный шамана. — один...

1883

* * *

Если в душе твоей свежат лучи,
Ты ко вниманью себя приучи,
Если же в сердце безрадостный мрак,
Зря над строкою моею не торчи:
Ты не осилишь её, не поймёшь,
Сколько ни бейся и ни хлопочи,
Сколько тебя от бельма ни лечи.

*

Будет топтаться толпа без вождя,
Словно ребёнок в беззвёздной ночи.

*

Мирные страны, как царство озёр, --
Бьют с берегов молодые ключи,
Нежно и робко шуршат камыши,
Ветры не резки и не горячи.
Мчатся притоки к озёрной воде.
Светлые волны богаче парчи.
Скот потучневший пасётся вблизи;
Много на пастбище вкусной еды.

*

Страны, где грозно сверкают мечи,
Хуже болота. Над ними сычи
Ухают глухо. И стелется мгла,
Люди болеют и, как ни лечи,
Скот погибает от горькой воды.

Сколько ни бейся, ни злись, ни кричи,
Ходит он вяло по вязкой земле.
Здесь не спасут никакие врачи:
Выбрал болото — болей и молчи.

Есть в единице значенье своё.
Мчатся за нею нули-лихачи.
Цифра один проживёт без нулей;
Ну, а с нулями, хоть громы мечи,
Те же пожнёшь ты гнилые плоды.

*

Лучше без нужды меча не точи:
Мир — это высшее счастье страны.
Право, и веру, и честь не топчи,
Внемли разумному слову певца
И для труда рукава засучи.

1889

* * *

Не для забавы я слагаю стих,
Не выдумками наполняю стих.
Для чутких слухом, сердцем и душой,
Для молодых я свой рождаю стих.
Кто сердцем прозорлив и чуток, тот
Поймёт, что в каждый я влагаю стих.

Ко мне дорогой приходи прямой.
Всё то, что скрыто, стих раскроет мой —
Не сразу ты воспримешь, может быть,
Слова такие слышишь ты впервой.
Как странно мне, что люди, не поняв,
Немедля речи требуют другой.

Али-азрету не слагаю гимн¹,
Красавиц с подбородком золотым
Я не пою; я к смерти не зову,
Не говорю жигитам молодым,
Чтоб совестью они пренебрегли, —
Прошу: прислушайтесь к словам моим.

Родятся из барымтачей — лгуны,
Бездельники рождаются, болтуны.

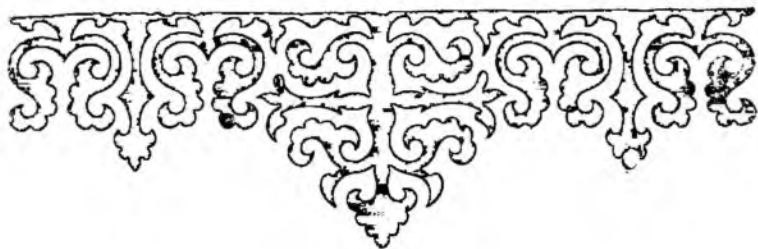
¹ В этих строках Абай высмеивает поэта Кокпая, который, главным образом, воспевал потомков Мухамеда и его батыра — святого Али.

Без разума, без дома, без скота;
Все знают их, и всем они видны.
Навек замолкни лучше ты, мой стих,
Если они тобой восхищены.

Тебя молю, о песнопевец-брат,
Пусть слова пустые не прельстят
Твоей души. Что пользы в них тебе?
Твой дар исчезнет, не вернёшь назад.
Что в людях доброго, скажи, таких,
Как бабник, и хвостун, и верхогляд?

1889

* * *

Разум льду подобен: он ясен, остёр,
Сердце жарко пылает, словно костёр.
Коль терпенье и страсть подвластны тебе, —
Волей ты победил их, настиг в упор.

Чувство, волю и разум сведи в одно,
Лишь тогда величье тебе суждено.
Друг без друга они цены лишены,
И безвольное сердце, поверь, смешно!

Нет ни гнева, ни радости, ни ума,
Ноет сердце, посылает ему тюрьма.
Разноречье трёх сочетать умей, —
Этой мудрости учит нас жизнь сама.

Два пути я знаю: любовь и страсть.
Лишь над плотью похоть имеет власть.
Я ж тебя полюбил. Будь счастлива ты,
Даже если мне суждено пропасть!

Ты — мой разум и воля. Ты — ясный свет!
Озари души моей тёмный бред.
Люди любят одних, не любят других,
Ты же всем мила, и милее нет.

Я невольник твой, царица-любовь!
Лихорадкою ты накаляешь кровь.
Улетит надежда, тело — как лёд.
Прилетит, — и сердце пылает вновь...

1889

* * *

Дух унижен мой,
Я убит разлукой злой,
Позабыт тобой,
Обойдён своей судьбой.
Аллах мой, как я слаб!
Рази — покорен раб!

Сон мой и покой!
Пожелтел от горя я,
Сердце сжѐг тоской,
Сгорбилась спина моя.
И тело — как в огне,
И кости в тягость мне.

От любви тоска,
От тоски не сплю ночей:
Мне издалека,
Милая, не шлѐшь вестей.
Обетов верных нет, —
Зачем же светит свет?!

Если б к ней могла
Долететь моя мольба,
Стала бы светла,
Хоть на час, моя судьба.
Я знал бы в этот час:
Мысль общая у нас.

1889

* * *

Ах, что за жребий ждёт меня?
Уйдёшь, метнув
Надменный взор?
Иль, обманув,
Тайком, как вор,
Покинешь,
Слову изменяя?

Зачем терзаешь ты меня?
Забыт супруг, —
Глядишь вокруг,
Ища других,
Среди чужих,
Позором
Жизнь свою черня.

Гляди — душа моя в огне...
Кричу, стена,
Внутри меня
Волнами пламя разлилось.
Мечусь,
Униженный, как пёс, —
Истаивает жизнь во мне.

Кто знает о грядущем дне?
Придёт, таясь,
Последний час,
Придя, не отойдёт от нас.

Ещё дыша,
Живёт душа,
А вот — другой на смену мне.

Любви дорога нелегка;
Достиг — живёшь,
А нет — так что ж?
Вся жизнь в мечтах
Прошла.
Меня ты вспомнишь
Хоть слегка?

Томят смертельная тоска,
Нет больше сил;
Я не свершил
Обета — уж в моих глазах
Смертельная
Мелькает мгла.
Ну, что ж? Живи — хоть далека!

Коль сердце верное, — оно
Идёт, не думая,
Вперёд,
Не передумает
Стократ; не повелит глядеть
Назад,
Умрёт за слово лишь одно.

Судить умеешь ты умно,
Так своего утешь раба,
Не говори, что не судьба,
Вернись, никто
Тебя за то
Не упрекнёт, —
Мне так темно!

Как я люблю! Я удручён,
Но не скажу я ничего,
Когда придёшь; ни одного
Не в силах слова
Молвить я, —
Безжизненна душа моя,
Рассыплюсь в прах, испепелён.

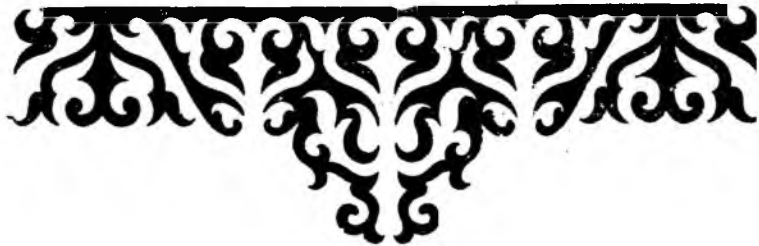
Твой взгляд ведь мне ни разу
Не подарил огня.
Ты не вернулась и, меня
Ища, не кликала к себе.
Горячей крови
Нет в тебе.
Прощай! Ты слышишь ли мой стон?

Увы, не любишь ты меня!
Твоим сияющим лицом
И телом, пышущим огнём,
Велел аллах
Мне наслаждаться
Лишь в мечтах,
Неблагодарностью казня.

Стрелу метнула ты в меня
Слепую, — бог судья тебе.
Но знай: никто в своей судьбе
Не волен. твой неверный шаг —
На справедливости весах.
Не будет он никем прощён
До рокового смерти дня!

1889

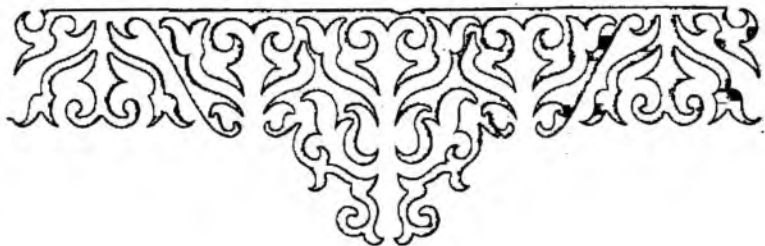
ОБРАЩЕНИЕ ЖИГИТА

Красавица, привет тебе!
Моей любви, моей судьбе!
Вот — дни тоски и слёз, гляди.
Вот -- жизнь моя, возьми себе.
Ты лучше всех. За сотни лет
Подобной не увидит свет;
Одной тебе моя любовь,
Одной тобою мир согрет.
И пусть я стану нищ и сед,
Но мне иной дороги нет;
Ты в сердце у меня живёшь,
Во сне преследуешь, как бред;
И ни враги, ни злой навет,
Ни женщины чужой привет
Не смогут остудить во мне
Твоей красоты горящей след.
На тесном ложе хоть на миг
Припасть к пожару губ твоих,
Вдыхать пьянящий запах кос
И грудей маленьких, тугих;
В глазах бездонных и сухих
Увидеть страсть, глядеться в них
И понимать, что ты одна,
Что нет таких, как ты, других.
Тобой насытиться нельзя, —
По телу твоему скользя,
Я замираю, потрясён,
И ты огнём пылаешь вся.

Мы — вместе... Юрта нам, мала...
Но ты не здесь, ты не пришла...
И всё ж я — сокол и тебя
Настигну, где б ты ни была.
В тебе — ни жадности, ни зла;
И горделива, и смела,
Ты час от часу ближе мне,
Ты мне всё более мила.
Приди, приблизь свиданья час.
О мой фазан, позволь хоть раз
Прильнуть к тебе и заглянуть
В горячий мрак бездонных глаз!

1889

ОБРАЩЕНИЕ ЖИГИТА

Красавица, привет тебе!
Моей любви, моей судьбе!
Вот — дни тоски и слёз, гляди.
Вот — жизнь моя, возьми себе.
Ты лучше всех. За сотни лет
Подобной не увидит свет;
Одной тебе моя любовь,
Одной тобою мир согрет.
И пусть я стану нищ и сед,
Но мне иной дороги нет;
Ты в сердце у меня живёшь,
Во сне преследуешь, как бред;
И ни враги, ни злой навет,
Ни женщины чужой привет
Не смогут остудить во мне
Твоей красоты горячей след.
На тесном ложе хоть на миг
Припасть к пожару губ твоих,
Вдыхать пьянящий запах кос
И грудей маленьких, тугих;
В глазах бездонных и сухих
Увидеть страсть, глядеться в них
И понимать, что ты одна,
Что нет таких, как ты, других.
Тобой насытиться нельзя, —
По телу твоему скользя,
Я замираю, потрясён,
И ты огнём пылаешь вся.

Мы — вместе... Юрта нам, мала...
Но ты не здесь, ты не пришла...
И всё ж я — сокол и тебя
Настигну, где б ты ни была.
В тебе — ни жадности, ни зла;
И горделива, и смела,
Ты час от часу ближе мне,
Ты мне всё более мила.
Приди, приблизь свиданья час.
О мой фазан, позволь хоть раз
Прильнуть к тебе и заглянуть
В горячий мрак бездонных глаз!

1889

ОТВЕТ ДЕВУШКИ

Своим письмом к себе маня,
Сумел ты покорить меня;
Решай же сам мою судьбу, —
Мне без тебя не жить и дня.

Льстецов настойчивых гоня,
Жар неподдельного огня
В тебе я вижу, для тебя
Нет слов отказа у меня.

Твои слова умны вдвойне,
Я — словно масло на огне;
Они горят в моей груди,
И закипает кровь во мне.

Умчишь с собою на коне —
Я буду счастлива вполне;
Уйдёшь — несчастнее меня
Не будет девушки в стране.

Но милость любящей яви:
Меня на слове не лови,
Не увлекай, чтоб унижать,
К себе насмешку не зови.

Уж лучше сразу отрави, —
Потухнет жар в моей крови;
Мне легче умереть, чем лечь
С другим на ложе без любви.

О дерзкий сокол боевой,
Ты сыт добычею живой!
Немало девушек стоят
У входа в дом просторный твой.

Но если ты навеки мой,
Не надо мне судьбы иной,
Ты — белый сокол, я — фазан,
Бери и насыщайся мной.

Пускай травинкой полевой,
Тростинкою береговой
Я под тобою изогнусь,
Замру от страсти огневой.

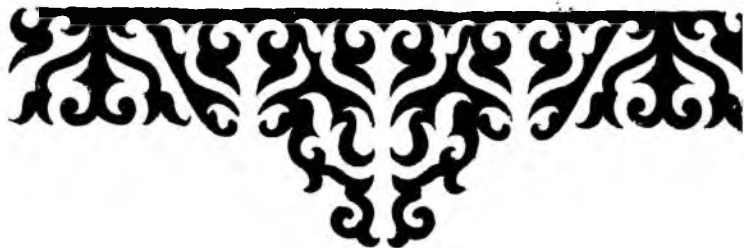
Обдумала ответ я свой,
И простодушный и прямой,
Пойми слова мои, жигит,
Почувствуй сердцем и душой.

Пусть каждый — юный и седой —
Запомнит мой ответ простой,
И сложит песню, и зажжёт
Сердца жигитов песней той.

И слово песни золотой
Пусть радостью, а не бедой
Звучит для всех, кто полюбил,
Для всех, кто сердцем молодой.

1889

* * *

Жгут тяжёлой косы — в руку толщиной.
Серебро в косе — звенят шолпы в тугой.
Бобровая шапка, чёрная коса, —
Ты видал красавицу красоты такой?

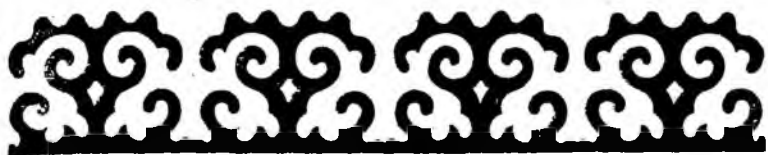
Посмотришь в зеркало очей дорогой, —
Загорится сердце, будешь сам не свой.
Белотела, лицо — всю бы жизнь глядеть!
Ты видал красавицу красоты такой?

Стройный стан, тонкий стан, лёгкая нога, -
Красивая девушка всем дорога.
Как спелое яблоко, я бы сорвал
Желанную, что прекрасна и строга.

Невзначай коснись её руки — своей,
Кровь по жилам твоим побежит быстреей.
Приблизिшь лицо к милому лицу —
Умереть захочешь на груди у ней.

1889

О С Е Н Ь

Неприветливы тучи осенней порой.
Ложится на землю туман сырой.
Резвясь или с холоду окоченев,
В степи разыгрался табун молодой.

Словно выжжена степь. Ни тюльпанов, ни трав...
Не слышать быстроногих ребячьих орав.
Как иссохшие старцы, стоят деревья,
Листок за листком всю красу растеряв.

Время шкуру овечью закладывать в чан,
Истрепался чекмень, износился шапан.
Нить за нитью старухи прядут и прядут...
А молодки на юрту заплаты кладут.

Потянулись на юг косяки журавлей,
Люди едут за хлебом с кочёвки своей,
По аулам — уныло, ни игр, ни забав,
Только ветер гудит всё слышней и слышней.

Жмутся дети друг к дружке, угрюмый старик
У костра над потухшей золою поник.
Все обглоданы кости, голодные псы
Пробавляются ловлей мышей полевых.

Ни травинки в степи. Неприветливый вид.
Только ветер избитой дорогой пылит.
В чёрных юртах нигде не найдёшь ты огня:
Плох обычай, очаг разводить не велит.

* * *

Ноябрь — преддверие зимы, пора в аул, пора!
На летних пастбищах гремят холодные ветра.
Но чтоб окрестные луга до снега не топтать,
Бай держит стадо далеко от своего двора.

У бая много пастухов и юрта хороша,
А бедный мёрзнет сам в степи, скотину сторожа;
Он квасит кожи и дубит их в ледяном чану;
Жена, бедняга, ткёт чекмень, от холода дрожа.

И для ребёнка нет костра, и в юрту натекло,
И улетучилось давно последнее тепло;
А старикам — совсем беда, ложись и помирай:
И пищи нет, и солнца нет, и ветер воет зло.

Уж если бай пока что бьёт свой самый худший скот,
То где ж бедняк себе еды и топлива найдёт?
Коль даст богатый полмешка сухого кизяка, —
Благодари скорей его, семью его и род.

Пускай над степью снеговой буран гремит опять,
Ведь байский сын одет и сыт, ему тепло гулять,
И батрачонок целый день обязан быть при нём
И со слезами на глазах ублюдка забавлять.

Потом несмело, словно тень, войдёт он в байский дом
И сядет, прислонясь спиной к горе мешков с добром;
Украдкой подобрал кусок, что бросил байский сын,
Задремлет тихо в уголке, обласканный теплом.

А бай балованным сынком доволен без конца;
На радость баю он растёт собакой — весь в отца;
Голодных сверстников своих стыдится байский сын,
В нём жадность вора, кровь отца и совесть подлеца.

Бай не поможет бедняку. Зачем его жалеть?
А если даст кусок — гляди, длинна у бая плеть:
Трудись, бедняк, проклятый долг сторицей возврати,
Ведь баю — жить и богатеть, тебе — в могиле тлеть.

Печальна горестная жизнь голодных бедняков!
Владелец тысячных отар, верблюдов и быков,
Богатый бай, не будь скупцом, убийцею не будь,
Хоть эту зиму прокорми детей и стариков!

1889

* * *

Где ты, пламя юности моей?
Почему меня не греешь ты?
Почему в плену суровых дней
К знанию не ведёшь из темноты?

Прочь лукавство, лицемерье прочь!
Много ль проку в знатности людской?
День без разума не та же ль ночь?
Ищешь знания — позабудь покой.

Счастья и любви не испытал,
Что о них сумеешь ты сказать?
Может ли своих добиться прав
Тот, кто не пытается дерзать?

Другом лишь того ты назовёшь,
Кто тебе не изменил в борьбе,
Лишь в труде ты славу обретёшь,
Честь наградою придёт к тебе.

Дорогая истина проста:
Труд — отрада вечная твоя.
Пусть не увлечёт нас суета,
Знание — основа бытия.

Что же в жизни станет делать тот,
Кто задул свой светоч на ветру?
В рот само ничто не упадёт,
Если жизнь ты превратишь в игру.

1889

* * *

Где стойкий друг народа?
Исчезла верность слову.
Кто честен — нет им хода.
Коварство, сплетни, ковы...

Заслугам нет признанья,
Споткнулся — нет прощенья.
Держись на расстояньи,
Не знай ни с кем общенья.

Над всем царит нажива.
Тщеславыю нет предела.
Все в болтовне хвастливой
Себе находят дело.

Наглеет враг лукавый,
Изменой друг изводит.
В догадках — где же правый? —
Народ всю жизнь проводит.

Но честных и отважных
Узнает всякий сразу.
Пусть блеск мерзавцев важных
Не ослепляет глаза!

1889

* * *

Звереет бай.
Скудеет край
Людьми с хорошей душой.
Правитель тут —
Презренный плут,
Народ обирает свой.
Не разберёшь,
Где правда, ложь,
Где ноги, где голова:
Власть — за стеной,
А в доме свой
Дышать нам даёт едва...
Ему цена
Везде одна!
С начальством угодлив, тих,
Он, ждя наград,
Вцепиться рад,
Как бешеный пёс, в своих.
Ждём тщетно век,
Чтоб человек
Достойный был на посту.
Он роет нам
По сорок ям,
Пуская в ход клевету.
Он щедрым был,
Он всех купил,
Чтоб волостным ему стать.
Семь шкур теперь
Сдирает, зверь,

И внешность — нутру подстать.
Народу враг,
Он каждый шаг
Его сторожит везде.
Там — съезд, а тут
Уездный лют, —
Спасения нет нигде!
Нет братских уз,
Твой ближний трус,
К кому ты пойдёшь в беде?
Дымит костёр
Взаимных ссор,
Споткнёшься — опора где?
На склоне лет
Не мил мне свет,
Устала душа моя
От грязи всей,
Измен друзей,
Кому доверялся я.
А так взглянуть —
Мой славен путь,
Кадят мне со всех концов.
Но что за честь
Пустая лесть
Фальшивых душой глупцов?!

1890

* * *

Кто спасёт меня?
Полон я огня,
Изнутри горю и на снегу.
Душу ли открыть,
Слово ль проронить —
Не могу.

Отчего стыжусь,
Почему боюсь
Всех, кого ни встречу на пути?
Почернев, как ночь,
Тороплюсь я прочь
Отойти.

Сон, питьё, еда,
Словно навсегда,
Стали мне чужды и не нужны.
Как найти покой,
Как достичь родной
Тишины?

Сердце — жар во мне
Юное — в огне.
Где же утоление, душа?
Сам себя наставь,
Сам на путь направь
Каждый шаг!

Тополь молодой
Шелестит листвою,

С ветром говорят листки берёз.
Я главой поник,
Сердце же — родник
Горьких слёз.

Был я полон сил,
Беззаботен был,
С горем и бедою незнаком.
Нынче плохо мне!
Сам горю в огне,
Лёд — кругом!

1890

* * *

Дорогой долгой жизнь водила.
Осталось лишь одно — могила.
Но мой язык ещё мне друг,
Мои слова, что зной без мух,
Но слушатель мой слишком глух —
Судьба такими наделила!

И вот я дожил до седин,
Я плёл слова — о том, об этом.
Но есть ли в мире хоть один,
Кто б внял моим благим советам?
Я шёл путями бытия,
С невеждами боролся я,
И вот я вышел на вершину...
Так бег прерви и на лету
Не втискивайся в тесноту,
Свой шаг умерь наполовину!

Чтоб скорбь на плечи не легла,
Чтобы в тупик не завела.
Душа, должна ты встрепенуться
И, как птенец, на свет взглянуть,
И крыльями легко взмахнуть,
И снова — ввысь и снова — в путь.
Тебе бы к небу дотянуться!

Как сердцу горе перенести?
В тяжёлом сердце слов не счесть.
Пусть слушает, в ком сердце есть!

Душа всё выплакать готова.
Уже печали вызрел плод,
Огонь в груди шумит, и вот —
Оно зашевелилось, слово.

Невежд — не счесть, а ты один,
Над ними ты не господин.
С бессовестными как общаться?
Их одолел зазнайства зуд,
И зло творят, и ложь несут.
И страх прошёл — безмолвен суд,
Безумцам нечего бояться!

Глупцов к рукам прибрать? — Едва ль!
Покинуть родину мне жаль,
Но душу гложет мне печаль
И тянет, тянет к высям горным.
Создатель был ко мне суров,
Всю жизнь терплю от подлецов,
Я одинок в доме отцов.
Так, значит, надо быть покорным!

Я назван гордо — человек.
Но слава не придёт вовек,
Народом пущен конь молвы,
Несётся он стремглав, как птица.

В толпу стремишься ты? — увы!
В толпу не должен ты стремиться.
Ты дома у себя сиди,
Но нет, создатель наш, прости!
Я не могу в дому зарыться.

Допустим, у тебя жена,
И видишь ты: она грешна.
Твоя душа не смущена?
И знаешь ты, на что решиться?
А жить трудней дечь ото дня...
Такое же и у меня
Смятенье: мучает и — длится.

1890

* * *

Всем пресытиться может душа,
Только песня всегда хороша.
Если ты вдохновенно поёшь, —
Грудь ликует, свободно дыша.

Голос мой, заливайся и пой,
Гордых дум пусть закружится рой.
Пусть текут мои слёзы ручьём
И всю грудь заполняют собой.

Кто шатается по свету, тот,
Как невежда, меня не поймёт.
Только твёрдый душой человек
Этих звуков услышит полёт.

А не вникнет в них — всё равно,
Пусть тоскует сердце одно,
Пусть проверит свои слова,
Вылетит всё, чем было полно.

Скорбь колышущимся огнём
Подымается в сердце моём,
И умру я, оставив стихи
Лишь для тех, кто поймёт их потом.

Кто несчастней меня живёт?
Пусть услышит меня народ.
Кому нужно слово моё,
Тот его пускай и возьмёт.

Что мне пользы, коль вызовет стих
Восхищенье судей тупых?
Пусть уж лучше найдётся один,
Кто поймёт смысл мечтаний моих!

Много вас, но не каждый казах
Разобраться способен в стихах;
Ни познаний у вас, ни ума —
Вам волками бы рыскать в степях.

Не хотите вы сердца раскрыть,
Слухом стих вы привыкли ловить,
И лишь пòверху ум ваш скользит...
Что ж впустую мне вам говорить!

1890

* * *

Вновь, душа, ты зовёшь любовь,
Вновь порой ты жаждешь её.
Ненасытному сердцу вновь
Горькой муки сладко питьё.

Вся тоска, вся горечь невзгод
Над огнём души не властна.
Нам любовь — краса и оплот,
Но умрёшь — умрёт и она.

Кто всю жизнь прожил не любя,
Тех людьми называть нельзя.
Пусть ты наг и нищ — у тебя
Всё же есть семья и друзья.

Чистый сердцем бредёт впотьмах,
Если дружбы не вспыхнул свет.
Слава — тлен, и богатство — прах,
Если верного друга нет.

1890

ВЕСНА

Как весенней порою шумят тополя!
Ходит ветер, цветочною пылью пыля,
Всё живое обласкано солнцем степным,
Пестроцветным ковром зацветает земля.

И смеётся, и песни поёт молодёжь,
Да и старых по юртам ищи — не найдёшь:
И со смертного ложа могли б их поднять
Песни, солнце, и ветер, и птичий галдёж.

На весеннем кочевье аулы сошлись,
В общей радости родственники обнялись,
А знакомые просто, шутя и смеясь,
Обо всём толковать по душам принялись.

Верблюжонка верблюдица громко зовёт,
Блеют овцы, в кустах птичий гомон встаёт,
Мотыльки — над травой и в ветвях тополей,
Заглядевшихся в светлое зеркало вод.

Сколько птицы! В любом приозёрном пруду
Тронь осоку — и лебедь пойдёт в высоту.
Скачешь — смотришь, как спущенный сокол ручной
Из-под облака лебеда бьёт на лету.
Возвращаешься — девушка крикнет: «Постой,
Покажи, что добыл, молодой, холостой!»

И все девушки лучший надели убор,
И долины в тюльпанах, как пёстрый ковёр,

В приозёрных низинах гремят соловьи,
Им кукушки зарёй отзываются с гор.

На верблюдах товары привозит купец,
У хозяев двоятся отары овец;
Тяжек труд у крестьян — пахота и посев,
Но земля им сторицей воздаст под конец.

Благодатною радостью мир напоён,
Бесконечно украшен создателем он!
Материнскою грудью вскормила земля
Всё, что солнцем зачал в ней отец-небосклон.

Как не верить нам в милость природы-творца,
Если в мире весеннем щедрот без конца,
Если тучен наш скот, если вдоволь еды,
Если радостно бьются людские сердца?

Дух весны из тихони творит храбреца,
Стали щедрыми все, кроме злого скупца.
Всё дивится ликующей силе земной,
Всё живёт, кроме чёрного камня-гольца.

Старики одряхлевшие, снега седей,
Согреваются, смотрят на игры детей;
В голубых небесах — певчих птиц голоса,
На озёрах по заводям — крик лебедей.

В полночь — яркие звёзды, большая луна.
Как же им не гореть, если полночь темна?
Не померкнут они, лишь наступит заря,
Животворного, ясного света полна.

Звёзды прочь прогоняет невеста-земля,
Ведь жених её — солнце, — о встрече моля,
Ждал всю ночь, и свидания час наступил,
И румянец зари покрывает поля.

Только ветер великих просторов земных
Долетит через тучи до звёзд золотых
И расскажет, как счастлив с невестой жених,
Как весь мир согревается радостью их.

Ведь всю зиму земля, поседев добела,
Жениха своего терпеливо ждала.
И теперь она вновь, молода и светла,
Засмеялась, запела, как мак, расцвела.

Глянуть прямо на солнце — болеть слепотой.
Я, живущий великой его теплотой,
Только вечером видел, как сходит оно
В свой, повитый закатом, шатёр золотой.

1890

ЗАГАДКИ

I

Их восемь — доблестных богатырей,
Что меряются силою своей.
Верх то один берёт, а то другой,
Но кто из них окажется сильней?

Ответ

Раздумье нас к разгадке привело:
То лето и зима, добро и зло.
Сверх этих четырёх — то день и ночь,
Нечётное и чётное число.

II

Земля, ты колыбель твоих сынов.
Сокровища хранит земной покров.
Их множество глубоко залегло.
Ты самым ценным что считать готов?
(Железо)

III

Жигит, находчив в испытаньи будь,
Ум напруги, вещей постигни суть:
К чему стремится каждый человек,
Куда мы все извечно держим путь?
(К познанию)

1890

АКИЛБАЮ

Отца и матери услада,
Лелеемый от нежных лет,
Ты был им бóльшая отрада,
Чем солнца свет и вешний цвет.

Но детство пролетает,
Сыночек подрастает,
Да только проку нет.

Свели к мулле тебя с надеждой,
Что, мол, научит кой-чему.
Увы, учитель твой — невежда!
Как мы доверились ему?

Надеждою питалась
Душа... Не оправдалась
Надежда первых лет!

Из паренька не вышло толку.
В тоске родители его.
Опять сынок их знает только
Свой дом — и больше ничего.

Одумайся, беспечный!
Опоры — знай! — не вечны
У дома твоего.

Был сын, достойный восхищенья,
Любви достойный сын, — и вот
Не сын — источник огорченья
Теперь в дому твоём живёт.

Ничем, увы, не стал он,
Ничем не оправдал он
Родительских забот.

«Что ждёт меня?» — себя он спросит,
Да поздно. И махнёт сынок
Рукой... Сомнения отбросит,
Покорно примет тёмный рок.

Ты беззаботных тоже
Видал судьбу? И что же,
Какой урок извлёк?

1890

* * *

Погляди на молодёжь —
В ней ты дружбы не найдёшь.
Каждый в злобе и досаде
На другого точит нож.

И торгуют искони
Честью, совестью они.
Им трудиться нет охоты —
Время есть для болтовни.

В пустяках — он господин,
Интерес его один:
Как нажрётся, словно боров,
Так и спину трёт об тын!

Подлый смех в его глазах,
Злые шутки на устах,
Только хрюканье свиное
Слышится в его словах!

1891

* * *

Он не думает, не видит
Дальше носа своего.
А когда на люди выйдет,
Важничает, — отчего?
Слыша «неуч» не впервые,
Отвечает: «Перст судьбы!
Не равны ли все земные
У создателя рабы?»

Кто глаза души раскроет,
Истину увидит тот,
Солнце правды ум омоет,
Сердце счастьем расцветёт,
А невежды душу злую
Ночи мгла заволокла,
Не живя, а существуя,
Он ушёл в свои дела.

И мулла в чалме огромной
Вкривь толкует наш закон.
Жаден, слеп душою тёмной, —
С беркутом не схож ли он?
Если сердце без просвета,
Ждать добра — напрасный труд.
Но из всех, кто слышит, это
Лишь немногие поймут.

1891

* * *

Пылает юности огонь,
Шумит в груди, горит бушуя.
И конь стремлений, быстрый конь
Летит, летит напропалую.

В ту пору коротка печаль,
Не труден труд, не горько горе,
Близка тебе любая даль,
Весь мир ты завоюешь вскоре.

Всему обязан не мольбе,
А вдохновенью и рассудку,
Ты не копаешься в себе,
Смешешь друзей весёлой шуткой.

Без пустозвонства, не хвально
Ты отразить удар умеешь,
Лицом ты не ударишь в грязь,
По-бабьи языком не мелешь.

Но пир не вечен молодой, —
В груди твоей погаснет пламя.
Учись у древности седой,
Крепи свой дух её делами.

Не всем, с тобой живущим, верь:
Порою спутник твой двуличен.
На вид — хорош, а сердцем — зверь,
Предательство ему в обычай.

На дружбу дружбой отвечай,
Будь справедлив и в час отмиценья.
Раскаешься, хватив чрез край:
Преддверье правоты — терпенье.

С чистосердечным другом будь
Доверчивым, душой широким.
Совет бесчестного забудь, —
Глупцы стрекочут, как сороки.

Непостоянный лживый свет
Жигиту мнится райским садом.
У юноши сомнений нет, —
На всё глядит счастливым взглядом,

Чуть что приглянется — берёт,
Не станет предаваться думам,
А зашумит о нём народ —
Он счастлив этим праздным шумом.

Живёт с открытою душой,
Готов поверить всем на свете,
Но разве может род людской
Ему коварством не ответить?!

О лжец, что ложью мир чернишь,
Лги мне — я старый, закалённый,
Но молодой не тронь камыш,
Он хрупок, он ещё зелёный.

Ведь чувства юноши чисты,
К тебе подходит он с доверьем,
Ужель не покраснеешь ты,
Когда бледнеет он, растерян?

1891

* * *

И краснеть, и бледнеть,
Сердцем дробь отбивать,
На других не глядеть,
Друг о друге вздыхать...

Так мы страсть узнаём:
Встреч влюблённые ждут,
Но, оставшись вдвоём,
Нужных слов не найдут.

Нет ли друга, иль есть,
В сердце дрожь не замрёт,
Лёгкий шорох им весть
Друг о друге даёт.

В сердце трепет и страх,
А на пальцах ледок...
Жар — то весь на щеках,
То незримо глубок.

Жжёт плечо, а меж тем
Пред глазами туман.
Кто целуется — нем.
Кто целуется — пьян.

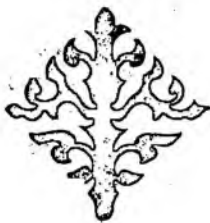
Их скрывает листва.
Сверху полночь глядит.
И лепечет едва
Та, с кем рядом жигит.

Только б чуял плечом,
Только был бы любим...
И блаженство лучом
Их пронзает своим.

Кончив с робостью спор,
Пышут жаром тела,
И растроганный взор
Застит влажная мгла.

Глубь суждений, цвет слов,
Что б вы сделали тут?
Вас под пламенный кров
Не зовут, не зовут!

1891

* * *

Ты — зрачок глаз моих,
Дум залог дорогих,
Сердцу мук не забыть,
Столь глубок шрам от них!

Слышал я от седых
Мудрецов речи их:
«Нет, пророк не являл
Нам такой среди живых!»

Весь в слезах я брожу,
Я тоской исхожу,
Жемчуг слов дорогих
Для тебя нахожу:

Взор мой скрыт, — речь держу,
Женский стыд я шажу.
Иль самой невдомёк?
О любви ль расскажу!

Но поймёшь ты вполне,
Что таим мы вдвойне,
Виду нам не подав,
Ото всех в стороне.

Пусть кругом всё в огне, —
Ждётся, таясь в тишине.
Боль тая, слёзы я
По твоей лью вине!

Без ума — бия нет,
В доме тьма — дома нет,
Коль в душе нет огня,
Жизнь — тюрьма, жизни нет!

Встретишь страсть — боли нет.
Это ж власть — воли нет.
Что тебе! Я в борьбе
Должен пасть — доли нет.

Косы — тьмой, тьмой ночной
Над зарёй, над щекой.
Лоб широк, взор глубок.
Милый лик приоткрой!

Чёрный глаз, бровь дугой.
Потерял я покой.
Блеск зубов сердце жжёт.
Губы — мёд молодой.

Гибок стан и высок,
Гнёт его ветерок.
Ты бела, словно снег,
Ты нежна, как цветок.

Пусть бы мне сердце сжёл
Взор, что чист и глубок!
Страсти раб, я ослаб,
От любви изнемог!

Ты грустна — даль темна,
Ты ясна — нам весна.
Смех твой — звон соловья,
Вся душа им полна!

То гневна, то нежна,
Не пьяни допьяна!
Что мне дом без тебя?
Мне и жизнь не нужна!

Как восход, как закат —
Заревой твоей наряд.
Лишь взгляну на тебя,
Жаждой весь я объят!

Лучше ты во сто крат
Всех похвал, что твердят.
Должных слов не найду,
Что восторг утолят.

Смех звучит, как дутар,
Взор пьянит, как нектар.
Бог в тебе воплотил
День и блеск, свет и жар.

Знает млад, знает стар:
Красота — божий дар.
Нам пророк повелел
Быть в сетях милых чар.

Мне слова не даны,
Стоны мне суждены,
Сердцу ты, только ты
Шлѣшь мечты, даришь сны.

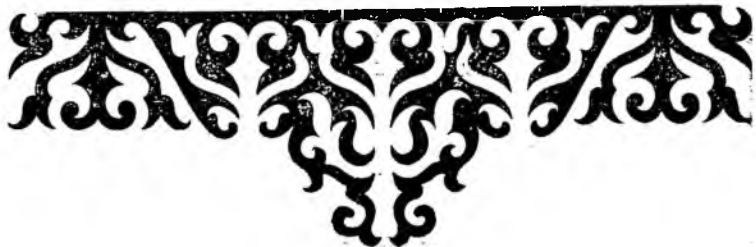
Все, как я, влюблены,
Все, как я, не нужны.
Сердца стон так звенит.
Что слова не слышны.

Но к тебе нас манит
Пламя ласк и обид.
Нежный смех чуть сверкнѣт, —
Страсть сильней закипит.

Кто не смел — не жигит.
Власть твоя нас томит.
Скоро ль день тот придѣт,
Что мой жар утолит?!

1891

* * *

Я гордо презирал невежество и тьму,
Всегда считал глупцов достойными презренья.
Мне переделать мир хотелось одному,
Но переоценил я разум свой и рвенья.

Поддержки не найдя, я отбивался сам,
Когда глупцы со мной вступали в пререканья,
И были умники глухи к моим словам,
Храня, как водится, упорное молчанье.

И страшно мне на них остановить свой взгляд:
Как одержимые, они проходят мимо,
То заартачатся, то пятятся назад,
И мысль их для меня вовек неуловима.

То соглашаются, то отступают в тень,
То петушатся вновь, пустую спесь удвоя...
Нет больше сил моих, за днём уходит день,
И хочется душе последнего покоя.

Как кляча, я устал. Я гость детей своих
И собственной жены. Мне чужды эти стены.
Известен хорошо мне нрав моих родных,
Да и в народе я не вижу перемены.

Я вовсе не бедняк, но я в тоске живу
И горестно о том порою размышляю.
Когда приходится, своими вас зову,
Но пред лицом людей весь от стыда сгораю.

Раздор из-за чинов, насилья, клевета,
Болезненная страсть к волнениям и заботам...
Бродяги и плуты, как ваша жизнь пуста,
И что из слов моих вы, пьяницы, поймёте?

Дар дружбы истинной и мир души они
Мнят делом тягостным, достойным лишь презренья;
Обман и воровство им более сродни,
И видят в них они своё предназначенье.

Подальше будь от них ты, честный человек,
Устал я, и тебе не станет так же силы.
Я звал их к разуму, я, старец, прожил век.
Не слушали меня, и всё напрасно было...

1891

* * *

Кто горе познал, поседев,
Тот знает: родит оно гнев,
От горя и гнева язык
Повествует скорбный напев.

Чему же я в жизни рад?
Что быстрые дни мне дарят?
За прошлое стыдно мне,
Когда оглянусь назад.

Как же быть старикам таким,
Изведавшим много зим?
Что согреет сердце твоё,
Коль не пьян ты, не одержим?

Без ума и богатство — грош,
Не в богатстве счастье найдёшь.
Пусть с пелёнок учится сын
Презирать обман и ложь.

Если зло в твоём сердце есть,
То кому нужна твоя лесть?
Если в ведро вещаешь зло,
Какова в непогоду весть?

Как же мне уважать тебя,
Если знаешь ты только себя?
Если в гости меня зовут,
Вьёшься ты, подачку любя!..

Ты другом мне стал опять,
Как ангел, готов утешать,
Притворствуешь, лжёшь, пристаёшь,
И палкой тебя не прогнать.

Но скажешь тебе лишь раз,
Что ты в пороках погряз,
И ты, от испуга нем,
Меня покидаешь тотчас!

Что творится в нашей стране,
Расскажу вам, внимлите мне:
Как боги земные — одни
Бродят, взор подняв к вышине;

Другие ж дают совет,
Только толку в совете том нет;
А с чёрной душой ханжи
Дают священный обет;

Иные в Мекку идут,
Но для них то напрасный труд.
Если свой мусульманский долг
И честность они не блюдут.

О бедный, несчастный старик,
Головой седой ты поник.
Иди домой из толпы,
Если в ней возникает крик.

На пирушке идёт пересуд;
Тебе первому поднесут
Баранью голову в дар,
Но твоей головы не спасут.

Много есть таких стариков,
И язык их праздный таков:
По аулам бродят они,
Сея смуту из пустяков.

1891

* * *

Хвастун, наглец,
Бездельник, льстец!
Когда приходит он,
Свой прячу лик,
Скрываюсь вмиг,
Растерян, возмущён.
Себя во всём
Он образцом
Считает, зол и груб.
Блудлив в речах,
Широк в гостях,
Он дома нем и скуп.
Их всюду — рой.
Они толпой
Пристанут, как с ножом.
Не дашь им — враг.
Охотясь так,
Живут лишь грабежом.
Злословье, лесть...
Где совесть, честь?
Торгуют клятвой, всем...
Всех ловят в сеть,
Чтобы раздеть,
Что вырвут — живы тем.
Весь этот сброд
Мутит народ,
Повсюду — ложь, обман.
Стал баем — свят,
Стал бием — брат,

И норовит в карман.
Но как ни чтить,
Как ни плати,
От них покоя нет.
Мерзавцы — сплошь.
Кого найдёшь,
Чтоб добрый дал совет?
И нет средь тьмы,
Кого бы мы
Любить и чтить могли.
«Батыры» те
Нас к нищете
И бедам привели.
Нагла их рать...
Попробуй, сладь
Словами с подлецом!
Я им платил
И прекратил,
Да мало толку в том!

1892

* * *

Ты, душа, терзаешь меня,
Ищешь всюду свою мечту.
Полно лгать, скитаясь, маня,
Потолкуем начистоту!

Славой счастлив гордец: его
Хвалит ветренная толпа.
Но бессмысленно торжество,
Коль она в похвалах слепа.

Разве станет бесчестный хор
Славить праведных мудрецов?
Злые люди болтают вздор,
Слыша истины чистый зов.

Лесть грязниг и душу и рот,
Что испорченная вода.
Ты, правдивый сыскав народ,
Полюби его навсегда.

Здесь продажны слово и вздох.
Покупать их — и смысла нет!
И кружатся сердца пройдох
Кубарями, под звон монет.

Недостойно хвалой такой
Душу тешить и чуткий слух,
Как высокой страсти мужской
Пробавляться любовью шлюх.

Я гнушаюсь ласками их,
А правдивые — где найдёшь?
Слишком много людей пустых;
Смерть залечит злобу и ложь.

То, что мы бытием зовём,
Быстролётным скользит ручьём.
Сколько яду в прошлом твоём,
Всё равно — в хорошем, в дурном!

1892

* * *

О сердце моё, замри, застынь!
Не нашлось приюта для нас.
Зачем трепетало и билось ты,
Обманутое столько раз?

Утихнет и примется травку шипать
Одинокий ягнёнок-малыш.
А ты, моё сердце, томишься опять,
Тоскуя, стучишь и стучишь.

Поверить — кругом никого не нашлось,
Никого не нашлось — прильнуть,
Зачем же ты, сердце, бродячий пёс,
Опять порываешься в путь?

Ты вольною волей хотело пожить.
Зачем тебе нужен я?
О сердце моё, игрушка лжи,
Напрасная мука моя!

1892

ОСПАНУ

Пока твой развёрнутый стяг
Победно не выхватил враг,
Пока не пятнал тебя знак
Позора средь стычек и драк,
Пока ты красуешься так,
Пока твоё сердце — маяк,
Пылает, алея, как мак,
Пока ты всем веришь, добряк,
Пока на жайляу твоих
Попрежнему радует злак,
Пока твой поток не затих,
Пока он ещё не иссяк,
Пока не одел тебя мрак,
Пока не запнулся твой шаг, —
Поверь мне, что жребий твой благ,
Покойно в могилу ты ляг!

1892

* * *

Над землёю туман висит,
И бешмет промокает в нём..
Побледневший плачет жигит,
Утирается рукавом.

Мужчине слеза не к лицу,
Эй, жигит! Доверяясь творцу,
Ты песню запой
И вернись домой.

Не остался в райском саду
И Адам, женой соблазнён;
В мире мыкать свою беду
Обречён был всевышним он.

Сердце женское нынче горит,
Завтра еле тлеет, жигит!
Тоску одолей,
Даром слёз не лей!

1892

ОСПАНУ

У Оспана дорогого
Сердце доброе — готово
Всех обнять и одарить.
Уводи коня любого,
Всё бери, — не скажет слова,
Так привык он говорить:

«Если мало, дам я снова
Всё для друга дорогого,
Для того, кто сердцу мил».
Все Оспана обнимали,
Все Оспана обирали.
Кто ему не изменил?

Не давал врагам пощады.
Приносил друзьям отраду.
Много ли ещё таких?
На врагов он шёл грозою,
За друзей стоял горою
И того ж хотел от них.

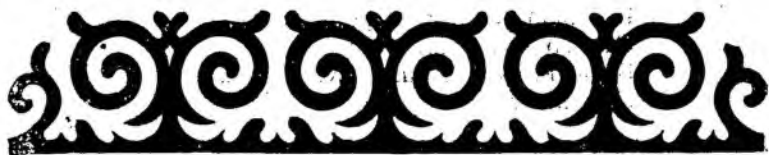
Так, народу помогая,
Для родного жил он края,
Ненавидя тьму и ложь, —
Храбрый, честный, величавый.
Не в любом ауле, право,
Равного ему найдёшь.

Умер. Больше нет Оспана.
Кто же ныне неустанно
Будет биться за народ?
На людей бросайся волком,
Грабь, тащи, но тихомолком.
Видишь, сколько бед идёт!

Наш народ врагу послушен,
Он к познанию равнодушен.
Человек с пустой душой,
Лицемер народом правит.
Всех и всё святоша давит.
Вот каков правитель твой.

1892

* * *

Ну, поверю, поверю вполне
Я словам твоим, сказанным мне:
«Кто в чалме — тот святой человек», —
Промолчу об их чёрной вине.

Ну, поверю: они хороши
И добро совершают в тиши.
Если к благу ведёт хоть один,
Буду первый я рад от души.

Будет сердце моё не мертво.
Ведь не сказка ж — добра торжество!
«Чести муж» — не пустые ж слова!
И, быть может, я встречу его...

Снова вспыхнули б в сердце огни,
Как в былые, как в юные дни.
Ведь мечтами такими я жил,
Но давно облетели они!

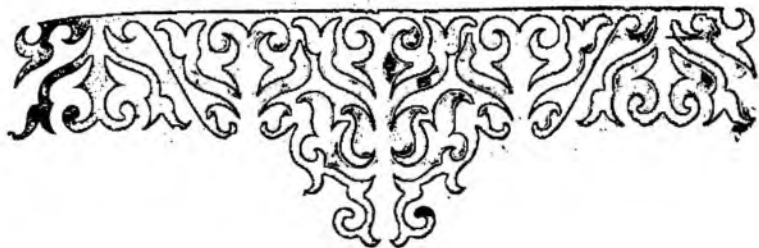
Враг без жалости сердце иссек,
На душе моей — холод и снег.
В тщетных поисках истины я
Свой кончаю скитальческий век.

Не нашёл я того, что искал.
Всюду козни и зверский оскал.
И отравлена ядом душа,
И напрасно искать я устал.

Всё испытано! Не прекословь...
Оттого и насуплена бровь.
Верь, коль можешь... Как верил и я...
Но уже не поверю я вновь!

1893

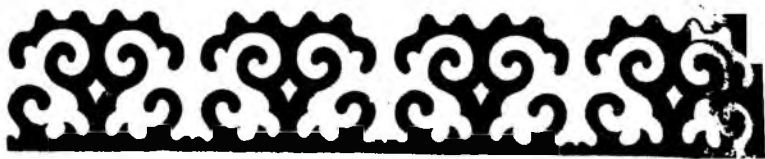

* * *

Благо — мигом унесло,
Непоколебимо зло,
Конь надежды мчится прочь,
Нам сдержать его невмочь.
Горячишь коня, а, глядь,
Всё ж беды не обогнать.
Встретишь горе, а оно
Не приходит к нам одно:
Всех докучным стариком
Навестит оно кругом.
Если туча не уйдёт, —
Не заблещет небосвод.
Если скорбь не ляжет спать, —
Сердцу ото сна не встать.
Коль печали не вкусить, —
Смеха не угомонить.
Кто всё терпит, кто умён, —
Рабством тот не посрамлён.
Коль нас горе обовьёт, —
То к беде нас поведёт.
Горе — враг, оно тебя
Истерзает, теребя.
Покидать не надо дом:
Только неучи кругом.
Если выйдешь, — посмотри,
Уморят «богатыри».

1893

ПРИЗНАНИЕ ЖЕНЫ

Он говорил: «Прекрасна ты»,
Он счастья мне сулил цветы,
Но ложе осквернил моё...
Изменник, устыдился ль ты?

Могилой взят обманщик мой,
Не возвратится он домой.
Его оплакивают все,
О нём скорбеть — мой долг прямой.

А что утратила я в нём?
Счёт против счёта подведём.
Но если плакать — долг жены,
Я буду плакать день за днём.

1893

* * *

Как сберутся на совет
Не оберёшься гаму:
Каждый друг или сосед
Роет другому яму.

«Мы никому не простим
Нарушения обета» —
Но к кумовьям и родным
Не относится это!

Прекословить им не сметь,
С ними спорить не смеют —
Это всё равно что смерть,
Люди не спорят с нею!

Бай в драке меж собой,
А народу нет дела,
Он занят мыслью одной:
«Как бы нам не влетело!»

За козлёнка своего
Бай стригуна получит,
А выйдет не по его —
Так он всех нас замучит!

От биш-бармака непрочь
Бий, ставший жалким нищим,
Мечтает он день и ночь
О вкусной байской пище.

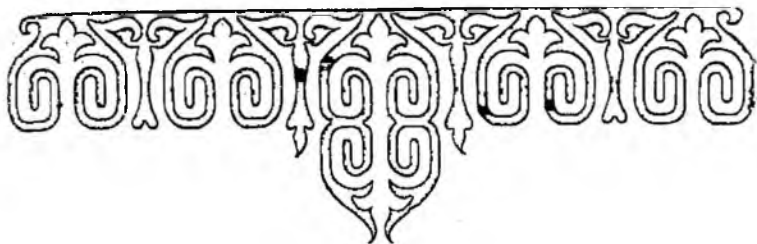
Он сцепиться б с ним хотел
Но что за польза драться!
Ах, суров его удел —
Не вернётся богатство!

Во всём его обошли,
Не сладить с врагами,
Не чувствует он земли
Под своими ногами...

Среди мелочной трезни,
Среди склок и разбоя,
Так проходят наши дни —
Ни мира, ни покоя!

1894

* * *

Вот и осень пришла для меня.
Как я силы в руках сберегу?
В мыслях май расцветает, маня,
Но весны я вернуть не могу.
Если холод в душе, если лёд, —
Как распустится роза в снегу?
Но в груди если пламя живёт,
Не погаснет оно и в пургу.

Близорук человеческий взгляд.
Даль не манит бескрылых людей.
Ничего они знать не хотят,
Кроме мелких, корыстных затей.
Они хитрой полны суетой,
Они в жадности волка лютей:
Затесаться бы гостем на той,
Нахватать бы послаще костей.

Обмануть, поживиться, пролезть,
Погулять на чужие гроши...
«Не зевай!» — вот их мудрость и честь,
Вот бахвалятся чем торгаши!
Лишь пройдоха для них человек,
Кто смирен — того трусом зовут.
Не достичь тебе счастья вовек,
Если ты не наглец и не плут.

1894

* * *

Я нашей молодёжью огорчён,
Её бесчестьем, спесью возмущён.
Она творить и править неспособна
Ловчилы и рвачи со всех сторон.

Зло их не огорчит, добро — невпрок
Им не преграда вера или бог,
Торгуют клятвой — только конь им нужен
И полный мясом жирным котелок.

К чему такой пригоден ветрогон?
В каких ремёслах преуспеет он?
Он норовит прожить свой век обманом,
В любом кругу доверия лишён.

Такой обманет там, надует тут.
Его душа истрёпана в лоскут.
Он дёшево продаст и ум, и душу;
Клянётся, но все знают: это плут.

1894

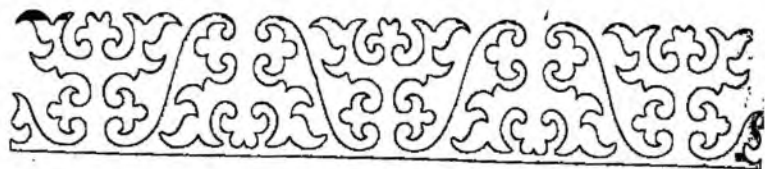
* * *

Речь влюблённых не знает слов.
У любви язык таков:
Дрогнет бровь, чуть вспыхнут глаза —
Вопрос иль ответ готов.

Помню, так и я говорил,
И мне понятен он был —
Тот язык, но память сдала,
Теперь я его забыл.

1894

* * *

Будь разборчив в пути своём;
Если ты талантлив, — гордись
И надёжным лишь кирпичом
В доме строящемся ложись.

Убегающий видит путь,
Догоняющий вслед спешит.
Воля с разумом их ведут.
Справедливость — вот свет души.

Если воля есть, ум живёт,
Доброты же и правды нет, —
Впереди огонь, сзади лёд,
И никак не уйти от бед.

Удержи корысти порыв.
Похвалы не ищи, — смотри,
Недостатки искусно скрыв,
Без борьбы байги не бери.

Волю дав хвастовства словам,
Не мечтай других превзойти.
Возбуждая зависть, и сам
Оступиться можешь в пути.

Твёрже ногу, шагай смелей, —
И тогда не погибнет труд.
Речи тех, кто учит детей,
Как зерно, в земле прорастут.

1894

* * *

Холод, жар... Молод, стар,
Каждый знал сердцем их.
Но поверь: властный дар —
Сгинет страсть в днях пустых.

Первый цвет юных лет,
Сердца пыл, полный сил, —
Красоты равной нет,
С чем бы ты ни сравнил.

То, гордясь, говоришь:
«Помню я счастья дни!»
То, стыдясь, говоришь:
«Что мне в них? Где они?»

Всё теперь для тебя —
Глупый бред и мечты.
О былом вспоминать
Часто ленишься ты.

Слов живых не дано —
Всё забыл ты давно,
А другой говорит, —
Не поймёшь всё равно!

1894

НА БОЛЕЗНЬ АБДРАХМАНА

Ты услышь, о господь,
Вздых молитвенный мой.
Дай мне страх побороть,
Ниспошли мне покой.

Что тоски моей злей!
Как тебя не молить!
Ты меня пожалей,
Мне без сына не жить!

Сердце бьётся в огне,
Грудь застыла моя,
И тебе в тишине
Шлю моления я.

Ведь моленьям рабов
Вечно внемлет алах.
Пусть он будет здоров!
Снизойди! Я в слезах.

Боже! Руки дрожат,
Мой безмолвен язык.
Сын! Утешит мой взгляд
Только свежий твой лик.

Буду пламень и лёд
Я опять и опять,
Если бог не пошлёт
Мне любимца обнять.

То надежда, то страх
В мою душу войдёт,
Нету склада в словах,
Мысли бродят вразброд.

Что же это стряслось?
Как болит моя грудь!
Как бы врач на авось
Не решил что-нибудь.

Не недуги твои
Мне страшны, но, любя,
Чую, сын, — не таи, —
Что-то точит тебя.

Коль не сыщешь врачей,
Знахарям не внимай.
Денег, сын, не жалей,
Даром дней не теряй.

Сыпь же деньги врачу,
Пусть сияет он, пусть,
Лишь бы нас — я хочу —
В ночь не мучила грусть.

Абсимет, говорят,
Мой племянник, с тобой.
Отплатить ему рад
Я услугой любой.

Чтить по-дружески нам
Друга — сладкий удел.
Я бы выехал сам,
Да не кинуть всех дел.

Плач нам взор утомил.
Бледны щёки у нас,
Чтоб набрался ты сил,
Молим каждый мы час.

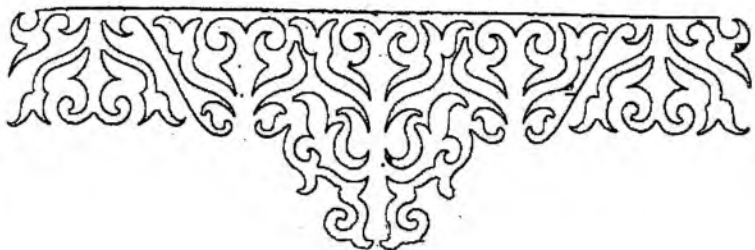
Ты письмо, что прочтёшь,
Во вниманье прими.
Если силы найдёшь,
Приезжай, не томи.

Ведь родной твой приют,
Весь народ твой, весь край —
Все любимого ждут,
Всем ведь дорог ты, знай.

Боже! — шепчут вокруг.
Все понурые тут,
А поборешь недуг —
Все сердца расцветут.

1894

ПИСЬМО АБДРАХМАНУ

от имени Какитая

Что скажу? На языке
Слова засохли в тоске!
Что я напишу? Перо
Застряло в моей руке!

Будь, язык мой, прям и строг,
Излей душу в правде строк,
Так, чтоб умный Магавья
Придаться к тебе не мог!

Если бьётся твоя кровь,
То не болезнь, а любовь.
То письмо, что я пишу,
Перечти ты вновь и вновь!

И ответствуй, не тая:
Мысль тебе ясна ль моя?
Скажешь: чужие слова,
Нет, слов не ворую я!

Слова значенья полны,
И понятны, и ясны,
Нет, конечно, ты неправ,
Слова всем людям даны!

Ну, так лейся дружбы песнь,
Мой друг Абиш, в свою честь!
Ты, Магавья, можешь суд
Надо мною произнести!

Я хочу, чтоб ты домой
Шёл здоровый, не больной,
А критиков не боюсь,
От них беды никакой.

Как дождусь поры ночной,
Так иду я на покой,
Всем учителям своим
Благодарный всей душой.

Но в молитве перед сном
Я прошу лишь об одном
Для покоя моего:
О здоровье лишь твоём!

Был бы ты здоров вполне,
И радость придёт ко мне.
Много мы светлых часов
Проведём наедине.

Если бы ты был со мной,
Я ходил бы за тобой.
Завидую Магавье —
Он при тебе, мой родной.

Ты мне радость, ты мне свет,
Ты души моей расцвет,
Ты цветок жизни моей,
Без тебя мне счастья нет!

Я с молитвой на устах
Ищу бога в небесах
И прошу, чтоб он любовь
Утвердил в людских сердцах.

Чтобы в этот горький час
Внял он скорби моей глас,
Чтобы друга моего
От болезни страшной спас!

Прошу тебя: будь здоров!
Чтобы всю мою любовь
К тебе выразить в словах, —
Не найду я таких слов!

Я печален, огорчён,
Взор мой горем омрачён,
Болят сердце, ноет грудь,
Нет мне радости ни в чём.

Крепко мною ты любим —
Я хотел письмом своим
Совладать, хотя б на миг,
С одиночеством твоим.

Мои слова и мечты,
Может, слишком уж просты,
Одного лишь я хочу,
Чтобы выздоровел ты!

1894

* * *

Я много мудрых слов сказал до этих пор,
С печалью устремлял я в будущее взор
И думал: умные проникнуты стыдом
И будут честно жить, народу не в укор.

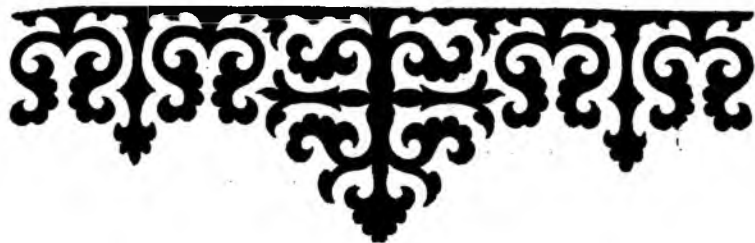
Но из народов — вы болтливейший народ,
И с первых слов никто друг друга не поймёт,
Без сердца жаркого и без горячих слёз
Нельзя вам растопить одевший душу лёд.

О, не упорствуй так, народ упрямый мой,
Моих речей пойми, подумав, смысл прямой,
Внимая мне, скажи, что потеряешь ты?
Не для забавы здесь я говорю пустой.

Смотри, не заблудись и знай, куда итти,
Вот, выходи сюда на верные пути.
Когда нет знания и нет любви к труду,
То научись теперь хотя бы скот пасти!

1865

* * *

Голодное брюхо чем хочешь набей,
А сытое — требует пищи вкусней.
Твердящий: «Поел — полбогатства обрёл» —
Вовек не насытит утробы своей.

Ты беден, трудиться не пробовал ты,
Поэтому — только о пище мечты!
Лишь мясо, твердишь, да кумыс хороши,
Но это лишь признак твоей нищеты.

Будь всем бы доступна такая еда —
К иному тебя потянуло б тогда.
Но ты, не умея себя прокормить,
Всё клянчишь кусок у других без стыда.

Заброшен, пустынен твой собственный дом,
И в поисках пищи ты рыщешь кругом.
Кто косточку даст иль глоток кумыса, —
За всё отработать заставит потом!

Не бойся в наём на чужбину итти,
Вернувшись с достатком, — ты будешь в чести.
У трусов, дерзнуть не посмевших, вся жизнь —
Как ветер, взметающий прах на пути. ¹

Лишь риск и дерзанье несут торжество.
Ленивец вовек не создаст ничего!
Нет грязной работы! Ходи за ослом, —
Ни руки, ни честь не грязны оттого!

Обманом, увёрткой добра не обрести.
Приучишься сладко и пить ты, и есть,
А как отвыкать, когда всё проживёшь,
Лишившись покоя, утративши честь?

Трус жалкою крохой доволен весь век.
Презренный удел, и не сыт человек!
Добро ж, без труда нажитое, — невпрок;
Оно испарится, как стаявший снег!

Вон щеголь с коня, натянув удила,
Глядит, где бы сесть у чужого стола.
Бродяг, потерявших способность краснеть. —
Оставь! Убегай без оглядки от зла.

Их много теперь развелось, этих псов,
Бездельников шустрых, бесстыжих шутов.
Смотри, как бы ты не умножил ряды
Проклятых бродяг, позабывших свой кров!

1895

* * *

Умерло детство — а ты не знал?
Дни радости растерял?
Прошла юность — не удержал?
Встречай же старость — не ждал?
Быть может, в жизни не раз
Непостоянным бывал?
Не раз он себе изменял?
Быть может, несчастный, умрёшь,
Как тот верблюжонок в хлеву,
Что хлева и не покидал?

1895

* * *

Когда удлиняется тень,
И закат прохладно-багрян,
И, время окончив, день
Шагнёт за дальний курган, —

Запечалюсь я в тишине,
Овладеет вечер душой.
Вечерний сумрак в огне.
Жизнь вся уже за спиной.

Тропа за спиной — жизнь твоя
Тропа, по которой ты шёл:
Беды прошла колея,
Прошло по ней горе-вол,

И топтал её человек,
И не раз заносил песок...
Добывай, стяжай весь век, —
Жизнь спросит: какой в том прок?

Мысль — щенок, забытый в степи,
Не найти кочевья ему.
Плохую память приспи,
Вздых и досада к чему?

Средь пшеницы в поле — польнь.
Поле жизни мудро пройди.
Скажи печали: остынь.
Умри, как странник в пути.

1895

* * *

Когда баран войдёт в ручей, воде жирней не стать,
И нам смешно, коль станет волк её спеша лакать.
Как этот волк, гляжу кругом, не вижу ничего.
Ужель просторный этот мир мне мыслью не обнять?

Ужель с рождения тебя особый метил знак
И всю вселенную зажать ты хочешь в свой кулак?
Бедняжка-мысль твоя парит в небесной вышине,
А здесь опоры на земле найти не может шаг.

Но человеку можно всё постичь своим умом,
И уступает наша мысль лишь пред одним творцом.
Я засыпаю, утомлён, и, вновь открыв глаза,
Стараюсь тайну разгадать в дерзании своём.

Своих сомнений отрицать не стану наобум,
Где нет сомнения в душе, там, значит, нет и дум.
Но что порой бессильна мысль, — меня не тяготит,
Ведь мыслить лучше, чем держать всегда в дремоте ум.

Мы рождены, чтоб мыслить, жить, и кровь нам дал аллах,
Так как же дуною своей не жить нам в небесах?
Ты, и не думая, придёшь к началу своему.
Желаний лучших обрести земной не может прах.

Путь жизни — узкая тропа иль напряжённый лук.
Пока ты жив, его аллах не выпустит из рук.
Запомни твёрдо: правды нет в извилистом пути.
Не соскользни, идя в полёт, и цель вернее, друг!

* * *

Смертна природа. Человек же не умрёт,
Хоть жить не будет и обратно не придёт.
Разъединение со мной моей природы
Один невежда полной смертью назовёт.

Превратность жизненная — многим тяжкий плен,
Мы плачем от её ударов и измен.
Бессмертные слова ты оставляешь миру, —
Так можно ли сказать: «Ты превратишься в тлен?»

Не увлекающийся жизнью своей
Текучесть мира постигает всё ясней.
Не следуя душой за глубиною мысли, —
За мной, ушедшим, ты не проследишь путей.

Кто друг земному, тот иным мирам — чужой.
Несовместимы две души в душе одной.
Кто жаден к жизни, кто небытия боится,
Тот, знаю, верует не всей своей душой.

1895

НА СМЕРТЬ АБДРАХМАНА

Мой Абиш мужчиною был,
Самым лучшим, честным во всём.
Смелый, искренний, полный сил,
Благородным шёл он путём.
Знанья жаждал он день и ночь.
И талантом брал, и умом.
Был защитником бедняков,
Был за честь и правду борцом.
На чужой не зарился труд,
Лишь своим кормился трудом.
Он за дружбу дружбой платил,
Не отказывая ни в чём.
Был он прост и кроток душой,
Никогда не знался со злом.
Никогда боязни не знал,
Ясный свет мы видели в нём.
Беспощадна была судьба.
Горько мы без него живём.

1895

НА СМЕРТЬ АБДРАХМАНА

Ты честен был в пути своём,
И ты разумен был во всём.
Ты не страшился смелых дел.
Всё постигать был твой удел.
Способный подвиги свершать,
Ты порывался всё познать.
Был мудр, хоть юных полон сил.
Ты честь отца не уронил.
Зачем же от меня так зло
Ты, время, сына унесло?

1895

ОСПАНУ

Труд чужой Оспан ценил.
Только сам, людей любя,
Для других он не шадил
Ни трудов и ни себя.
Сильный мыслью и душой,
Всех обиженных оплот,
Он для друга — был весной,
Для врага — мороз и лёд.
Смелый, стойкий до конца,
Жадных он держал в узде.
Наглеца и гордеца
Он смирить умел везде.
Смерть настигла на пути
И его средь добрых дел.
Твёрдо боль перенести —
Нынче горький наш удел.

1895

НА СМЕРТЬ АБДРАХМАНА

Двадцать семь он прожил лет,
Абдрахман мой — и угас.
Знали мудрые, что нет
Лучше юноши у нас!

Мир он зорко озирает.
Добрым другом был для всех,
Гнал кичливость, лжи не знал.
Стойкий дух, радушный смех.

Он безустали всегда
Был в учёбу погружён.
Всё постигнув, лишь тогда
Успокаивался он.

Что нам долгий ряд годов,
Коль у нас познания нет?
Лишь ленивый не готов
Воспринять в свой разум свет.

Всё узнал про свой недуг
В Петербурге он тотчас.
Книг не выпустив из рук,
Скрыл беду свою от нас.

Странно весел, странно тих,
«Краток срок мой», — говорил.
Видя скорбь в глазах родных,
Улыбался: «...пошутил».

Жизнь его кратка совсем, —
Всё же светом залита.
Озарял он светом тем
И родимые места.

Крым, Кавказ, и Туркестан,
И Сибирь он объезжал.
Всё хотел мой Абдрахман
Знать, — покоя лишь не знал.

Как падучая звезда
Он сверкнул, — и стал незрим.
Как заплакали тогда
Все встречавшиеся с ним!

Умудрён он был и смел,
Страх в душе его был нем.
Он на смерть взглянуть сумел,
Этим не делясь ни с кем.

Долг родителям своим
Он не отдал, и жену
Кинул он: в наследство им
Он оставил скорбь одну.

Будто лет он прожил сто,
Так он много смог узнать.
Он грустил: он нам всё то,
Что постиг, не смог отдать.

Он был вестник новых лет,
Старый век кончаю я.
Не сбылись надежды — нет!
Участь горестна моя.

Как мне смерть твою постичь!
Жить в отчаяньи таком!
По глазам хлестнул мне бич,
Всё шатается кругом!

1895

* * *

Стяжателю одно лишь тешит душу — скот,
И не стыдится он обманывать народ.
Позорный раб своей наживы, он трясётся,
Когда к его столу бездомный подойдёт.

Зачем свои стада он множит без конца?
Чтоб зависть низкую вселить во все сердца.
Он, грязный боров сам, других считает псами,
За кость готовыми служить у подлеса.

Ум, честность в наши дни не слишком ценный клад,
Владельцам их они богатства не сулят.
Крупинки золота иши в навозной куче,
Весь изваляйся в ней, коль хочешь быть богат.

Прочтя мои слова, обдумай их в тиши!
Возмездие за труд милей, чем барыши.
Корысть позорит нас, нельзя прожить достойно
Без светлого ума, без пламенной души.

1896

* * *

Чужим я чувствую себя среди стариков,
Не нахожу с детьми своими общих слов,
От сверстников, хотя б они родными были,
За тридевять земель я убежать готов.

Обилья прежнего ни в чём давно уж нет,
Блуждаю, в рубище унылое одет,
Всё стало для меня безвкусным — сон и пища,
И головую я, и бороною сед.

Тому, кто юн, страшна угроза клеветы,
А ты, утративший все юные мечты,
Старик-ворчун, двора чужого дряхлый сторож,
Ты выжил из ума, кому же нужен ты?

1896

ПОЭТ

Час улыбнётся иль миг такой:
Сердце в себя уходит, — и вст
Свет вдохновения, свет благой
Сизое облако чувств прорвёт.

Многообразьем красот искрясь,
Всё зажурчит, как горный ручей.
С сердца отмоется будней грязь,
И упадёт пелена с очей.

Весь напряжётся он, как тетива.
Вспрянет душа ото сна, — и вновь
Дети всеильной мысли — слова
Плоть обретут и жаркую кровь.

Стянет потуже поэт свой стан,
Вдаль посмотрит — назад и вперёд, —
Каждое слово, как талисман,
К мысли заветной он подберёт.

Взглянет он зорче степного орла,
Струны раздумья в душе теребя.
Против невежества, против зла
Он обращает свой гнев, скорбя.

Люди слово его пронесут
Близким и дальним — из края в край.
Суд справедливости, разума суд,
Ты рассуди и ты покарай!

Сердца неистовство, жар ума,
А языка ядовитес — нет.
Чтоб ни писал, — то жизнь сама...
Как ни хулите, таков поэт!

1896

* * *

Красотка-девушка у хана жила.
Всё отдавал он той, что сердцу мила.
Ходила в золоте, в цветистых шелках,
Толпа служанок с ней повсюду была.

Недаром «всякому — своё» — говорят.
Справляет хан пиры, прославлен, богат,
А девушка, вскричав: «Мой брак — мой позор!» —
В пучину бросилась, срывая наряд.

Что сердцу юному до пышных затей!
Друг сердца девушке всей жизни нужней.
А кости дряхлые, что жаждут вернуть
Былую молодость, зачем они ей!

Со стариками ль жизнь связать молодым!
Не сдастся сердце, — лесть рассеет, как дым.
Невесты старше ты на двадцать пять лет, —
Не станешь мужем ей, пусть отдан калым.

Жён молодых глупцы томят взаперти,
Девичью молодость украв на пути.
Откуда к старику любовь прилетит!
Она ж не тёлка, чтоб насильно вести!

У бая старого в деньгах сила вся,
Но снова юным стать за деньги нельзя.
Презренный, чью-то дочь купив за калым,
Ты, старый, дурнем стал, о счастье прося:

«Что́ на уме у ней?» — старик не решит,
Но ладят меж собой, живут без обид.
Опутала тебя, а ты уже рад.
Смотри, бесовка что с тобой творит!

Бай старый, берегись, тебе говорят!
Доверившись жене, ты будешь рогат.
Пропавший человек, коль счастье нашёл,
Едою и женой хвалясь всем подряд.

С безвинной байбише бранится старик,
Но молодуху лишь смешит этот крик.
Сухой курай — одна, другая — цветок.
Когда же снег и зной сжились хоть на миг!

Виляние хвостом не скрасит твой брак,
И по спине хлопки не сблизят никак.
Между сердцами год пути, долгий год.
Как их соединишь ты, старый дурак!

1896

* * *

Вечность — круг, круг часов — циферблат.
За минутой минута — бегут, спешат.
Минута — и жизнь человека прошла.
Прошла — никогда не вернётся назад.

Этот вор — часы! Тихий шаг, зоркий взгляд
Твою жизнь сторожат, — отдашь, рад не рад.
Постоянства нет, жизнь пришла и ушла, —
Прошла и уже не вернётся назад.

Убегай от жизни иль жизнь догоняй,
Укрошай желанье или утоляй,
Не уйдёшь от дел и поступков своих, —
Мерен шум проходящей жизни, внимай!

День за днём, за месяцем месяц — и год.
Год за годом ворует, старость придёт;
Если жизнь обманула, что с неё взять!
Будь, аллах, твоя милость к тем, кто живёт!

1896

* * *

Птица мысли повсюду стремится крыла,
Если мысль человечья была смела.
Да вьётся мелодия за строфой,
Как стелется тень за крылом орла!

Льётся и реет песнь, паря,
Сердце баюкая, ум бодря...
Бренного мира вся сладость в ней,
Лишь тугоухий к ней влётся б зря!

Песнь и в спящее сердце влетит,
Всё исцелует и истомит...
То счастьем, то грустью звенит напев,
То раны зажившие берedit.

Все ли то знают, кто песнь поют?
Все ли, кто слышат, ей дань воздают?
Страстной исполненная тоски,
В чьём она сердце найдёт приют?

Высоким в зачине бывает лад.
«Слушай!» — пронзительно звуки велят.
Песнь порождает вокруг немоту.
Слившийся с песней сам крылат.

Но, песнь заслыша, постичь сумей:
Мудрость ли дышит, иль глупость в ней?
Вздорная песнь лишь ранит слух,
Мудрой упьёшься — я стал мудрей,

Суть песни вскрывают мои шесть стрф.
Для знатоков не жалел я слов.
Пусть не поймёт меня тот, кто туц;
Тем, кто достойны, — думал я, —
Тем, кто несут огонь в груди,
Будет и мысль ясна моя.

Жизнь в полдень — огонь, а под вечер — знойна ль?
Начало — игра, а конец — печаль...
Но вслушайся в песню да вникни в суть, —
Жизнь вновь, как заря, как ручья хрусталь.

Зачин принимает за песню иной,
Но ты, кто прекрасную знаешь, — пой!
Подлинной внемля, тают сердца,
Дух возвышается сам собой...

1896

* * *

Тучи набегут порой,
Прольются серым дождём.
Набухнет сердце тоской,
Заплачут печали в нём.

Дождь прошёл — ярче трава,
Смеётся каждый ручей.
От слёз -- болиг голова,
Тоска ещё тяжелей.

1896

НА СМЕРТЬ АБДРАХМАНА

Скакуна отваги шпора,
На утёс взвился крутой.
Яро с трудностями споря,
Мчался к мысли золотой.

Что преграды! Что все муки!
Взор свой в дали ты вперял.
Сын, ты первенства в науке
Никому не уступал.

Подрастая, ты объатым
Ложью не был, а затем,
Став уверенным вожатым,
Не кичился ни пред кем.

Коль к родимому порогу
Ты б вернулся, полный сил,
Коль народу ты б дорогу
Указал, я б не грустил.

Кто я! Но такого сына
Нет ни в снах, ни наяву!
Знать, не губит нас кручина.
Поглядите, я живу.

1896

РАХИМШАЛУ

Гривой славился конь вовек,
Красотой души — человек.
Человеку радость — богатство,
Но отцовство слаше всех нег.
Да, ребёнка я страстно ждал,
Но отрада ли Рахимшал?
Лучше б, давший такого сына,
Бог обратно его забрал.

1896

* * *

Грядущее скрыто туманом от нас,
Надежды лучом озаряясь подчас.
Ты смотришь в упор: время гонит часы,
Безлики они — не поражают глаз.

Подобно минувшим, грядущие дни
Приходят, уходят, друг другу сродни.
Меж них и тебе предназначенный срок.
Аллаху лишь зрима судьба искони.

«Я», — разум промолвит. Плоть скажет: «Моё», —
Различно у плоти с душой бытиё.
Бессмертное «я» никогда не умрёт.
«Моё» — это только земное жильё.

Зачем же «моим» ты так жадно живёшь?
Сладка тебе плотская краткая дрожь.
Добро, справедливость — вот наши друзья.
Могильный порог с ними перешагнёшь.

Ты можешь за золото душу продать,
Грехом замутишь безупречную гладь,
Но жизнь твою радость похитит, поверь,
Коварнее жизни не сможешь ты стать.

Напрасно своим мыслит мир человек.
«Моё» — это капля воды среди рек,
Подумай: что плоть и земное добро,
Коль дух оторвётся от тела навек?!

Беспомощных лучше желей и сирот,
Деяний твоих не испортится плод;
О людях заботился даже творец,
Полюбит тебя он, коль любишь народ.

Но помни: толпа и народ — не одно.
Есть люди и волки — уж так суждено.
Так будь справедливым, как истинный муж,
Коль сердце твоё милосердья полно.

Всем смертным — удача и блага нужны,
Но зло от добра отделить мы должны:
Пройдохи с невеждами сядуг на мель,
Лишь вера и правда — на гребне волны.

1897

* * *

Восторженной хвале толпы
не верь, — то лесть!
Не дай двуликим хитрецам
себя оплесть...
Верь лишь себе и знай: твой ум,
твой честный труд --
Вот тот оплот, где для тебя
спасенье есть.

Глупцом доверчивым вовек
не будь с людьми.
Страстей и славолюбья жар
в груди уйми.
Пленяясь ветреной молвой,
ты лжешь себе...
Попытки марево обнять —
лишь блажь, пойми!

Обрушилось ли горе вдруг, —
противостой!
Процвёл ли миг, — пренебреги,
то цвет пустой!
В глубь сердца своего уйдя,
храни, лелей
Сокровище, что обретёшь
ты в глуби той.

1897

* * *

Легко «аллах» произнести.
Но бога чти не на словах.
Ты в сердце веру обрети,
А всё иное — только прах.

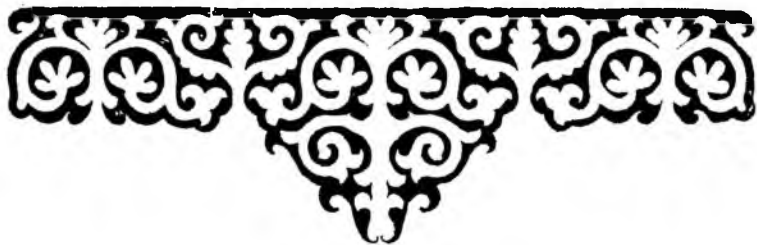
Часам всё познающих дум
Все силы, человек, отдай.
Питает нашу душу ум,
Делами богу угождай.

Постичь рассудком силы нет
Начала тайну и конца.
Не есть ли необъятный свет
Лишь воплощение творца?

Рассудка жертву бог не чтит,
И в мысли чувство не облечь.
И всё, что богослов твердит
О божестве, — пустая речь.

1897

* * *

Красивой песней под струнный звон
Ты весь охвачен в ночной тиши.
Песни меня забирают в полон.
Как я, люби их от всей души!

От дел привычных уйти спеша,
Я забываю весь белый свет.
Внимает песне моя душа,
И сердца пламенем я согрет.

Так воду нашедший в степи глухой
К ней приникает жадным ртом.
И что ему люди с их толкотнёй,
Его оттесняющие плечом!

Я вспоминаю былые дни:
То горе, то радость, то любовь,
И всё, что было мечте сродни,
Живую плотью одето вновь.

Снова глотаю я прежний яд,
Я утопаю в нём с головой.
Люди, которые вокруг галдят,
Кажутся истиною самой.

И начинает земную лесьть
Правдой считать душа моя.
Разве на свете отравы есть,
Какой бы не выпил до капли я?

1897

* * *

Грубый крик, рёв осла —
Не одна ль досада нам?
Лгать себе без числа —
Разве в том награда нам?

Речь глупцов — как зола.
Ах, того ли надо нам!
Жизнь, что зря отцвела, —
Есть ли в ней отрада нам?

1897

* * *

Милый мой, дорогой,
Я тебе шлю привет.
Сожжена я тоской,
Знаешь ты или нет?

Жду встей день-денской,
Жажду их всей душой.
Где найду я покой,
Если ты стал чужой!

Сердца ты моего
Светом был; гибну я:
Без тебя всё мертво,
Отцвела жизнь моя!

1897

* * *

Несчастный, мучила весь век тебя судьба!
Как разлюбить эту жизнь, что зла и груба?
Не умрёшь ты от обид, но узнаешь стыд.
Став мишенью хвастунам, — не спрячешь лба.

1897

Г А Б И Д У Л Л Е

Подснежнику, что приголубит весна,
Знать ли о жизни, длинна ли она?
С дубом сравниться он мощностью мнит,
Солнечного напившись вина.

Осень дохнёт — и подмёрз корешок,
Сгинул, как не был, а ростом с вершок!
Мало ли юность сулила и мне?
Есть ли в рывках к недоступному прок?

Кожа поблёлкла. Померк огонь.
В тщетном пылу иступлен клинок.

1897

* * *

На воде, как челнок, луна.
Тишина ясна, глубока.
Лишь в овраге полночь черна,
Да шумит в тишине река.

Вверху и внизу глубина.
Лунный свет в лепестках цветка.
Пробежит по деревьям волна —
И затих порыв ветерка.

С гор ответит эхо на лай
И на окрики пастухов.
Крадучись, минуты считай
И пугайся своих шагов.

Упадёт листок невзначай —
Тебе уже чудится зов:
— Ах, скорее, милый, встречай,
Здесь, в тени прибрежных кустов.

Горя, холодея, дрожа,
С немеющим сердцем в груди
Ты придёшь без слов, не дыша, —
Ах, сколько тревог позади!

1898

* * *

Разбит, разрознен мой народ,
Расколот, разобщён.
Борьба дышать мне не даёт,
Вражда со всех сторон!

Я всем всегда помочь был рад.
В моих глазах равны
Бывали все: и стар, и млад,
И бедность, и чины!

С людьми делил я всё, что есть...
Что ж отнял я у вас,
Чтобы мою позорить честь
Бесстыдно всякий час?

Народу отдал я любовь —
Что ж с злобой палача
Вы раните мне сердце в кровь,
В грязи его топча?

Клеветете на всю семью...
Отнять покой, мечты,
Отнять мой дом, жену мою —
Цель вашей клеветы.

Довольно! Не вобьёте клин!
Оставьте лживый суд!
Не меряйте на свой аршин —
И так мне душно тут!

Ваш клеветнический язык
Ещё гнуснее дел!
Таил я возмущённый крик,
Но есть всему предел!

1898

* * *

О порыв души огневой,
Твой отточен и меток луч,
Словно молния перед грозой,
Что прорвалась из чёрных туч.
О язык мой, огонь стихов,
Непонятен ты для глупцов!

Дерзновенных помыслов пыл
Превратил мой язык в копье,
Чтоб в бою он сил не шадил
И явил искусство своё.
Но попрежнему спит народ,
И ничто его не проймёт.

Слово, понятое умом,
Ускользает, как звук пустой,
Но по жилам течёт огнём,
Коль берёшь его всей душой.
Люди учат, поют мой стих,
Но он тёмен ещё для них.

1898

* * *

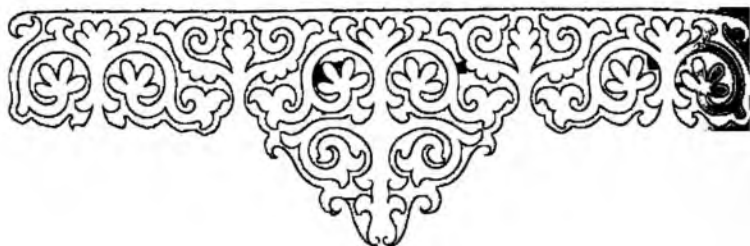
Жизнь обирает нас день за днём. Где мечты твои?
В славе ль, в труде — прежний ты где? Где черты
твой?
Сперва — порыв, а следом — тоска. Лжёт жестоко
жизнь!
Где такой, чьи дни не пусты, как пусты твои?

Где ж сладость, где ж манящая нас всегда?
К чему бороться так за остаток дней?
Знал ли отраду, из-за какой не жаль
Блиzkих своих забыть и оттолкнуть друзей?

Доколе сердце молчит — слова сдержи.
Язык — приспешник обид, прислужник лжи.
Иль знал ты власть над ним и предел желаньям своим?
В них не брезжит правды свет, в них — плен души!

1898

* * *

Разве не должен, мёртвый, я глиной стать?
Буйная речь должна левой чинной стать;
Сердце моё, где бой гнев и страсть вели,
Вскоре, увы, должно хрупкой льдиной стать.

Близок тот день, как мне пред судьбиной стать.
Может медлить смерть, может лавиной стать.
Трудно ли, сердце, конской прыти твоей
Жертвой толков злых, вслед за кончиной, стать!

Стану немым я, не загремлю опять, —
Внукам судить меня, что с потомства взять?
Кровь моя черна, в язвах сердце моё...
Дважды нас в одном можно ли обвинять?

Чтоб милосердным быть, настезь открой груди!
Кто я, предок твой? Тайна я, не забудь.
Знай, мой потомок, путь я стлал для тебя.
Тысячи раз сражался, не обессудь.

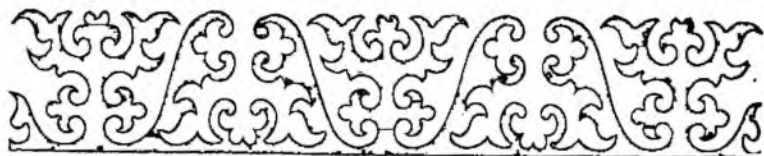
Мир мне впору был, юному силачу.
Гневу, спорам в дань я возжигал свечу.
Силится враг донять меня клеветой.
Ринулся б вслед, но поздно! Не доскачу...

Вольные мысли мои терпели гнёт.
След мой тебя с прямой дороги собьёт.
Вдоволь я выстрадал, вдоволь плен терпел, —
Надо ль будить, коль смертный навек уснёт?

Яд и чад во мне — пусть я с виду иной.
В жизни мало успев, кончу путь земной.
Песня болтлива — вверил ей тайну зря...
Лучше ей, право, смолкнуть вместе со мной!

1898

* * *

Если воли у сердца нет,
Кто угасший разум зажжёт?
А погаснет разума свет —
Станешь ты прозябать, как скот.

Если разум безволен, он
Лишь скользит, нейдя в глубину.
Ваш старик душой утомлён,
Стынут мысли, тянет ко сну...

Коль не дашь всё, что хочет плоть, —
Пожалеешь её, любя;
А не сможешь плоть побороть, —
Всё потребует у тебя.

Тело есть и душа у скота,
Но ему недоступны мечты,
Как бескрасочна жизнь, пуста,
Если вглубь не стремишься ты!

Человеком могу ли я
Называться, объятый тьмой?
Где найти мне смысл бытия,
Коль народ невежествен мой?

1898

* * *

Дни за днями чередой, —
Покоя тщетно искать.
За мыслью мысль чередой, —
И ветру их не догнать.

1898

* * *

Узнав, что смертью взят внезапно кто-нибудь,
Считаем ли мы весть чудовищной? Ничуть.
Как страшно между тем: не отчитавшись в жизни,
С друзьями не простясь, уйти в последний путь.

1898

* * *

Года миновали давно ль?
Когда кровь кипела моя.
Ни дум, ни печали, — давно ль? —
С первым встречным — друзья.

Смех, любовь, питьё и еда —
Их делили в кругу друзей.
Златоцветных надежд года,
Года молодости моей!

Где ты, золотая пора,
Когда радость лилась рекой?
Как будто вчера, лишь вчера,
А оглянешься — далеко.

Умоляй, тоскуй, проклинай,
Оплакивай — не вернёшь.
Друзья разбрелись — догоняй!
Не догонишь, ищи — не найдёшь.

Поплачу, дай волю слезам,
Дай терпение, потерплю.
Если есть для сердца бальзам,
Израненное исцелю.

1899

* * *

На сорок лоскутьев тоскою
Растерзано ты — каждым днём...
Как же сердцу дожить в покое,
Изверившемуся во всём!

Те — взяты землёй, те — враждою,
А как их любило ты!
Вражда и беда шли чредою,
И вот — ты среди пустоты.

Лишь старость одна пред тобою
Во мраке, и выхода нет.
Беспечных утешит любое,
А где нам с тобою ответ?

А как ты горишь болью злою!..
Мечты! Оглянись на них
И вспомни величье былое
Желаний бесплодных твоих.

1899

* * *

Человек — мешок для мяса и костей,
Смерть уносит его, как скарб — казначей.
Как часто слышишь: «Ты низок для меня!»
Поверь мне, глупость — мать подобных речей!

Лишь вчера — дитя, ты сегодня — старик.
Жизнь уходит в землю, как иссякший родник.
Люби человека, люби красоту, —
Что мог бы ещё назвать благом язык?

1899

* * *

Не увлѣк ты меня, — нет, не смог!
Изнемог ты, устал. Горе нам!
Нет любви: ты и здесь, и далѣк,
И не быть мне твоей, — видишь сам.

1899

ДУТБАЮ

Зачем улыбчивы уста,
Когда так злобен он?
Меняет мненья, как цвета
В листве хамелеон.
Он надевал любой наряд,
Чтобы привлечь сердца.
Стал волостным — надменен взгляд
Сурового лица.
При первой встрече ручки жмёт,
И льстит, и лебезит.
Но отвернись — уже не тот,
Так подлость и разит!
Сегодня он тобой пленён,
Всем жертвует, любя.
Сегодня греет, завтра он
Испепелит тебя!
Плюёт на все твои права,
Юлит, как бес, хитро.
Белы, как снег, его слова,
Черно, как грязь, нутро.
Здесь не лукавство и не страсть —
Смертельно болен он,
И от болезни той пропасть
Он сам же осуждён!

1899

* * *

Я вырастил пса из щенка, —
Он мне ногу раз прокусил.
Обучил я когда-то стрелка, —
Он меня чуть не подстрелил.

1899

* * *

За счастьем любви не гонись, —
К чему эта суета?
До гроба любовь — где она?
Помедли, назад оглянись:
Жизнь — сон, и счастье — мечта,
Стараньям твоим грош цена.

1899

* * *

Одинокое, не найдёт
Сердце отклика на пути.
Мысль моя, прерви свой полёт,
Коль пристанища не найти!

Чувство высказанное — ложь,
Безответен страстей призыв.
Так куда ж ты, сердце, влечёшь,
От всего меня отлучив?

Счастье, дружба, любовь, покой,
Вы для жизни только гроши;
Ими платят беде людской
Лицемерные торгаши.

Суд народа для них — безмен,
Чтоб лишь взвесить хулу и лесть, —
Мастера в ремесле измен,
Позабывшие стыд и честь!

С кем тоску свою разделить,
Если дружба не ко двору?
Чьим сочувствием облегчить
Одиночество и хандру?

Всюду подлость одна и та ж:
Пожалеешь кого, а тот
Деньги станет кланчить: не дашь —
На тебя ж сердясь, уйдёт.

Но войти покупным словам
В сердце искреннее невмочь.
Льстивый плут ни себе, ни вам,
Никому не может помочь.

Ты напрасным горишь огнём,
Изнываешь, душа моя!
Это пламя — что толку в нём?
Где любовь твоя, где друзья?

1900

* * *

Уходит жизнь за часом час,
И новый день уже погас,
В печальном сумраке ночном
Простор скрывается из глаз.

Я ощущаю в этот миг
Всю невозвратность дней моих.
Где девушка, что я любил,
Товарищи и дружба их?

Я столько лет на небеса
С надеждой обращал глаза,
Но бог далёк, и не для нас
Его святые чудеса.

Что бог, когда душа в плену,
Когда навек покою, сну,
Всей жизни, богу самому
Я предпочёл тебя одну?!

1900

* * *

Стыдливость — но только для отвода глаз.
Тут мелкая хитрость, там внешний показ.
Нет великой борьбы, нет большой любви —
Одно лишь легкомыслие есть у нас!

Усталость и скука, боязнь труда,
И так бесконечно, во всём и всегда.
Кто каждый день увлекается другим,
Тот падок на всё, не годен никуда!

Такому и совесть и честь нипочём,
Он думает только о чреве своём —
О будущем разве заботится он?
Живёт он одним лишь сегодняшним днём!

Неверность друзей, лицемерье родни —
Два лица, две души имеют они.
Враги несравненно сильнее, чем друзья.
О горькое время! О чёрные дни!

Взрослые люди с незапамятных пор
Являют мальчишески глупый задор:
Отец может сына, любя, и ругнуть,
Но сын чтоб отца — это стыд и позор!

1901

* * *

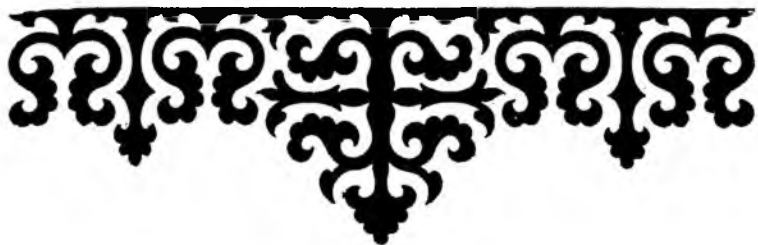
Пожелтевших надежд опала листва.
Поседела в мечтах моя голова.
Минувшее смутно, а в сердце печаль,
Былых дней тревога, как прежде, жива.

Жизнь — как сон, как слова стихов золотых.
Обманули мечты, но не молкнет стих.
Взгляни на себя: горяча ль твоя кровь,
Горит ли румянец на щеках твоих?

Люди лживы, неверны, склонны к вражде,
Как мираж — их жизнь, вся в пустой суете.
На чужие мысли своих не меняй,
Суди себя сам в неподкупном суде.

1901

* * *

Веселья лёгкая вода,
Пустая молодость — беда.
Ты лучше разумом попробуй
Познать, где дружба, где вражда.

Что славным у людей слывёт,
Тебя не слишком пусть влечёт.
Не торопись, мой друг, работа —
Она предмет твоих забот.

Души богатства береги,
Всего, что дешёво — беги,
А скромность — истинный хозяин,
Он душу не введёт в долги.

Не будь ко всем доверчив сплошь,
От зоркости ты не умрёшь,
Не то и стариком согбенным,
Где враг, где друг, — не разберёшь.

Хапуга на объятья скор.
Всегда он там, где шум и спор.
Мой друг, ты разве сам не видишь,
Что под конец он нищ, как вор.

1901

* * *

Что кумыс казаху — пиша
Или так, для похвальбы?
Да найдётся ль в доме мясо
В развесёлый час гульбы?

С жиру бесишься, приятель,
Буйство в кровь тебе вошло.
Промышлять кумыс кипучий —
Вот, мол, дескать, ремесло?

Нет, сынок, айран насущный
Больше нам с тобой к лицу,
В удалстве тягаться с плутом
Не пристало молодцу.

Вор следит из-за пригорка
За твоим же табуном.
Заведи себе барана,
Не гоняйся за конём.

Не бахвалься коневодством.
Не завидуй богачу.
Мол, кумыс куда смачнее, —
Простокваши не хочу!

Не гонись за лёгкой славой.
Ветрогон тебе не брат.
Будешь ты с овечьим стадом
Сыт, покоен и богат.

1901

* * *

Твоя превосходная, гибкая речь
Значенья и смысла полна,
До сердца доходит она.
Внимательно слушаешь, знаешь язык,
Умеешь любого поправить ты вмиг,
Когда его мысль неверна.
Мечтаю давно я о счастье, —
Чтоб друг повстречался такой,
Чья мысль и поступки в согласьи, —
Разумный, с горячей душой.

1901

* * *

Мотыльки, чей светел наряд,
Вам, цветы, привет свой дарят.
Но спугнёт гроза, сад примят —
И они назад не летят.

Людям всем дана, всем поцряд,
Черода удач и утраг,
Что всегда сомненьем томят
И скорей ответа хотят.

Время гонит всех — стар иль млад.
Время злых помех снять бы рад!
Жизнь — тоска и смех, блеск и чад.
Срок придёт, и ты смертью взят.

1902

* * *

Сердце — море, где радости — жемчуга.
Отбери их — и выцветут берега.
Если сердце сокровища лишено,
Оболочка пустая не дорога.

Сердце дружбой живёт, живёт и враждой.
Добродетель — в уме находит устой.
Если ум добродетель твою хранит,
С каждым днём ты возносишься над средой.

Старый, гаснувший муж не сломит врага.
Проку нет от притухшего очага.
Всякий неуч совет ввернуть норовит,
Если, ставшая хилой, скользит нога.

1902

* * *

Ангел молнии, Рагит,
Как стрела, к земле летит.
Опрокинутый на землю
Дождь её животворит.
Сила молний — наповал.
Силу слов ты, друг, познал,
Если их, как молний силу,
На себе ты испытал.
Мимо этих слов пройдёт
Взяточник и обормот.
Нищенка-душа не примет
Огненных таких щедрот.
Примет молнии-слова,
Кто устал от плутовства.

Не пора ль к рукам прибрать
Болтунов всеильных рать?
Что за публика такая —
Только знают врать и рвать.

1903

* * *

О сердце, свой жар остуди,
На отдых пора нам с тобой.
Что вечно ты ищешь? Найди
Желанный прохладный покой!
Когда ты замолкнешь в груди, —
Беды черноглазым не ждаться.
Найдут себе друга опять
И счастье найдут впереди.
Ты бродишь в тоске по ночам,
Стремишься к чёрным очам.
Я крепко сержусь на тебя:
Себя без остатка губя,
От горьких ты высохло дум.
Когда ж ты возьмёшься за ум?
О сердце, само посуди,
Опасный ты выбрало путь.

О сердце, свой жар остуди,
Степенным и сдержанным будь.
Но благоразумный совет
Тебе не пойдёт ли во вред?
Красавица разве поймёт,
Что скрыл обманчивый лёд
Пыланье опущенных глаз,
Невысказанные слова?
Что напоминала не раз
Любовь про свои права?
Что песни твоей ручей
Иссякнет в бесплодном песке?

Что ты увянешь в тоске,
Противясь воле своей?

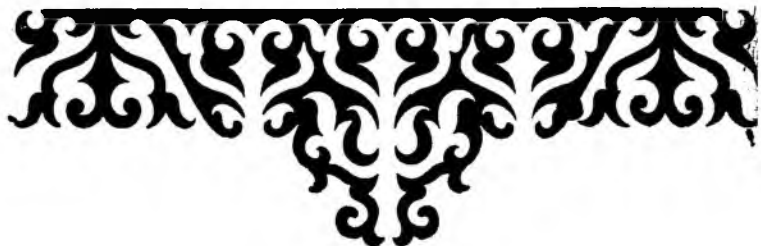
О сердце, свой жар остуди,
С печалью расстанься пустой.
О сердце, само посуди:
Проходит всё под луной,
И время наше прошло.
Я знаю, тебе тяжело,
Пора уже наша не та,
Не те уже наши лета!
Что дальше? Опомнись, дружок!
Куда мы с тобой придём?
Пусть преданностью и трудом
Я милой вниманье привлёк,
Пусть прежняя власть мне дана,
Пусть может, как прежде, она
Склониться к нашей мольбе,
Любовью ответить тебе, —
От этого ждать ли добра?
Не та уже наша пора!
Супруга мы честь запятним,
Пред богом ответим своим...
Пусть пламень твой не погас,
Пусть любят красавицы нас, —
Не лучше ли нам с тобой,
О сердце, уйти на покой?

О сердце, свой жар остуди,
Не надо огонь расточать.
О сердце, само посуди,
Не долго ты будешь стучать...
А годы пройдут чередой,
Не сберегая огня,
Тебе не скажу я: «стой!» —
Само замолчишь у меня.
Не рвись к забаве пустой,
Остынь, не гори, не шуми,
Тебя нехватит, пойми,
Сожжёт тебя эта гроза!
Себя ты не расточай.
Пусть чёрные жалят глаза,
А ты им не отвечай...

Зачем нам скакать с тобой
По кочкам, колючей тропой,
Покоем своим рисковать,
Пред взором своим рисовать
Услады минувших дней?
Мы станем смешного смешней,
Коль глупо себя поведём,
Другим на глаза попадём,
Себя превратим в мишень,
Разденут, побьют подчас,
Убьют насмешкою нас:
К закату склонился наш день...

О сердце, свой жар остуди,
Того, что прошло, не буди.
Свой нрав горячий исправь,
Красавиц в покое оставь,
Одну избери для любви,
Подругой её назови,
Подругой на все года.
Она принесёт с собой
Мне — радость, тебе — покой,
И будет с нами всегда...

***

Вовек моя душа не расцветёт —
Пусть блещет солнце, пусть луна взойдёт!
Тебя одну люблю я в целом свете,
А ты влюблённым потеряла счёт.

Возлюбленной проделки я терплю.
Она изменит — я не разлюблю,
И если надо мной она смеётся,
Молчать я сердцу страстному велю.

Тулпара не обгонит конь простой,
Будь он украшен пёстрой бахромой.
Как бы меня злодеи ни чернили,
Не омрачится дух высокий мой.

Собакам в чаше волка не догнать,
Поможет бог осилить вражью рать,
Хотя не раз мы на цепь их сажали,
Привычно псам бессовестно рычать!

Безумствуют с толпою мудрецы,
Клеветники-чиновники, купцы —
Друзья их. И надёжную опору
Хотят найти в Семее¹ хитрецы.

---

¹ Семей — г. Семипалатинск.

* * *

Беззаботные, с пира на пир торопясь,
Мчались далями ветра вольней;
На сафьяновых сёдлах узорная вязь,
Перья филина в гривах коней.

Горе ждёт? Не дождёт!
Ищет смерть? Не найдёт!
Вперёд!

Есть отец и мулла... Только что их слова?
Не помогут ни слово, ни плеть.
А в гульбе чья же думать могла голова,
Что придётся об этом жалеть?

Не тужа ни о ком,
Пели, пили тайком
С дружкой.

Через силу смогли наизусть задолбить
Пару первых страниц букваря,
И ушли от муллы, чтоб немедля забыть
То, чему и учились-то зря...

Юность — нет ей цены!
Были все влюблены,
Пьяны.

Юность! Модное платье, да конь аргмак,
Да байга, чтоб лететь напоказ,
Как зарница, стрелой золотою сквозь мрак
Тёмнокарих девических глаз.

Где, кого полоним?
Вон — курган, что за ним?
Поглядим!

И — женились. Делили хозяйство с отцом.
Все как будто начало пути.
А посмотришь — оно обернулось концом:
Счастье, молодость — всё позади.

Ходишь, ищешь, зовёшь, —
Может, юность вернёшь?
Ложь!

СОБОЛЕЗНОВАНИЕ СЕБЕ

(По поводу смерти сына)

Не так силён человек.
Нам вечной вольности нет.
И смерть смиряет навек.
Об этом ведает свет.

И вот я и ниш и сир:
Мой сын, мой спутник угас,
Дающий нам светлый мир,
Даёт нам и смертный час.

Ну, что во власти людей?
Творец, охраняет от тьмы
Отраду всех наших дней, —
Так молим смиренно мы.

Нам стойко терпеть велят
Все муки, — как терпит слон,
Как лев или как Сократ
Премудрый, или Платон.

Как Кахарман или Бали,
Непобедим был Оспан,
Но дни его отошли.
Терпите — указ нам дан.

И наш родитель ушёл,
Хоть всем он добра желал,
Хоть праздной жизни не вёл
И козней не расстилал.

С врагом он твёрд был и строг,
Он радостью был друзьям.
Свой хлеб раздавать он мог
Голодным и беднякам.

И весь казахский народ
К нему за советом шёл.
Тобыкты, древний наш род,
Собрал он, в одно он свёл.

И в Мекке выстроил он
Приютный странникам дом, —
И смертью он унесён.
Мы терпим, мы всё снесём.

ОПЛАКИВАНИЕ АБДРАХМАНА
ЕГО ЖЕНОЙ МАГИШ

Создатель! Сколько горьких слёз
Ты захотел мне ниспослать!
В младенчестве мне довелось
Оплакивать родную мать.

Огонь мне душу сжёг дотла,
Мне этой боли не снести,
Я счастья столько лет ждала,
А ты пресек его пути.

Меня терпению ты учил,
А я ещё так молодая
Теперь меня ты разлучил
С моим Абишем навсегда.

Увял красы моей цветок,
Сухой травой стала я.
Печали ты меня обрёл.
Увы... вдовою стала я.

Мне только двадцать две гесны,
А с милым я разлучена.
Нет, не были мне суждены
Безоблачные времена.

Огонь мою сжигает грудь,
Терпеть мучения невмочь,

Дней пролетевших не вернуть,
Печали горькой не помочь.

Души глубокой лишена,
Мечты высокой лишена,
Любви до срока лишена,
Быть одинокой я должна.

Не осушу стныне глаз,
Изранена душа моя:
Был не со мной он в смертный час,
С ним даже не простилась я.

Невысказанные слова
Теснят мне грудь. Я слёзы лью.
Покуда я ещё жива —
В слезах тепло тоску мою.

Творец! За что ты мне послал
Неизлечимую печаль?
Зачем туманом ты застлал
Земных дорог глухую даль?

Под чёрным покрывалом я
Бреду с поникшей головой.
У опустевшего жилья
Супруга след зарос травой.

Не передать мне вещей дум,
Которыми томился он,
Не описать высокий ум
И то, к чему стремился он.

С рожденья скромен, справедлив,
Был многодумен мой супруг.
Со всеми ровен, не кичлив —
Был так разумен верный друг.

Умчалось наше счастье прочь,
Пришёл лихой беды черёд.
На сердце скорбь сошла, как ночь,
А солнце больше не взойдёт.

Всё выплачу, всё расскажу:
Пускай узнает целый свет,
Что я в глубокой тьме брожу,
Что солнца в мире больше нет.

Бежит река горячих слёз.
Как мне её остановить?
Ждала я счастья... Не пришлось
Гнезда в холодном мире свить.

Мы в мире только раз живём.
Зачем же стало так темно?
Жить с горькой долею вдвоём
Мне до могилы суждено.

Увы... я тщетно смерть зову,
Она не слышит, не идёт,
Ужель не знает, что вдову
Отныне только горе ждёт?!

Не вожделием томим,
Мой дух, но нет душевных сил.
Ты дуновением одним
Надежды светоч погасил.

От смерти лишь спасенья жду,
Одна лишь смерть развеет тьму, --
Я исцеленья не найду
Мученью, горю моему.

Лечу с горы быстрее, быстрее,
Опору погоряв, лечу.
Погасло всё в душе моей, —
Нет места светлому лучу.

Под чёрным солнцем я жила —
Так с детских лет мне суждено.
Мне с милым ночь была светла,
А нынче мне и днём темно.

Душой бескрылой не взлетишь,
Не жду я завтрашнего дня.
Как сон явился мне Абиш,
Как сон покинул он меня.

Разлуки час невоготу, —
Как вечную мне пережить?
Чем мне заполнить пустоту?
Чем раны сердца залечить?

И вдалеке от мест родных
Он, словно солнце, грел меня,
С вершины чаяний моих
Упала в бездну я, стена.

Всё, что отрадой было мне,
Земной усладой было мне,
Зелёным садом было мне, —
Ушло... Жизнь адом стала мне.

Два года с ним мы жили врозь,
Два долгих года, полных тьмы!
И свыкнуться нам не пришлось,
И вот уж разлучились мы.

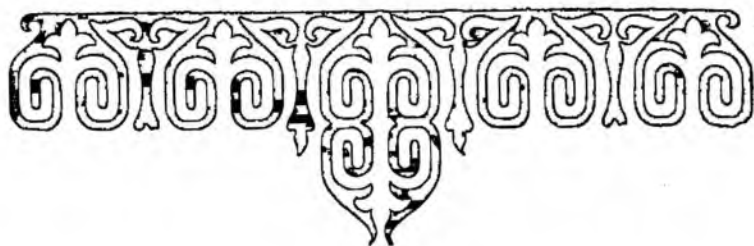
За что, за что, создатель мой,
Ты землю превращаешь в ад?
Не ты ль нас одарил мечтой?
Чем бедный смертный виноват?

Безрадостно на свет гляжу,
Томит меня разлуки грусть,
Листком берёзовым дрожу,
Вот-вот и с веточки сорвусь.

Прощай навеки, радость дня,
Я утешенья не ищу.
Нет больше силы у меня,
Как жаворонок, трепещу.

В огонь метнусь — в огне сгорю,
А в воду — захлестнёт вода,
Ничтожно то, что говорю,
Но велика моя беда.

СОБОЛЕЗНОВАНИЕ НЕВЕСТКЕ
МОЕЙ, ЖЕНЕ АБДРАХМАНА

Магиш, родная, не плачь,
Будь в грозном горе сильна,
Иначе смертная боль
Отравит сердце до дна.
Увял твой алый цветок,
Душа от скорби темна.
Ах, рано ль, поздно ли — всем
Такая мука дана.
В разлуке с другом души
Одна ль ты? Нет, не одна.
Родная, нас пожалей —
И наша доля грустна.
Ты помни общий удел:
Рождённым — смерть суждена.
Велик ли ты, или мал,
Сравниет смерть имена.
Последний час наш пробьёт —
И оглушит тишина.
Кто сможет смерть превозмочь!
Она над нами властна.
В повиновеньи у ней
Весь мир на все времена.
Я знаю, знаю, Магиш,
Он светел был, как весна.
Но тщетьы слёзы твои,
Ты воскресить не вольна.
Час пробил, песнь замерла,
И вновь не дрогнет струна.

Где ж день, что нынче сиял?
И тень его не видна!
Каким на свете цветам
Краса надолго верна!
Изменчив он, этот мир,
Что озаряет луна!
Тоске покорный — погиб,
Темна её глубина.
И ты слезами, Магиш,
Печали не утолишь.
Твой сокол к солнцу взвился,
Ему земля не нужна.
Из всех детей моих, смерть,
Ты лучшего избрала.
О, тяжело мне, тяжело мне
Среди любимых моих!
Не плачь, Магиш, пощади
Отца, и мать, и родных.
Судьбы нам не одолеть.
Будь сильной силой живых.
Душа страданьем пьяна.
Утрата столь велика.
Друг другу надо помочь.
Я стал бедней бедняка,
Меня сгибает тоска,
Опоры ищет рука,
А где она, где она?!
Лишь горечь сердцу близка.
Ему отрады не знать.
Мне наша скорбь тяжела.
Мой сын не встанет от сна.
Мне трудно стало с людьми.
Навеки я одинок.
Магиш, родная, пойми!

А Б Д Р А Х М А Н У

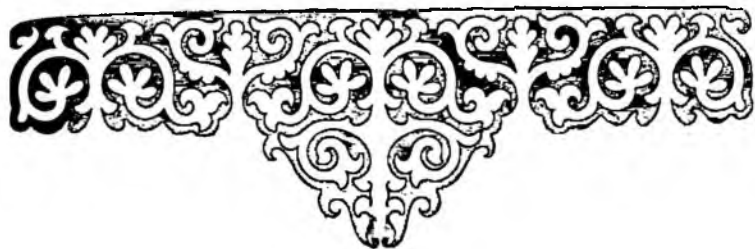
Не болтал он слов некстати,
Не сходил с пути прямого.
На добро всё сердце тратя,
Он ценил и ум, и слово.
В окруженьи нечестивых
В рот не брал нечистой пищи.
Сам учился и ленивых
Жить учил правдивей, чище.
Не стремился, чуждый чванства,
Он к чинам высоким, крупным.
Сердце, зная постоянство,
Было чистым, неподкупным.
Не сдавался он порывам,
Преуспев в искусстве тонком...
Он внимал словам правдивым,
Даже сказанным ребёнком.
Чуждый лжи — душа прямая, —
Остроумен и спокоен,
Жил он, душу отдавая
Тем, кто был того достоин.
Баловал сестёр и братьев
Попеченьем, добротой.
Скуп на брань и на проклятье,
Он боролся с мелкотой
И хвалил по духу близких
И родных ему душою.

П О Э М Ы

МАСГУД

Во имя твоё, друг аллаха Махмут,
Начинаю рассказ, и уста не солгут.
Когда был халифом Гарун-аль-Рашид,
Жил в Багдаде достойный жигит Масгуд.

Случилось, из дальней поездки домой
Возвращался Масгуд дорогой глухой.
Вдруг он слышит, на помощь кто-то зовёт,
Надрывает гортань бессильной мольбой.

Подъехав, видит: грабит вор старика,
Грозя сединам его сталью клинка.
«Кто б ты ни был, тебя я спасу», — сказал
И стиснул ногами коню он бока.

Но проворен был вор, был верен кинжал —
И спаситель едва сам жертвой не стал.
Ранен вором Масгуд, старик невредим,
Злодей, побеждённый Масгудом, бежал.

Посмотрел старик: кровь Масгуда текла
По виску, где большая рана была,
Подумал: «Добром за добро отплачу,
Это — храбрый жигит, ненавистник зла».

«Эй, жигит, я в большом пред тобой долгу!
Но от платы посильной не убегу.
Достоянье моё, мою жизнь ты спас —
Отплачу я тебе, жигит, чем смогу.

Я не важный бай, не вельможа большой,
Не хан, не батыр, человек я простой;
Ты горькую смерть от меня отвратил —
Благодарность моя не уйдёт со мной.

Я странник по свету и завтра уйду
Из печальных мест, где попал я в беду.
Но в таком-то месте чуть свет жди меня,
На рассвете тебя я там-то найду.

Иди и наказ мой, о друг, соблюдай,
Во имя творца день грядущий встречай.
Всемогущий аллах да будет с тобой!
Дай обнять тебя, мой спаситель, прощай!»

«Но заслуга моя не столь велика.
Делу чести служила моя рука.
Тебе помощь нужна была — я помог.
Приду!» — И покинул Масгуд старика.

В своё время пришёл, куда надо, жигит.
Уже старец навстречу ему спешит.
Масгуда к гробнице он древней привёл,
Деревцо над гробницей листвою шумит.

Растёт деревцо, а пустыня кругом.
Три плода уже зрелых висят на нём:
Белый, красный и жёлтый — снег, кровь, мёд.
«Выбирай, как рассудишь в сердце своём.

Если белый съешь плод, будешь всех умней,
Жёлтый съешь — будешь первым из богачей,
Красный съешь — станешь всем ты женщинам мил,
Все они искать будут любви твоей».

Над словами старца подумал жигит,
Подумав немного, он так говорит:
«Ни того, что бел, ни другого, что жёлт,
Дай мне красный съесть, что, как яхонт, горит».

«Тог иль этот — ты волен сорвать любой,
Не жалел бы потом, что взял не другой.
Однако скажи мне, достойный жигит:
Почему красный плод предпочтён тобой?»

«Плод белый сперва я подумал сорвать,
Чтоб умнее умных, мудрей мудрых стать;
Но буду ль тогда властелином ума?
Нет, ум станет мною тогда помыкать.

Не найду себе равных я по уму,
А глупцы и невежды мне ни к чему.
И теперь немало их вижу вокруг, —
Тогда же я другом кого назову?

Не сделаешь умным глупца никогда.
Исправлять дураков? Не стоит труда, —
Лишь сон потеряешь, тоску наживёшь,
Не пойдёт никакая в глотку еда.

Плод жёлтый потом захотелось мне съесть,
Чтоб богатства вселенной всей приобрести.
Но подумал: богаче всех прослыву,
А действительно ль это большая честь?

Богатство поставит меня на виду:
Продают люди силу и красоту,
Лишь только б чужого богатства урвать, —
На их зависть нельзя наложить узду.

Зависть учит, как нищим стать, — это стыд.
Без труда богатства искать — это стыд.
Бескорыстную дружбу забудь, богач, —
На богатство друзей сменять — это стыд.

Куплю совесть у многих, лишь плату дам,
С охотой они уподобятся псам;
А не дам ничего, стану сам я псом:
Либо люди все псы, либо пёс ты сам.

Так не лучше ли выбрать тот из плодов,
Тот из трёх, что женскую даст мне любовь?
Ведь женщин — полмира, их власть велика,
Их любовь драгоценней любых даров.

Будет враг у меня, не лишусь я сна:
У врага есть мать, дочь, сестра, жена,
У жены его также найдётся мать —
Окажет заступничество хоть одна.

Ни один человек без ссор не живёт.
О ссоре толкуешь с женой наперёд.
Если гневен муж, на жену положишься:
Для гнева и злобы лекарство найдёт..

Для того на плечах сидит голова,
Чтоб в делах человек мог размыслить сперва.
Так и я: рассудил, а потом решил,
Взвесил мысли свои и взвесил слова».

Мудрой речи Масгуда старик внимал.
«Хорошо ты решил, хорошо сказал!
Ум есть у тебя, а богатство придёт.
Будь счастлив, ты сам своё счастье сорвал!»

Тот чудесный старик был не кто иной,
Как владеющий счастьем кадыр — святой.
Жигита, прощаясь, он благословил,
И Масгуд возвратился к себе домой.

Прозванье «Шамши-жиган» ему дано,
Означает же «Светоч мира» оно.
А рассказу о нём в назиданье нам
До потомства дойти было суждено!

*

Но земля и в то время была полна
Глупцов и невежд, как во все времена.
Они губят разум, добро, красоту,
Прекрасная жизнь ими осквернена.

От таких людей чего доброго ждать?
Честь, и совесть, и ум — тщетно к ним взывать.
Тени славных могил, родная земля!
Не будь их, захочешь в земле сам лежать.

Тот Масгуд в своё время везирем стал.
Масгуда за мудрость народ почитал.
Вот однажды знакомый старец-кадыр
Явился везирию во сне и сказал:

«В день такой-то прольётся дождь, ожидай,
Вредоносная хлынет из туч вода;
Безумным вдруг станет испивший её,
Но спустя семь дней будет здрав, как всегда.»

Осквернятся колодцы, реки, ручьи,
Отравятся горных потоков струи.
Но ты сделай запас здоровой воды —
И безумие пощадит дни твои».

Пробудившись, Масгуд встал вместе с зарёй,
Чтоб халифа смутить грядущей бедой.
Совместно они обсудили тот сон
И к такому-то дню запаслись водой.

Наступил тот день, и дождь с неба полил.
Лишился ума, кто в неведении был.
День и ночь на улицах толпы людей —
В спорах, в драках шумят, кричат, что есть сил.

Словно пьяными все базары полны,
В безумцев умнейшие превращены.
Везирь и халиф с удивленьем глядят,
За несчастных не в шутку огорчены.

Уговаривать стали они народ
Разсытись по домам, пока срок пройдёт.
«Переспите безумия страшный час,
Во сне бедный ваш разум лекарство найдёт».

Но люди, чей разум утратил узду,
Бесновались, вопя в свчрепом бреду:
«И везирь и халиф наш сошли с ума,
Убьём их, не то заведут нас в беду!»

Их неистовый вопль дворец потрясал
И сердце халифа тревогой сжимал.
Чем ярость безумных убийц удержать?
«Найди выход, везирь! — халиф приказал.

«За разумность хотят нас глупцы убить,
Так не лучше ль ума лишиться, чтоб жить?
Омрачился их ум с волшебной воды, —
Придётся и нам её, видно, испить».

И налили кружки водой дождевой
И безумие разделили с толпой.
Теперь, когда стали глупцами они,
Каждый слазил их мудрость под крик и вой.

К пощаде зывал, кто им смертью грозил, —
И халиф их простил, и везирь простил.
Так случилось, что сброд лишённых ума
И умных двоих их рассудка лишил.

Вот пример, как всеильна глупость порой.
Не пускай свой ум по дороге чужой.
Не много хорошего приобретёшь,
Слепо следуя за безумной толпой.

1887

СКАЗАНИЕ ОБ АЗИМЕ

Есть у Шехерезады рассказ такой,
Изложу его полнозвучной строфой.
Жили братья в Багдаде и звали их
Одного — Мустафой, другого — Сафой.

Рано умер отец их. Тяжкий удел
Им достался, но каждый из них овладел
Мастерством. Мустафа художником стал.
Вить цветные узоры Сафа умел.

Всех юнцов родные места тяготят,
Захотелось братьям покинуть Багдад.
«Первый, ставший богатым, другого найдёт», —
На прощанье условились с братом брат.

Разбросала их жизнь по разным краям,
Но разлука ль страшна молодым сердцам?
В Шинмашин проводил Сафу Мустафа,
И в Бальсуре обосновался он сам.

Беден был он вначале и одипок,
Но усердно трудился — и вскорости бог
Дал достаток ему, и жену, и дом,
И заказчиков много к нему привлёк.

Так в труде и довольстве жизнь потекла,
Благосклонна судьба к Мустафе была;
Вскоре сына ему родила жена,
И Азимом нарёк младенца мулла.

Время шло. Постепенно мужал Азим.
Отворилась дверь медресе пред ним.
Он премудрость школьную быстро постиг,
Мустафа мог гордиться сыном своим.

Постоянно вникал он в дела отца
И преемником стал ремесла отца.
Не остался нищим Азим, когда
Неожиданно смерть унесла отца.

Рьяно взялся он за работу, и вот
Стал дивиться искусству его народ,
И не стало соперников для него,
Что ни год, то богатство Азима растёт.

Как-то в лавку Азима вошёл старик
В драгоценном наряде. Солнечный блик
На парче и камнях играл. Азим
Перед гостем почтенным в поклоне поник.

И поклоном ответил старик на поклон,
И, приблизясь к Азиму, так начал он:
«Расскажи чужестранцу, мой сын, в каком
Ремесле или искусстве ты изошрён?»

И Азим, перед старцем склонив главу,
Отвечал: «Рисовальщиком я слыву,
От отца унаследовав этот дар,
Всем обязан я своему мастерству».

«Ты не глуп, по ответу судя, но тут
Ни богатство, ни слава тебя не ждут,
Чересчур кропотлива работа твоя,
И не стоит затраты времени труд».

Рассердила Азима речь старика:
«Не позволю посмеиваться свысока
Над моим ремеслом, хоть мой кошетёк
Легче, видимо, твоего кошелька».

Друг, жалея тебя, я сказал это, ведь
Со смекалкой можно быстрее преуспеть.
Я знаком с таинственнейшей из наук,
В слитки золота я превращаю медь.

Чтоб ты делал, когда бы её изучил?
Я б не всякому эту науку открыл;
Высока и заманчива сущность её —
Много денег при малой затрате сил.

Я желаю, как сыну, тебе помочь,
Да и сам я богатство добыть непрочь;
Убедясь в справедливости слов моих,
Сможешь ты сомненья свои превозмочь.

Я держать своё слово всегда привык,
Медь достань — и богатыми станем вмиг...»
Завтра снова в лавке сойтись чуть свет
Сговорились они, и ушёл старик.

Удивлённым вернулся Азим домой,
Стал расспрашивать магь о науке такой.
«Об алхимии слышать и мне довелось,
Но смотри... — покачала она головой.

Положи перед странником медный лом;
Если прав он — войдёт богатство в наш дом,
Только будь осторожен, мой сын, а вдруг
Чужестранец окажется злым колдуном?»

«Если бог за меня, то не страшен и вор.
Но попомнит меня старик, если вздор
Обещанье его. Но если он прав,
Глупо будет нарушить наш уговор».

Ночью был беспокоен Азима сон,
Ум его был случаем странным смущён.
Всё же, из дому медь с собой прихватив,
До рассвета отправился в лавку он.

Тут как тут уже был этот старый пёс,
Он мехи и уголь с собою принёс.
Даже рта открыть он Азиму не дал.
«Где же медь?» — старика был первый вопрос.

Жадно в руки схватил он меди кусок,
Положил в казанок и огонь разжёл.
И когда закипела, расплавясь, медь,
С чёрной жидкостью он достал пузырьёк.

Влил он снадобье это в кипящую медь —
И пошло в казанке бурлить и кипеть;
Он взболтнул казанок, и вскоре металл
Стал, остынув, золотом чёрным блестять.

Протянул он Азиму слиток: «Юнец,
Убедись в моей правоте наконец,
Если кто-нибудь скажет, что это медь,
А не золото, значит, я подлый лжец.

Проверяй! Чтоб тебя не смущать, я уйду.
Если же слово моё будет с правдой в ладу
И захочешь снова увидеть меня,
То отыщешь неподалёку в саду».

Побежал к торговцам Азим тотчас,
Жгли они кислотой слиток не раз.
«Это чистое золото», — все они
Говорили, выслушав странный рассказ.

За три тысячи триста дильде продать
Удалось этот слиток. Увидела мать
Кучу денег и молвила: «Где же старик?
Надо с честью гостя такого принять».

Быстро к саду Азим направил свой путь,
Не успел он с первой дорожки свернуть,
Как навстречу старик. «Ты был прав, отец,
Гостем нашего дома отныне будь!»

Вынул снова золото странник: «Азим,
Всё моё я отныне считаю твоим,
Вот, возьми, накупи на базаре вин,
За вином мы вечером поговорим.

Но беседовать лучше наедине,
Чтобы мог я быть откровенным вполне.
Пусть отправится в гости мать, а не то
Трудно с тайною будет расстаться мне.

Я приду с наступлением темноты,
До заката со мною расстанешься ты,
Но смотри, чтобы в доме мы были одни,
Иль в надеждах своих обманешься ты».

По базару гулял Азим дотемна,
Накупил там различных яств и вина,
Дома матери всё рассказал, и ушла
Со спокойной душою к соседям она.

Стол уставлен яствами и вином,
Драгоценными блюдами, серебром.
Никого нет. Лёгких шагов старика
Ожидает празднично убранный дом.

Вдруг как будто из сумерек он возник,
Неожиданно дверь распахнул старик.
Как родные, они повстречались. Азим
С умилением к груди старика приник.

А старик не сразу уселся за стол,
Со вниманьем он весь дом обошёл.
Уважая его осторожность, Азим
Не почувствовал тут обиды укол

А старик между тем давай болтать.
Он был мастер хитро беседой вращать.
Закусили, и, руки омыв, старик
Предложил за вино приняться опять.

«К отдалённым векам восходят следы
Того, что всегда после сытной еды
Люди пили вино. В привычке такой
Я не вижу, Азим, никакой беды...»

Так всё время старик болтал и болтал,
И за кубком кубок он поднимал,
Он разматывал ловко беседы клубок...
Третий кубок уже Азим осушал.

Был привычен весёлый старик к вину,
Но Азима клонило уже ко сну.
Тут старик незаметно ему в вино
Влил какой-то жидкости каплю одну.

Час полночный меж тем уже наступил,
А старик, развлекая Азима, шутил.
Чуть снотворного зелья юнец хлебнул,
Как тотчас же на пол свалился без сил.

А старик только этого ждал давно.
Свистнул громко. И с гробом влезли в окно
Пять жигитов. Азима впихнули в гроб,
Торопясь исчезнуть, куда темно.

Злодеянием не был смущён ничуть
Злой старик. Поспешив все двери замкнуть,
Он оставил пустой и безмолвный дом,
За жигитами вслед направив свой путь.

В камышах прибрежных, колышим слегка
Волною, корабль ожидал старика.
Был на палубу брошен Азим, и уже
Берег еле стал виден издалика.

Тридцать храбрых жигитов корабль вели,
Поутру он далёко был от земли...
Долго дома искала Азима мать,
По щекам её долго слёзы текли.

Только к полудню очнулся Азим. Взамен
Кровли дома, перед ним из бревенчатых стен
Тюрьма. Скван он по рукам и ногам.
Стало ясно: попал он к разбойникам в плеч.

Приподнялся Азим, цепями звеня,
Увидал старика и, его кланя,
Закричал: «Как смел ты так поступить?
По какому праву похитил меня?»

«Положи разговорам пустым конец,
Не одной мы с тобою веры, юнец,
Я огню поклоняюсь; коль примешь и ты
Эту веру — невзгодам твоим конец.

Если ж нет — мольбою меня не томи,
По сто раз будешь в день наказан плетью.
Не отступишься ты от веры своей —
Кандалами, злосчастный, всю жизнь греми».

И Азим отвечал: «Как же я изменю
Вере отчей? Мне ль поклоняться огню?
Я за правое дело готов страдать,
Твёрд душою буду, подобно кремню!»

Подбежали внезапно несколько слуг
И Азима избили. Жалобный звук
С губ его не сорвался ни разу, хотя
Потерял страдалец сознание от мук.

Был прогневан делами злыми аллах.
Грянул гром. Закачало корабль на волнах,
И закованный юноша был забыт,
Обуял нечестивцев ужас и страх.

И в тревоге всю ночь не смыкали глаз
Тридцать бодрых рабов. Но что ни час
Свирепел ураган, и к утру уже
Дух надежды в бесстрашных сердцах угас.

И собрали жигиты тогда совет:
«Неужели от смерти спасенья нет?»
К старику подступили: «Эй, старый пёс,
Ты за это нам должен дать ответ!

Вот, старик, твоих злодеяний плоды!
Как бы ни были наши сердца тверды,
Даже их устрашает аллаха гнев;
Как избавиться нам от страшной беды?

Есть один только выход, старый злодей:
Ты Азима тотчас избавь от цепей
И пощады проси у него. Не то
Станешь жертвой акул в глубинах морей!»

Был запуган словами этими плут,
Растерялся, не зная, как быть ему тут,
Но, увидев хмурые лица вокруг,
Он тотчас же избавил Азима от пут.

«Я тебя оскорбил, потому что был пьян,
Ты, Азим, в сыновья мне аллахом дан», —
Так сквозь слёзы твердил Азиму старик,
В хитром сердце лелея новый обман.

С детства людям привык Азим доверять.
«Для чего старику лукавить и лгать?
Стало быть, он меня обидел спяна...»
И поверил Азим старику опять.

«Я прощаю тебя, если так», — он сказал
Хитрецу. Тог к груди Азима прижал...
Ветер вскоре затих. Прояснился день,
Точно чудом, аллах успокоил шквал.

Стол отныне всегда для Азима накрыт,
Все желанья Азима старик спешит
Исполнять. «Не простой человек Азим», —
Видя это, подумал каждый жигит.

Плыл корабль... И однажды, чуть шевеля
Губами, старик прошептал: «Вот земля,
Помоги мне. И, снадобье там набрав,
Мы обратно направим путь корабля».

«Это дело твоё», — отвечал Азим.
Рад был старый пройдоха словам таким:
«Если снадобье мне поможешь достать,
Сам я стану покорным слугой твоим».

Вскоре на берег он и Азим сошли,
Барабан в пещере глубокой нашли.
Трижды палкой ударил старик, и вот
Три верблюда выросли из-под земли.

Нагружён был поклажей один из них,
Быстро были осёдланы два других..
Поскакали Азим и старик. Барабан
Был оставлен в прибрежных песках золотых.

По пескам уже долго верблюды неслись,
Вдруг старик, устремив свои взоры ввысь,
Вскрикнул: «Сын мой, ты видишь странный
Туман —
Там, где тучи с землёй вдалеке сошлись?»

То не тучи, вершина Кап-Тау там,
Вскоре ты эту гору увидишь сам,
Чтобы снадобье снять с вершины её,
Мы должны уподобиться горным орлам».

Проскакали всю ночь, и когда рассвет
Наступил, какой-то странный предмет
Разглядел Азим; захотел расспросить
Старика, но того уже рядом нет.

Он умчался, юношу опередив,
Но, услышав Азима громкий призыв,
Крикнул: «Только быстрее, мой светоч! Здесь
Обитает могучий и грозный див».

Тут Азим поспешил догнать старика,
Вскоре видят — пред ними вьётся река.
И, держась берегов её, у горы,
В час полдневный спешились два седока.

Двух верблюдов взнуздали они, потом
Распоролι третьему брюхо ножом
И очистили от потрохов нутро,
Чтобы было просторно в брюхе пустом.

А затем Азиму старик приказал:
«Вот верёвка тебе, мой сын, и кинжал,
Спрячься в брюхе верблюжьем и смирно жди,
Чтоб с Кап-Тау двухглавый орёл упал.

Он когтями вонзится в падаль, и с ней
Он взлетит на вершину ветра быстрее;
Смело шкуру кинжалом тогда распори,
И орёл улетит, он страшится людей.

А вершина горы усеяна сплошь
Вязкой мелкой землёй. Ты ею набьёшь
Поплотнее мешок и опустишь вниз
На верёвке этой; потом подождёшь,

Пока нагрузу я поклажу, ты сам
Привяжешь покрепче верёвку к камням
И с вершины сползёшь, за неё держась.
Только так достанется снадобье нам».

Заучив слова старика на зубок,
Взял Азим верёвку, кинжал и мешок.
На прощанье хитрец ещё говорит:
«Ты исполни всё, как сказал я, сынок».

«На земле каких не бывает чудес;
Всё, что с нами вершится, — воля небес;
Отступить уже поздно, — решил Азим, —
Будь что будет», — и в брюхо верблюжье полез.

Шкуру толстую хитрый старик зашил
И в пещере укрылся. Орлиных крыл
Тут слышались взмахи. Пададь схватив,
В поднебесье с добычею хищник взмыл.

Чуть Азим под ногами почву обрёл,
Он верблюжье брюхо тотчас распорол;
Отлетев от добычи, сел в стороне,
Испугавшись Азима, хищный орёл.

И достигнув легко вершины горы
И наполнив мешок свой глиной с горы,
Обвязал его крепко Азим и стал
Опускать на верёвке длинной с горы.

Но едва земли коснулся мешок,
Как, схватив его жадно, бежать со всех ног
Пустился проклятый старик; заодно
И верёвку с собою он уволок.

Но не понял юноша замыслов злых,
Крикнул: «Как же я слезу со скал крутых?» —
«Много жертв безрассудства на этой горе
Я оставил: ты же — одна из них», —

Убегая, крикнул предатель в ответ.
«На его возвращенье надежды нет», —
Подумал Азим. По скалам бродя,
Он искал хоть какой-нибудь тропки след.

Но, увы, был с горы заповедан путь.
Всё же страх не терзал Азима ничуть.
Он какие-то фрукты нашёл, поел,
«Будь что будет», — решил и прилёг отдохнуть.

Солнце село. Азим проспал дотемна.
Вдруг, очнувшись, он видит — вершина полна
Сонмом страшных чудовищ. Надо бежать,
Но не в силах Азим очнуться от сна.

И внезапно, стряхнув сновиденья власть,
Над собою он видит драконью пасть,
Чтоб не быть проглоченным чудищем злым,
Поспешил Азим на дракона напасть.

Оросив драконовой кровью кинжал,
Быстро в сторону юноша отбежал,
И, взобравшись на дерево, росшее тут,
Он в зелёной листве эту ночь проспал.

На рассвете проснувшись, увидел он,
Что покинули чудища горный склон
И только один неподвижно лежит.
Сражённый кинжалом Азима, дракон.

«Наверно, и этот почуял бы страх
Пред солнечным светом и скрылся в горах,
Когда б не подох», — так подумал Азим
И к дракону подполз с кинжалом в руках.

Велико было юноши торжество,
Когда он убедился в том, что мертво
Поганое тело. Кинжалом своим
На ремни он разрезал кожу его.

Не ленился Азим не лежал в тени,
Целый день он вязал и сплетал ремни;
И когда он к вершине их привязал,
До подошвы горы протянулись они.

Высока и скалиста была гора,
Но Азим не раздумывал: «Что же, пора...»
Слез с горы, вышел к речке он и пошёл
Той дорогой, которою ехал вчера.

Утоляя голод и жажду водой,
Долго шёл он, вдруг перед ним золотой
Замок вырос. Такому чуду дивясь,
Он направился к замку с отважной душой.

Распахнул ворота дворца молодец,
Обошёл все покои. Огромный дворец
Был безлюден и пуст. Удивлённый Азим
В зал последний вошёл, и там, наконец,

Двух красавиц узрел он. Красавиц таких
Никогда не встречал он в краях родных.
В шашки обе играли, и долго Азим,
Стоя сбоку, следил за игрою их.

Но когда, наконец, он замечен был,
Он вопросом таким привечен был:
«Отчего ты с пройдохой связался, жигит,
И, рассудок утратив, беспечен был?»

Без утайки всё рассказал им Азим,
Все скитанья свои он поведал им,
И прекрасных слушательниц сердца
Он растрогал правдивым рассказом своим.

И когда был окончен печальный рассказ,
Струи слёз текли у красавиц из глаз.
И сказали они: «Точно брата, тебя
Полюбить мы успели. Остайся у нас».

«Будь по-вашему, сёстры мои, вдвойне
Быть вам другом и братом приятно мне,
Но должны вы меня отпустить, когда
По родимой соскучусь я стороне».

«Знай, Азим, что обетом связал нас бог.
От каких бы страданий ни изнемог,
Оставаясь с нами, терпи — и тогда
Ты вернёшься домой в назначенный срок.

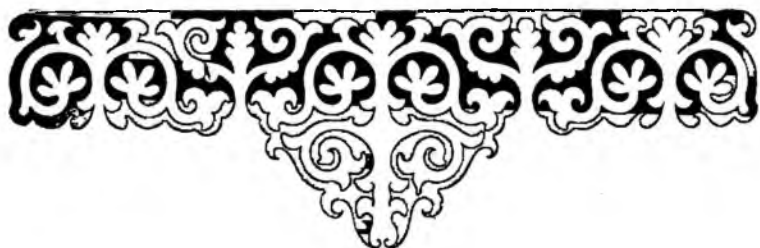
Не возлюбленным нашим, а братом будь,
Дружбу в сердце твоё мы хотим вдохнуть,
А когда наступит разлуки пора,
Снарядим тебя обе в обратный путь».

В дружбе вечной быть порешили они,
Клятву дали в том без усилий они,
Затаённые мысли и чувства свои
Друг от друга тогда не скрыли они.

Дни идут. Посвежел и окреп Азим,
Всё, что видел он в замке, считал своим.
И куда бы ни захотел он пойти,
Двери замка распахнуты перед ним...¹

---

¹ На этом поэма обрывается.

И С К А Н Д Е Р

Помнит мир Искандера, его дела.
Македония скилетр ему дала.
Был сыном Филиппа-царя Искандер.
Всю вселенную слава его прошла.

Когда умер Филипп, Искандер¹ вступил
В двадцать первый свой год, был в расцвете сил.
Малолюдный, бедный наследуя край,
Он к соседям недобрый взор обратил.

Увидел богатства, плоды их трудя,
Собрал войско, повёл на их города,
Покорил много стран, царей низложил,
Истребил народы, посевы, стада.

Много крови людской пролил человек,
Полноводны моря от кровавых рек.
Искандера мир помнить будет всегда,
Не забудет деяний его вовек.

Непокорных покорными сделал он,
Свои земли просторными сделал он,
Дни светлые ханов, султанов, царей
Омрачёнными, чёрными сделал он.

Но алчность его становилась сильнее.
Целый мир вскоре стал мал и тесен ей.
Говорили тогда про него льстецы:
«Искандер — владыка владык, царь царей».

¹ Александр Македонский.

Победы его разглашали гонцы,
Его слава летала во все концы,
Он в далёкие страны грозой пошёл —
Соберут кровавые жатвы жнецы.

Беспощаден, смел, кровожаден и зол,
Выше туч воспарил Искандер-орёл.
Цветущие земли, пространства пустынь —
Нигде он предела себе не нашёл.

Случилось, в одной из бесплодных пустынь
Блуждал он, в одной из голодных пустынь.
Обессиленный, жаркой жаждой томясь,
Страдал он в одной из безводных пустынь.

Безумели люди, судьбы устрашась,
Умирали, с отчизной в мыслях простясь,
Молили аллаха о капле воды, —
Кто роптал, кто молчал, нужде покорясь.

Под Искандером пал конь, не съёл беды.
Рука опустила поводья узды.
Обнял Искандер шею друга-коня,
Поднялся, вдруг видит: словно луч звезды.

Он идёт на луч, но, взамену огня,
Там струится ручей, прохладой маня.
Губами припал Искандер к роднику —
Освежала уста и душу струя.

Поварам он велел в ручей положить
Копчёную рыбу — от пыли отмыть, —
Иной стала рыба, прекрасной на вкус,
Лишь успела вода её освежить.

Искандер сказал: «Не встречалось такой
Мне воды, чтоб сравнить мог с этой водой.
Подойдите, и жажды огонь зальём,
И пойдём к истокам воды ключевой.

Несомненно там край богатый найдём, —
Народ покорим, непокорных убьём,
Богатства возьмём и вернёмся домой,
Безмерную славу добудем мечом».

И, напившись в ручье, напоив коней,
Продолжали путь. И прошло много дней.
Шли под звон литавр, в блеске лат и кольчуг,
И к небу неслись песни трубачей.

Вот достигли горы — грозна, высока.
В ущелье уходит струя родника.
Золотые ворота сверкнули вдруг —
Встают пред ущельем под облака.

Искандер в ворота ударил рукой —
Далеко прокатился звон золотой.
Железная странно немеет рука —
Ворота стоят нерушимой стеной.

Искандер, не знавший преград никогда,
Искандер, в боях побеждавший всегда,
Всё сокрушавший, ставший слабей травы,
В бессилие впавший, впал в гнев от стыда.

Часто видишь гнев, где уместней мольбы.
Искандер стал стучать, стал шатать столбы,
Стал ломиться в ворота, грозно крича:
«Откройте ворота во имя судьбы!»

За воротами гул шагов прозвучал,
Голос сторожа Искандер услышал.
«Не пытайся открыть ворота, стуча,
К аллаху ведут они», — сторож сказал.

«Я зовусь Искандером — царём царей,
Вся земля покорилась воле моей.
Непристойно владыке владык стоять,
Как просителю, у закрытых дверей!»

«Хвастовство, о царь, не пристало уму.
В этом месте, поверь, не место ему.
Ты заистлив и алчен, мир тебе мал,
Не пытайся расширить его — к чему?»

«Шёл сюда я не день, не месяц, не год, —
Здесь предел, нет отсюда пути вперёд.
Если путь мой к исходу вёл моему,
Дай мне дар, чтоб видел его мой народ».

«Многих ты покорил, но не взял всего, —
Вот дар, что ты просишь, прими же его».
И падает свёрток сквозь щелку ворог,
Размерами в смокву, не больше того.

Искандер удивился и дар сткрыл, —
Сильней прежнего гнев чело омрачил.
В развёрнутом свёртке увидел он кость —
Сколько хочешь лежит их на дне могил!

Не постиг он урока своим умом,
Лишь увидел насмешку в даре таком.
Далеко от себя он кость отшвырнул.
«Не шути так глупо, привратник, с царём!»

При царе был мудрейший из мудрецов —
Аристотель, древнейший из мудрецов.
«Эта кость не проста, она — царь костей!» —
Так сказал он, хитрейший из мудрецов.

Он как в книге читал мысли всех людей,
И советам его внимал царь царей.
«Пусть дадут весы — на одну чашку кость,
На другую — металл, и что тяжелей?»

Царь желанье его оглашает вслух.
Обе чашки равны, на одну из двух
Положили всё золото, что нашлось,
Но в сравнении с костью оно — как пух.

Искандер видит это, он изумлён,
Бросает доспехи на золото он —
Опускается ниже мёртвая кость:
Железом был золота груз облегчён.

К мудрецу Искандер вопрос обратил:
«Слишком мало сокровищ я накопил —
Перевесила вес их лёгкая кость.
Чем перетянуть её? Кто б рассудил?»

Аристотель нагнулся, земли взял горсть
И посыпал землёю мёртвую кость, —

Чашка с ней поднялась выше той, другой.
Легче стала, чем камышёвая трость.

Продолжая о виденном размышлять,
Обратился к мудрейшему царь опять:
«В этом чуде урок, не понятный мне,
Объясни, как я должен его понять?»

«Кость — глазничная кость, — таков был ответ. —
В этом мире сокровищ столь ценных нет,
Чтоб насытиться ими мог алчный взор,
Лишь земля насыщает глаза вполне.

Негасытность глаз у иных велика,
Всё им мало, хоть мир весь держит рука,
Но умрут они — и для мёртвых их глаз
Алмаз и сапфир не ценнее песка.

О владыка, не гневайся, дай сказать!
Золотые ворота нам не сломать.
Хоть, знаю, досада твоя глубока,
Здесь предел твоей славы — славней не стать»

Замолчал мудрец, и сказал царь тогда:
«Все дела мои — прах, не стоят труда!
Да судит аллах!» — и пошёл на закат,
И войско за ним повернуло туда.

Закончена повесть — недлинный рассказ, —
Поучение в нём найдёшь в добрый час.
О влекущийся к славе, не хлопочи:
Ничем не насытит, кто алчен, свой глаз.

Жизнь кратка, поманит — и уже ушла.
Говори, встретив радость, не «есть» — «была».
Если совесть и честь, как товар, продал,
Презренны и слава твоя, и дела.

Ты стяжаешь себе похвалы глупцов,
Окружаешь себя толпою льстецов.
Но на шаг отошёл — и осмеян ты,
«Вот, скажут, бесчестный, и сроду таков!»

Ничтожные любят себя похвалить, —
Где достоинства нет, нельзя прикупить!
Говорить о цене своей надо ль тебе?
Если есть в тебе свет, он будет светить.

1901

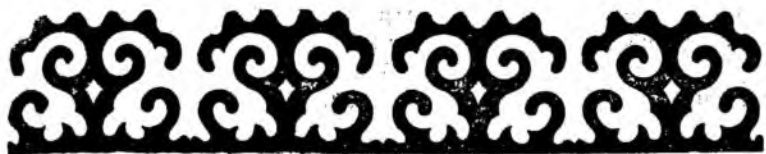

П Р О З А

Г А К Л И Я

(Назидании)

ПЕРВОЕ СЛОВО

Хорошо ли, плохо ли я жил, но вот состарился.

Прожита жизнь — спорил, боролся, судился, имея одни хлопоты, и в них обессилел, устал и убедился в бесцельности всего сделанного.

И вот оказалось, что всё, что было, — было только унижением человека.

Как же прожить мне остаток своей жизни?

Не найду ответа.

Править ли мне народом? Нет, я не знаю, как им править.

Боятся защищать народ люди, полные силы. Они не хотят нажить для себя лишние хлопоты. Боятся защищать народ молодёжь с ещё не остывшим сердцем.

Так упаси меня бог от дела, которое мне не по силам.

Умножать ли мне стада? Нет, я не хочу заниматься этим.

Пусть дети разводят скот, сколько им потребуется.

На старости лет я убедился, что не стоит тратить остаток дней на умножение скота для добычи воров и попрошайек.

Умножать ли мне знания? У кого учиться, и кому передать свои знания, и для кого их пополнять?

Без народа нет и жизни.

Какая польза в том, коли разложить в пустыне ситец и сидеть рядом с ним, взяв аршин в руки?

Раз нет человека, с которым можно было бы поде-

литься своим горем и радостями, то сама наука — горе, и она только ускоряет старость.

Может быть, мне стать благочестивым и заняться исполнением всех обрядов религии?

Нет, и этого не стоит делать, потому что и для этого нужен покой.

Какое может быть благочестие, когда ни в чувствах, ни в жизни нет покоя?

Может быть, мне хорошо заняться воспитанием детей?

Нет, я не хочу воспитывать детей.

Может быть, я воспитал бы их, только вот не знаю — как.

Я не знаю, для чего их воспитывать, к какой цели их вести, для какого народа их готовить.

Я не вижу для своих детей места, в котором они могли бы радоваться жизни.

Я не знаю, по какому пути направить их.

Для чего же я буду снаряжать караван, если я не знаю, куда мне его послать?

Так сидел я, не зная, что делать.

Наконец решил: буду развлекаться бумагой и чернилами, буду писать подряд всё, что вздумается. Если найдётся человек, который увидит здесь нужное для него слово, то пусть выпишет слово и сделает его делом; если же никому не нужны мои слова, то пусть они останутся словами.

Так я решил, на этом я остановился, и теперь нет у меня иного занятия, кроме этого писания.

1890

ВТОРОЕ СЛОВО

Не любят народы друг друга. В детстве мне часто приходилось слышать, как наши казахи, встречаясь с узбеками, называли их «сартами», подсмеивались над ними: «Ах, вы, такие-сякие, широкополые, тарабаристые. На глазах сладкие, за глазами ругательные. Ах, вы, сарты; по-нашему ведь сарт — сурт, — значит грохот, и сарт значит — грохотало».

Так мы смеялись над соседями.

Встречаясь с нагайцами — татарами, тоже ругали их и над ними смеялись: «Нагаец верблюда боится, верхом на лошади устаёт, а лешком отдыхает. Не нагайцы они, а накайцы, что значит неуклюжие. Ни в чём у них нет ловкости, и трусы-то они и крохоборы».

Если встречались с русским, то смеялись над ним за спиной. Их мы считали людьми необузданными, людьми доверчивыми.

Я тогда думал, что, кроме нас, нет хорошего народа и что самый лучший в мире народ — мы, казахи.

Так радовался я, ругая соседей, забавлялся руганью и смехом.

Теперь я вижу — нет такого растения, которого сарт не сумел бы вырастить. Нет такой вещи, которую он не сумел бы смастерить. Нет такой страны, куда бы ни проник купец-сарт.

Живут они друг с другом дружно.

Прежде только от них и приходила к нам живым одежда, а мёртвым саван.

Голыми мы остались бы без сартов.

И теперь, при русских, быстрее переняли сарты русские знания и русское мастерство.

Обходительность, чистота, вежливость — всё у сартов.

Вот смотрю на татар — они хорошие солдаты, они хорошие ученики, умеют трудиться, и к ним из-за еды одни из наших идут в слуги, другие — в батраки.

Даже нашего бая они выгоняют из своего дома и говорят ему: «Этот пол не для того сделан, чтобы ты топтал его своими грязными ногами».

На чём же основана наша хвастливость и те пренебрежительные слова, которые мы говорим о своих соседях?

1890

ТРЕТЬЕ СЛОВО

Почему же казахи не любят друг друга? Почему они не правдивы, почему они добиваются чинов?

Великие мудрецы давно сказали: каждый лентяй — трус. Бессильные не бывают храбрыми, бессильный всегда хвастлив. Каждый хвастливый человек всегда

невежда, всякий невежда всегда глупец, и всякий глупец бесчестен.

Леность превращает нас в неукротимых попрошаек.

Это оттого, что нет у многих из нас иной мысли, кроме мечты об увеличении поголовья скота.

Нет у нас земледелия, торговли, мастерства, науки.

Люди думают только об умножении скота.

Умножив стада, они передают их пастухам, а сами, наевшись мяса, напившись кумыса, хотят наслаждаться любовью и скачками.

И вот праздность делает для человека тесными его кочевье и зимовье, ему кажется, что мало у него земли для стад, которых он сам не видит. И он отбивает землю у соседа клязузами, взятками начальству, насилиями.

А сосед старается вытеснить другого соседа или уходит с места, на котором жили его предки.

Мы даже радуемся бедности своего народа, потому что чем больше бедных, тем дешевле рабочие руки.

Мы радуемся, когда люди лишаются скота, потому что тогда освобождается земля.

Мы хотим обнищания соседей, а те хотят, чтобы мы разорились, и вот так мы перессорились все.

Но и для вражды надо иметь силу. И вот мы стали оспаривать друг у друга должности волостных старшин и биев.

Степь широка, но она нам стала тесна, а люди не уходят в чужие края, люди не пахут землю, не торгуют.

Нет, они торгуют, только по-своему: они поочередно продают сами себя — сегодня одному, завтра другому.

В раздорах покупают люди в степи себе сторонников, перепродают голоса и влияние.

Степь полна вражды и воровства.

Кто же может укротить вора, когда, опираясь на воров, все враждуют друг с другом?

Клязуза населяет степь, на лучших людей страны клеветают, против них возбуждают уголовные дела для того, чтобы на выборах лишить этих людей права быть выбранными.

Мы не сеем хлеба, но мы сеем раздоры, мы выращиваем ложных свидетелей, которые могут подтвердить,

что они видели то, чего они не видели, и слышали то, чего не слышали.

Мы умножаем врагов.

Что делать в степи честному человеку? Если умолять врага, если согласиться с ним во всём, то, значит, ты сам не честен, а если бороться с врагом, то станешь ты жить в вечных хлопотах и не найдётся у тебя времени ни для какой работы.

Старшины живут обманом, и войлок под их задами постелен хитростью, и они посажены на него неправдой.

Есть пословица у казахов: «Не в деле, а в человеке сила». Значит эта пословица, что ничего не достигнешь правдой и всё получишь обманом.

Для обманов мы выбираем волостного правителя на три года, и первый год мы докучаем ему, рассказывая про свои обиды, а он нас только слушает, и мы упрекаем его: «И для чего мы избрали тебя? Ты ничего для нас не делаешь».

Второй год правитель заботится о том, как бы опорочить своего соперника, чтобы тот не мог сесть на это место после следующих выборов.

Третий год правитель всех выслушивает и обещает всё изменить, если его изберут снова старшиной.

Так проводит он всё время в пустых хлопотах.

Хоть бы мы тех людей избирали, которые получили образование на русском языке. В этом был бы хоть какой-нибудь смысл.

Во-первых, это побудило бы казахов обучать большее количество детей. Во-вторых, такой человек не зависел бы от стелных воротил, а был бы зависим от закона.

Не на пользу, а явно во вред народу избираются сейчас бии — судьи.

Избираются люди невежественные; им нужно было бы знать своды старого обычного права: «Путь, проторённый Касым-ханом», «Старый путь Эсим-хана», «Семь сводов справедливости Эзатук-хана», составленных на совещании в Кольгобе.

Надо понимать и различать, что в этих законах устарело, что нужно заменить. Но избираемые теперь судьи не сумеют найти разумную замену. Ведь и прежде говорили люди: там, где два бия, там четыре спора.

Бии множат споры. Лучше, чем умножать количество

биев и споров, выделить из каждой волости по трое судей и сделать их несменяемыми. Пусть их сменяют только за преступление. Пускай дела решают двое из них, а третьего приглашают со стороны. А если бы и эти не решили дела, то брать для решения одного из трёх постоянных судей.

Может быть, тогда наши споры решались бы быстрее.

1891

ЧЕТВЕРТОЕ СЛОВО

Смех похож на опьянение.

Пьяный человек легкомыслен. Когда говорит пьяный, то головы слушателей заболевают. Люди стали похожи на пьяных.

Неужели у них на том и на этом свете не заболит голова?

В печали, в горе и в смехе надо быть бережливым.

Нельзя быть постоянно озабоченным и печальным. Нельзя жить без смеха.

Я не хочу, чтобы ты всегда печалился и горевал, но не смейся в горе, не уменьшай раздумья неуместным смехом.

Не радуйся преступлению дурных людей, не наслаждайся смехом — сердись на зло, смейся гневно.

Смех с досады — это не радость, а горе. Такому смеху ты сам не будешь постоянно предаваться. Этот смех не похож на опьянение.

А если будешь смеяться от удовольствия, увидя, что есть хорошие люди и высокие подвиги, то смейся смело.

Но не разбрасывайся в веселье. Не хвастайся весельем, не разливай его, как пьяный разливает своё питьё. Есть смех, который не рождается в сердце, а идёт только из груди. Это деланный, подкрашенный смех. Не увлекайся таким смехом.

Человек рождается плача, умирает сердясь. Не видя счастья жизни, преследуя друг друга, хвастаясь друг перед другом, теряем мы бедную жизнь, не видя её.

унижаем её непристойными поступками, пренебрегаем ею, как песком, как гнилой верёвкой, а когда она подходит к концу, то плачем и не можем купить один день жизни за всё своё состояние.

А стоит ли та жизнь, которую ты прожил, жалости?

Жить хитростью, жить слезливыми просьбами — это не значит жигь, это значит существовать, как существует собака.

Если хочешь жить достойно, живи трезво, опираясь на свою силу, трудись, и земля принесёт тебе свои плоды и не оставит тебя в ничтожестве.

1891

ПЯТОЕ СЛОВО

Я писал тебе про смех. Теперь напишу про горе.

Скорбь сжимает грудь, сжимает тело, ослабляет все суставы и вырывается слезами и потоком жалоб.

Сколько раз я слышал, как говорили казахи: «Господи, сделай нас беззаботными, как беззаботны младенцы».

Значит, у казахов есть заботы?

Я расспрашивал у них, какие у них заботы, какое они знают горе?

Они мне отвечали пословицами: «Если тебе дана жизнь на полдня, то имей средства на целый день», «Бедному и отец не родня», «Скотина — печень человека», «Богатому — свет, а бедному — тьма», «У храбрца и у волка пища на дороге», «Дар всё покрывает», «Берущая рука привыкает и отдавать», «Храбрец не виновен в своём богатстве», «Избегай озёр бездонных и людей скупых», «Если проголодаешься, то скачи к богатому дому».

Бесчисленное множество у нас пословиц.

Но нет пословиц о науке, о справедливости, о знании, о спокойной жизни.

Человек любит скотину, как собственные свои потроха. Человек хочет получить всё у богатых обманом, а если не дадут, хочет их ограбить. Человек не боится

огробрить даже отца. Так на что ж жалуются казахи?

Разве их мудрость не похожа на мудрость младенца?

Но даже дети знают, что раскалённый камень жжётся, а взрослые не боятся преступления.

Когда детям бывает стыдно, то они готовы всегда провалиться сквозь землю, а люди, создавшие эти пословицы, очевидно, ничего не стыдятся, они отрекутся и от тебя, если ты не будешь на них похож.

И вот страна, в которой я живу, и вот народ, который я люблю.

1891

ШЕСТОЕ СЛОВО

Одна из казахских пословиц говорит: «Благо правых — единство».

Но не знают люди, что такое единство. Казахи думают, что единство создаётся тем, что можно занять у другого еду и одежду.

Но если так, то какая же польза от богатства и какой убыток от бедности?

Зачем искать богатство на стороне, когда есть оно у родни?

Но это ли единство?

Нет. Единство в общности мысли, намерения, а не в общности выпрошенного богатства.

Если ты будешь одаривать людей скотом, то даже чужие будут с тобой.

Но такое единство, которое покупают за скот, уже начало преступления.

Плата не укрепляет, а разрушает род. Сейчас и богу не иначе молятся, как попрошайничая. Просят беды для другого, говорят про свои обиды, стараются себя спасти от беды, которую сами же накликали на других.

Где же здесь быть единению?

Говорят ещё, что в жизни счастье — быть живым.

Но что это за жизнь! Значит ли жизнь только то, что душа ещё не покинула тело? Нет, такая жизнь есть и у собаки.

Дорожа такой жизнью, считая только смерть врагом, человек становится врагом всего высшего и извечного; спасая низкую жизнь, бежит человек от врага, получает славу труса, бежит от труда и получает славу лентяя, становясь врагом всего хорошего.

Нет, жизнь в том, чтобы сохранить мысль.

А если сам будешь жив, но не сохранишь истины жизни, то не нужен ты будешь никому, как мёртвый.

1891

СЕДЬМОЕ СЛОВО

В младенце в день рождения два начала.

Одно начало требует еды, сна.

Это начало — не зло. Если бы не было этих потребностей, то тело не смогло бы быть жилищем души.

Но есть в младенце и другая потребность. Он тянется к тому, что видит. Если что-нибудь заблестит, ребёнок забавляется этим, всё тянет в рот, всё пробует на вкус, всё прижимает к себе.

Если заиграют на музыкальном инструменте — тянется ребёнок к звукам.

Становясь взрослее, он начинает обо всём расспрашивать. Залает ли собака, замычит ли скот, пройдёт ли кто, заплачет ли кто — обо всём расспрашивает ребёнок: «Что это такое? Почему это? Почему именно так делается?»

Обо всём спрашивает ребёнок, всё проверяет и не имеет покая.

Это стремление всё узнать, всё понять, увидеть и изучить — высокая страсть души.

Если пропадает это стремление, если не захочешь полностью знать всё или узнавать хоть часть, то ты уже не человек.

Если мы не стремимся к знаниям, то наша душа уже не душа человека, а душа животного.

Младенцами ежеминутно спрашивая «почему», мы забывали и пищу и сон. Почему же, вырастая, мы теряем наш первый дар — жажду познания?

Почему не идём мы за теми людьми, которые создают науку и находят ответы на «почему»?

Мы должны были увеличить свой мир, умножить сокровища, к которым стремились в детстве.

Жажда знания должна была подчинить себе тело. Но мы не поступаем так.

Мы галдим галками, каркаем воронами и, как они, не летим дальше навозной кучи у аула.

Жажда знаний владела нами только в детстве. Окрепло тело и не подчинилось душе.

И мы перестали верить тому, что душа нам подсказывала, насыщаясь только простым видением.

Мы не вникали в сущность жизни и утешали себя словами: «Ничего не убыло и у того, кто жил, ничего не зная».

Нам рассказывали о познании, а мы не верили.

Нас учили, а мы отвечали: «Твой разум для тебя, а мой для меня».

Мы отвечали: «Чем быть богатым чужим умом, лучше быть бедным, да по-своему». Мы говорили: «Бог с ними, не нужно быть лучше других».

Мы не видели достоинства познания и не понимали наставлений.

И вот в груди нет простора, и в сердце нет веры.

Так чем же мы лучше животного, которое видит мир, но не знает мира?

Детьми мы хотели знать, хоть мы и не узнавали, но мы были детьми людей, потому что стремились к знанию.

Сейчас мы хуже животных. Животное не знает, но оно и не спорит, не доказывает, что знает. Мы же ничего не знаем, но дорожим невежеством и не променяем невежество на знания и готовы отстаивать своё невежество со всей страстью вздорного озорника.

1891

ВОСЬМОЕ СЛОВО

Кто же примет мудрый совет? Кто послушает наставления?

Ни волостной старшина, ни бий меня не услышит.

Если бы была у них мысль о познании, то их бы не

и брали; они и избираются-то сами потому, что добиваются избрания, считая, будто могут стать примером для всех.

Они сами считают себя совершенством.

Зачем же им слушать? Да если бы они и захотели слушать — нет у них на то времени. У них в голове своя забота: не оказаться виноватым перед начальством, не пропустить в аул разных смутьянов. Они заняты.

Думают они, вот сядет им на голову птица счастья, и станут они владельцами полумира, умножат стада и всё купят за свой скот. Так ходят они, задрав нос. Честь, бесчестье, разум, наука — всё для них ниже скота. Они думают, что за подарки скотом можно получить даже доброе мнение бога. Для них религия — скот, народ — скот, знание — скот, совесть — скот.

Как же им понимать жизнь и слушать советы, когда у них нет времени на понимание?

Бай думает всех закормить, всех запить, всех принудить караулить его скот, уберечь скот от воров и волков, уберечь от стужи.

Много пройдет времени, пока он это всё устроит, а устроив, он всё завершит одним хвастовством и бахвальством.

Не послушают советов и воров, злодеи, хитрецы.

А мирные люди, люди овечьей масти, не могут меня слушать, потому что они не обеспечены пропитанием.

Они говорят так: «Почему вы обращаетесь к нам? Лучше обратитесь к тем, которые старше нас, к тем, которые должны были бы понимать слова разума».

Но тем нет до этого никакого дела. Нет у тех ни горя, ни печали.

1891

ДЕВЯТОЕ СЛОВО

Я сам казах. Люблю я казахов или не люблю?

Если бы любил, то хвалил бы их поступки, находил бы в них хоть одну черту, достойную человеческой любви.

Или чтобы хоть не терять надежды, утешал бы себя

мыслью: «Если нет у них этого, то, может быть, есть другое».

Должен был бы я хоть как-нибудь поддерживать в себе веру.

Но нет этого у меня.

А если бы не любил я казахов, то не посещал бы их круга, не интересовался, что происходит среди них и спокойно лежал бы в стороне.

Или откочевал бы от них.

Но нет у меня ни того, ни другого.

Не думаю я — исправлю я их, нет у меня надежды, что они сами исправятся.

И вот я существую, но не живу.

От досады на них, от досады ли на самого себя живу здоровый снаружи, мёртвый внутри.

Сержусь, но в сердце нет гнева. Смеюсь без радости.

Произносимые мною слова как будто не мои. Всё стало чужим.

В те дни, когда я ещё верил, я часто думал бросить казахов, уехать куда-нибудь, но тогда ещё я любил их и надеялся на них. Теперь я узнал их совершенно, потерял всякую надежду, погасла всякая вера, и не хочу я даже уехать куда-нибудь, не хочу породниться с чужими, привыкнуть к ним.

Стал я человеком с пустой грудью и думаю, что, может быть, и хорошо жить так, чтобы встретить конец, не жалея об ушедшем, умирать не горюя, а устремляя взор надежды на будущее.

1892

ДЕСЯТОЕ СЛОВО

Некоторые молятся, прося у бога ребёнка.

Но для чего человеку ребёнок?

Если умру, — думает человек, — пусть останется наследник, пускай он помолится после моей смерти, а когда состарюсь, то прокормит меня сын.

Справедливо ли это желание?

Человек хочет, чтобы сын заступил его место.

Человек, ты думаешь, что имущество без тебя останется без хозяина?

Тебе ли заботиться об оставшемся имуществе?

Почему ты ревнуешь других к своим вещам, лёжа на смертном одре?

Хорошие дети — радость, плохие — горе.

Знаешь ли ты, каким будет ребёнок, которого ты просишь у бога?

Мало ли тебе тех мук, которые ты сам перенёс в жизни? Мало ли ты совершил собачьих поступков?

Почему же ты хочешь, родив ребёнка, передать ему свою собачью жизнь и муки?

Ты хочешь, чтобы после твоей смерти твой сын молился за тебя. Но если ты многим сделал добро, то кто же не помолится за тебя; если же ты сделал много зла, то что тебе даст молитва сына?

Или ты думаешь, что сын твой после твоей смерти сделает за тебя то, чего ты сам не сделал?

Таким ли ты отец и такова ли твоя страна, чтобы ты мог воспитать хорошего ребёнка?

Ты хочешь, чтобы он прокормил тебя в старости? Пустая вера. Да доживёшь ли ты до старости?

А если доживёшь, то будет ли твой ребёнок хорошим и способным тебя прокормить?

Если у тебя будет скот, то кто тебя не прокормит? Если у тебя не будет скота, то чем тебя будет кормить сын?

А сможет ли твой сын сам умножить стада — это темно и недостоверно.

Хорошо. Даст тебе бог ребёнка, но сумеешь ли ты его воспитать? Нет, не сумеешь и будешь ты отвечать не только за свои грехи, а станешь соучастником грехов своего ребёнка.

Ты начнёшь обманывать его с детства.

Ты сделаешь из него задиру, озорника.

Вот ты берёшь ему в учителя самого дешёвого из мулл, думая: «Хватит с него, если хоть научится читать». Ты поучаешь сына, говоря ему: будь изворотливым и хитроумным. Ты говоришь ему, что его товарищи продают его за глаза. Ты воспитываешь его недоверчивым и скрытным, и после этого ты ждёшь добра от своего ребёнка?

Ещё вы молитесь о богатстве, но для чего же ваша молитва?

Вот бог дал тебе силу, достаточную, чтобы ты трудился. Но ты не работаешь. Бог дал науку, но ты не учишься, бог дал тебе разум, но ты его растерял. Ты бы стал богатым, если бы трудился без лени, терпеливо искал и благоразумно работал.

Но тебе не этого нужно: ты хочешь получить богатство угрозами, обманом, попрошайничеством.

Вот чего ты хочешь.

Ты враждуешь с людьми, теряешь доброе имя, выпрашиваешь подачки. Ну, вот, хорошо, ты пришёл, наконец, к цели, приобрёл скот, но сумеешь ли ты воспользоваться богатством и получить знания?

Нет, ты и сам не смог познать. Значит, ничего не узнает твой ребёнок. Без науки же нет блага ни на том, ни на этом свете.

Молитва, пост, паломничество в Мекку, совершённые без знания, не есть настоящее благочестие.

Я не видел ни одного казаха, который, разбогатев по-волчьи, жил бы после этого по-человечески.

Нет, люди по-волчьи богатеют и по-собачьи разоряются.

И три сокровища остаются у них: мука, горе и злоба.

Богатый умеет только хвастаться, что он богат; разорившись, он хвастается тем, что был богатым, и нищенствует вволю.

1892

ОДИННАДЦАТОЕ СЛОВО

Чем же сейчас промышляют казахи?

Они промышляют двумя вещами: воровством и попустительством; вор думает, что он разбогатеет воровством, а хозяин скота пытается наверстать убытки, украв у соседа с излишком. Власть имущие стараются разбогатеть за счёт истца и также за то, что они выручат вора.

Другие люди стараются разбогатеть на доносах или на том, что они дадут вору внаймы коня или получат от него по дешёвке добычу.

Другие плуты стараются разбогатеть, подсказывая людям, которые даже ещё и не имеют воровских мыслей, разные новые козни.

Они говорят им: «Поступай вот так-то и будешь беком, будешь сильным или получишь удовлетворение за нанесённую тебе обиду и прослывёшь храбрецом».

Они занимаются подстрекательством, стараясь сбить с пути истины людей, уча их подозрительности.

Начальники говорят одному: «Я тебя поддержу, наживайся за счёт такого-то», и говорят начальники другим: «Что ты зеваешь, наживайся за счёт такого-то».

А простой люд рассчитывает на то, что их много, и обещают люди поддержать одного из своих всей толпой в бою и в тяжбе. Перебегают люди из партии в партию.

Не видя покоя ни лёжа, ни стоя, так продают люди себя, жену, детей и свой аул.

Если бы исчезло это воровство и эти два способа наживаться, то, может быть, люди занялись бы хозяйством, беки ограничили бы свою алчность, а бедняки, стремясь к тому, чего у них нет, обратили бы свои желания к достойному труду.

Теперь же все люди — соучастники краж и укрывательства.

Кто же исправит это? Неужели и клятва, и честь, и стыд так и иссохнут бесславно?

Легко было бы укротить самих воров, но кто укротит баев, ставших послушными союзниками плутов и смутьянов?

1892

ДВЕНАДЦАТОЕ СЛОВО

Если кто-нибудь неверно делает хорошее, неправильно исполняет благочестивое, то у нас не повёрнется язык, чтобы запретить ему это дело.

Думаю я, что главное в намерении: в том, что делается для блага, не может быть плохого.

Однако людям, у которых нехватает знания для благочестия, было бы лучше, если бы они знали хотя бы два правила: во-первых, надо понимать смысл веры, во-вторых, не надо ограничиваться совершением обряда, а надо стремиться учиться.

Если кто-либо, не научившись, бросил учение, он уже сбился, и его благочестие не будет настоящим.

Если кто, не поняв истинного смысла веры, наденет чалму и начнёт величаться, называя себя поборником поста и молитвы, то это будет подобно тому, как будто человек, не заплатив калым за невесту, поехал за её приданым.

1893

ТРИНАДЦАТОЕ СЛОВО

Смысл веры, то, что называют иман, это — понимание беспорочного, всеблагого единства создателя и понимание учения нашего пророка, посланника всемогущего.

Но для того чтобы утвердиться в имане, необходимы два условия: во-первых, вера должна быть сознательной, во-вторых, вычитав из книг одно, услышав от мулл другое, нужно выработать своё понимание и быть стойким в нём и не верить уже ничему наущению.

Если тебе будут грозить смертью, если тысяча людей будет оспаривать тебя тысячью разных способов, нужно, чтобы чувство твоё не поддавалось.

Для того чтобы сохранить такое понимание веры, нужно львиное сердце и неслабеющие суставы.

Но есть люди, которые думают, что у них есть вера, но верят они по чужому завету.

Такие люди неустойчивы. Они клятвенно утверждают, что белое — чёрное, и чёрное — белое, и клянутся, что неправда — правда.

И да сохранит нас от таких сам господь бог.

Не нужно забывать, что, кроме двух видов веры — сознательной и несознательной, — никакой третьей веры нет.

И когда поступаешь против закона истинной веры, не надо думать, что бог по доброте простит.

Не это соответствует величию бога и благодеяниям пророка.

Пусть будут прокляты те люди, которые ободряют вас ложными пословицами, которые говорят, что на острие сабли нет клятвы, которые говорят, что нет для бога грехов, которые бы он не простил.

1833

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ СЛОВО

Есть ли у человека что-либо более драгоценное, чем его сердце?

Если казах говорит, что человек имеет сердце, значит, он считает того человека богатырём.

Других свойств сердца они себе ясно не представляют.

Милосердие, отзывчивость, желание человеку того же, чего ты желаешь самому себе, — вот свойства сердца.

Если язык говорит то, что чувствует сердце, то не бывает ошибок. Поэтому я говорю, что поспешность — добродетель сердца.

Если будешь поступать, примериваясь к обстоятельствам, то сердце твоё замрёт.

У казахов доблестное сердце, не совместимое с хвастовством.

Человек, обладающий сердцем, быстро оправляется от несчастья, он не идёт, как собака, за чужим караваном, он сам поворачивает заблудившихся лошадей на истинный путь.

Он покоряется, но покоряется тому, что справедливо для разума. И трудна ему иногда эта покорность.

И он не покоряется тому, что не выдерживает испытания разумом.

Вот истинное сердце. Это львиное сердце, это то, что казахи называют «журекты».

То же, что мы обычно называем сердцем богатыря, — это не львиное сердце, а волчье сердце.

Казах ведь тоже дитя человека. Он совершает зло не от глупости, не оттого, что у него нет разума, а оттого, что в сердце его нет той твёрдости, которая позволяет выполнить повеление разума.

Я не верю людям, когда они говорят, что совершили зло благодаря тому, что не имели познаний.

Нет, часто люди имеют знания, но пренебрегают ими, потому что исполнение истинного знания часто — подвиг.

А раз поддастся казах подлости, — нет у него уже сил порвать со злом.

И люди, которых в народе называют «сильными жигитами», «ловкими жигитами», ведут друг друга к беде и преступлению, возбуждая друг друга возгласами: «Ай да батыр! Вперёд, богатырь!»

Но человек, отступивший от пути истины, от пути чести, человек, который предался тёмным делам, хвастовству и не проверяет себя, — это не только не богатырь, не только не жигит, но даже не человек.

1893

ПЯТНАДЦАТОЕ СЛОВО

Между умными и глупыми людьми, по-моему, есть одна существенная разница: умный человек — человек. Конечно, и он увлекается, но, увлѣкшись, он тратит всё для достижения цели, и само время поисков останется для него в памяти лучшим временем жизни.

Такой человек, найдя достойный предмет страсти, ищет с жадностью, и, когда, вспоминая, рассказывает, то понимает, что он получил высокое наслаждение, и не жалеет, что жизнь его прошла.

Глупый человек не находит себе места в жизни. Он увлекается чем попало, растрчивает свою страсть на бесцельные и бесплодные желания, он проводит самую лучшую часть жизни в собачьей беготне, а старость проводит в раскаянии.

Глупый человек в молодости меняет потеху на потеху. Ему кажется, что молодость вечна, что тело не стареет и суставы не ослабевают. Но быстро потехи сгибают ему шею, и он теряет способность выбора и даже теряет желания.

Страстность становится болезнью. Если человек и достигает того, к чему он стремился, то всё это только мнимое достижение, человек переживает только опьянение. Опьянение лишает сил и затмевает его разум, и смотрят окружающие трезвые на пьяного и смеются над ним.

В это время разумный, не выставляя себя на посмешище, упорно ищет и находит.

Глупый человек похож на всадника, который, сбросив с коня седло со стремями, потеряв шапку, закрыв зад лошади полами своего кафтана, задрав нос к небу, скачет, как одурманенный.

Если ты сам хочешь быть в ряду разумных, то в день один раз, или раз в неделю, или хоть раз в месяц давай сам себе отчёт, как ты за это время вёл себя в жизни, совершил ли ты поступки, соответствующие благу и разуму. Не совершил ли ты того, в чём следует раскаиваться? Думай о том, как ты провёл свою жизнь и заметил ли ты, запомнил ли ты, как провёл её.

1893

ШЕСТНАДЦАТОЕ СЛОВО

Казах не заботится, чтобы его жизнь была праведна перед богом. Он думает, что с него достаточно будет, если он проковыляет как-нибудь свою жизнь, делая то, что делают другие. Ведь говорят же у нас иногда купцам, приехавшим получить долг: «Вот всё, что я нашёл. Если для тебя достаточно, то бери. Не думаешь же

ты, что специально для тебя я достану богатство из-под земли».

Но судьбу нельзя обмануть, как обманывают купца. А люди, не утруждая себя хлопотами и не желая ничему учиться, говорят: «Вот всё, что я знаю. Где же мне на старости доучиваться?»

Или они говорят: «Я невежда. У меня и язык не поворачивается, чтобы говорить высокие слова».

Человек, разве твой язык сотворён не так, как язык других людей?

1893

СЕМНАДЦАТОЕ СЛОВО

Воля, сердце и ум спорили, кто из них важнее. Они пришли к науке, чтобы она решила этот спор.

Воля сказала: «Послушай, наука, ты ведь сама знаешь, что без меня никто не может достигнуть своей цели. Ведь только благодаря мне люди отстраняют лень и упорно, настойчиво стремятся познать тебя».

Даже для богатого нельзя без воли и труда достигнуть совершенства.

Разве не я руковожу выбором людей?

Не я ли предостерегаю их от лёгкой наживы и злых повадок, не я ли возвращаю людей на путь истинный, когда они его покидают? А вот эти двое со мной спорят».

Разум сказал: «Но ведь только я знаю, что вредно, что полезно как для этого, так и для того света. Слова понимаю один я. Без меня нельзя получить прибыль, без меня нельзя избежать убытков. Только я постигаю науку. Как же эти двое, — сказал разум, — оспаривают моё первенство? И на что они годятся без меня?»

Заговорило сердце: «Я царь человеческого существа. Я гоню кровь по жилам, без меня нет жизни. Только я заставляю сытых, беспечных людей, валяющихся в тепле на мягкой постели, тревожиться и думать о том, как живут бедные и обездоленные. Я отравляю сны беспечных, заставляю людей ворочаться в их постели. Во мне

почтение к старшим и милость к младшим. Как часто не берегут меня в чистоте, как часто меня унижают. Но если сердце честно и безупречно, то нет обиды между людьми. Я восторгаюсь добродетелью и заставляю людей отскакивать от зла, как от змеи. Всё доброе — скромность, справедливость, милосердие, отзывчивость, — всё исходит от меня. Как же эти двое могут спорить со мной?»

Тогда знание, выслушав всех, заговорило: «Слушай, воля, всё, что ты говорила, справедливо. Более того, ты обладаешь многими другими достоинствами, тобой не упомянутыми. Но хотя и не могут жить те двое без тебя, но вместе с силой у тебя есть и жестокость. Много от тебя и пользы, но бывает от тебя и вред. Иногда ты крепко держишься за добро, но иногда и за злодеяния. Это плохо в тебе». Так сказало знание. Потом оно продолжало: «Разум, то, о чём ты здесь говорил, тоже правильно. Без тебя ничего нельзя найти. Только ты знакомишь нас с тайнами творения, жизнью души, но и от тебя бывает зло. Ты рождаешь хитрости, проделки, ты являешься руководителем и хороших и плохих людей. Ты ведёшь людей по пути добра и зла одинаково. Вот это в тебе очень плохо».

И продолжало знание: «Я приказываю вам троем объединиться в одно целое, и повелителем троих будет сердце. Разум, ты слишком разносторонен. Пускай сердце следует за тобой в добре, пускай оно тогда с тобой соглашается и радуется. Но пускай оно не идёт за тобой по дороге зла. Более того, пускай оно тогда будет тебе приказывать вернуться. Воля, ты сильна, но пускай и тобой руководит сердце, пускай на доброе и полезное дело оно не будет жалеть твоих сил, а на зло пускай оно накладывает запрещение».

Посоветовавшись, соединитесь все трое вместе, но помните, что сердце — повелитель. Если вы все трое будете в одном человеке и так, как я это говорю, то человек, который будет руководиться вами, станет праведником, и даже пыль его ног сможет исцелять слепых. Если же будут раздоры между вами, то пусть человек послушается сердца».

ВОСЕМНАДЦАТОЕ СЛОВО

Хорошо, если человек одевается в целое, чистое и если ходит он опрятным.

Но плохо, если человек старается одеваться не по средствам или, гордясь своей одеждой, становится щёголем.

Ведь щёголи всё время охорашиваются, поправляют усы и бороду, ресницы, брови, думают о своей походке, ходят подбоченясь, живут в пустых заботах.

Щёголи считают, что одежда должна прокормить человека. Они благодаря одежде и хорошим лошадям хотят прослыть жигитами, хотят пользоваться почётом у старших, хотят быть предметом зависти для равных, они хотят, чтобы стоящие ниже говорили про них: «Что может ещё пожелать человек так хорошо одетый и имеющий такую прекрасную лошадь?»

Всё это глупо и позорно.

Но если такая блажь одолеет человека, то трудно снова стать ему человеком.

Ты же избегай общества щёголей.

Только разум, наука, воля, совесть возвышают человека.

Думать, что можно иначе возвыситься, может только глупец.

1893

ДЕВЯТНАДЦАТОЕ СЛОВО

Не от рождения человек разумен. Он становится разумным после того, как, увидев и оценив многое, начнёт отличать хорошее от дурного.

Человек, запомнивший слова мудрых, сам становится благоразумным. Но само благоразумие ещё не решает всего. Вот если ты благодаря благоразумию избегаешь плохого, то можешь себя считать за человека.

Но если ты хоть и слышишь мудрые речи, но слушаешь их беспечно или, выслушав и придя в восторг, не

захотел переспросить, чтобы вникнуть в сущность мудрости, и не изменился, то для чего ты слушал? Один мудрец сказал: «Чем говорить людям, тебя не понимающим, лучше откармливай свинью. У неё хоть прибывает жира».

1893

ДВАДЦАТОЕ СЛОВО

Вы знаете, что нельзя изменить судьбу. Так вот — человеку суждено пресыщаться.

Пресыщение создано судьбой, не сам человек нашёл его, но если узнаешь пресыщение хоть один раз, то трудно будет тебе от него отделаться.

Ты его будешь отбрасывать, а оно станет возвращаться к тебе, и в конце концов оно тебя одолеет.

Есть ли вещь, которая бы не надоедала? Пресыщение знает даже человек разумный. И от еды, и от игры, и от смеха, и от хвастовства, и от шегольства, и от пиров, и от бесед, и от женщин — в большей или меньшей мере — от всего человек остывает, и это так потому, что пресыщение обнаруживает в каждой вещи порок.

Мир не стоит на месте. Жизнь и сила человека также не остаются в неизменном состоянии. Всему сущему суждено непостоянство, изменяется и сердце. Увидев, почувствовав многое, человек узнаёт и себе цену; узнав бесцельность жизни и краткость забав, человек познаёт усталость.

И вот почему думаю я, что иногда глупость и беспечность сохраняют для многих радость.

1894

ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ СЛОВО

Трудно уберечься человеку от бахвальства.

Почти каждого человека можно упрекнуть в бахвальстве.

Но иногда в самом бахвальстве живёт стыд, а иногда только дерзкое хвастовство. Например, иногда человек,

чтобы не слыть невежественным, легкомысленным, хвастливым, сплетником, вруном, удерживается от лишних слов и становится из-за этого как бы лучше самого себя.

Это — поведение сравнительно умных, совестливых людей. Они боятся быть скверными, не надеясь на то, что они могут прослыть хорошими.

Другие же стараются, чтобы о них как можно больше говорили. Они хотят, чтобы их называли баями, богатырями, ловкачами. Они забывают даже, что иногда о человеке говорят, но говорят плохо.

Но и такая хвастливость бывает трёх родов.

Одни хотят, чтобы их хвалили среди чужих людей. Такой человек, хотя и невежествен, но он всё-таки человек.

Другой хвастается в своём роду. Невежественность такого человека полна и несомненна. Но человечность такого хвастуна хотя и не полна, но всё ещё существует.

Третьи хвастуны хвастаются в своей семье. Уже их даже и в роду никто не похвалит. Вот этот невежда — из невежд невежда, и такой человек — уже не человек.

Потому что тот, который старается, чтобы его хвалили, хочет быть похваленным и в своём роду; тот, который старается, чтобы его похвалили в его роду, хочет, чтобы его хвалили в его семье. Но тот, который ищет похвал у своих домашних, тот уже лишён стыда, потому что он всегда сам себя может захвалить до совершенства.

1894

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ СЛОВО

Размышляю я о том, кто же среди казахов заслуживает уважения и любви?

Может быть, уважать бая?

Нет теперь баю уважения.

Ведь нет теперь бая, который бы независимо распоряжался своим богатством и своими суждениями.

Баи соперничают с баями, зависят от сотни людей, унижаются перед ними, давая им взятки скотом.

Бай по своей глупости думает, что это у него просят подарков. Нет, это он умоляет людей взять, потому что взятка не дар и не щедрость.

Внося раздоры в свою округу, раскрывая объятия всяким смутьянам, раздаёт бай свой скот.

Другие баи, видя, что не могут жить люди нашей страны в согласии, поддаются запугиванию и служат проходимцам всем своим добром.

Может быть, уважать мурз? Но нет в настоящее время настоящих мурз.

Где уж тут к ним иметь уважение?

Уважать ли мне волостного старшину и бия?

Но нет биев и старшин справедливых.

А биям и старшинам, купившим свои места, нет основания требовать к себе уважения.

Уважать сильных? Но в дурном все сильны, а на хорошее у нас сильных нет.

Я бы уважал умного, уважал бы справедливого, но нет умных людей.

Разума хватает только на хитрость, мошенничество.

Отдать ли уважение несчастному, беспомощному, обездоленному?

Но они не могут сесть даже на лежащего верблюда.

Скромность, которая происходит от слабости, не достоинство. Если бы у них была возможность хоть забраться на верблюда, то нашли бы они возможность и зацепить по дороге что-нибудь.

Итак, остался я среди мошенников и хитрецов, и нет на них угомона — хотят они всё опустошить.

Но кого же любить мне и кому же желать благополучия?

Я вспоминаю пословицу: «Кто бережёт добро, тот избегает тяжб».

Я жалею тех и тем желаю благополучия, которые скромно отдают половину своего состояния для того, чтобы сохранить другую половину; пусть они жертвы, но они хоть скромны.

Кроме них, никого не могу найти в числе хороших.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ СЛОВО

Не всякая радость — благо. Есть и такая радость, которая не даст возможности нашим казахам стать лучше. Эта радость в том состоит, что найдёт казах скверного человека или у какого-нибудь человека найдёт нехороший поступок и скажет сам себе: «Стыд такому-то. А ведь он себя считает за человека. Разве по сравнению с ним я не лучезарен? Разве по сравнению с ним я не хорош?»

Слушай, казах: разве тебе бог сказал, что достаточно быть лучше самого худшего? Или тебе это сказали достойные люди?

Если есть люди невежественнее и сквернее тебя, то разве ты хороший?

Человек может стать хорошим, сравнивая себя только с хорошим.

Если на скачках участвует сто лошадей и кто-то получит приз, но не первый, то ведь спрашивают у него: а сколько было лошадей впереди тебя?

Какой толк спрашивать, сколько лошадей было сзади тебя? Какая радость для отставшего, если он может сказать: и за мной ещё было пятеро.

Разве утешение говорить: не мы одни плохи?

Разве бог сказал тебе, что тебе достаточно не отставать от толпы, разве у судьбы нет аркана на все стадо, на всю толпу?

Разве толпа не унижена? Что ж ты стараешься забиться в толпу и стадо? Легче ли, если в доме все заболели, или лучше, когда половина заболела, а половина здорова?

Если заблудилась толпа, то разве не нужен ей человек, который знает степь, по которой идёт толпа?

Если истощены все лошади, то это большое зло; меньшее зло, если половина истощена, а половина в теле.

Если пришёл джунт, то разве хорошо, что он разорил весь народ? Нет, лучше, если хоть половина народа осталась неразорённой?

Значит, нет утешения для одного дурака в том, что на свете много дураков.

Разве убедит свою невесту жених, у которого дурно

пахнет изо рта, сказав, что у него в ротовой полости у всех так пахнет из пасти?

Обрадуется ли невеста, скажет ли она ему: «Не отставай, милый, от своих, продолжай не чистить зубы?»

1894

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ СЛОВО

На земном шаре, говорят, два миллиарда людей. Из них два миллиона казахов.

У наших казахов дружба, вражда, хвастовство, сила, погоня за богатством, поиски знания — всё это похоже на привычки других народов.

Мы друг с другом враждуем, друг у друга воруем, друг за другом следим и не даём друг другу сомкнуть глаза хоть на мгновение.

Нет у нас ни городов, ни людей, видящих мир.

Неужели же мы так и останемся ничтожнейшими среди народов мира?

Настанет же день, когда среди казахов исчезнут воровство, сплетни, клевета, вражда и будем мы добывать добро и знание верным путём.

Но откуда же явится это?

Ведь у нас сейчас двести человек зарятся на сто голов скота. Разве они могут успокоиться, пока не уничтожат друг друга?

1894

ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ СЛОВО

Обучать детей хорошо, но для начала их надо обучать родному языку, грамоте и самым обыкновенным знаниям.

Для арабского и фарсидского языков надо иметь богатство.

Как голодный человек сохранит разум и прилежание для того, чтобы постичь многие науки?

Если сможешь приобрести благосостояние и будешь сыт, то тогда появится потребность в науках и искусстве. Помни, что главное — научиться русской науке. Наука, знание, достаток, искусство — всё это у русских. Для того чтобы избежать пороков и достичь добра, необходимо знать русский язык и русскую культуру.

Русские видят мир. Если ты будешь знать их язык, то на мир откроются и твои глаза.

Человек, изучивший культуру и язык иного народа, становится с ним равноправным и не будет жить позорно.

Надеяться на то, что проживёшь только хитростью, значит быть жертвой невежества.

Невежественный человек способен продать отца, мать, всех родных и близких первому русскому чиновнику, который похлопает его по плечу.

Изучай культуру и искусство русских. Это ключ к жизни. Если ты получил его, жизнь твоя станет легче.

Однако в настоящее время люди, обучающие своих детей по-русски, норовят при помощи русского языка поживиться за счёт других казахов. Не имей такого намерения.

Узнавай у русских доброе, узнавай, как работать и добывать честным трудом средства к жизни. Если ты этого достигнешь, то научишь свой народ и защитишь его от угнетения.

Если мы узнаем столько, сколько знают другие, то мы станем сильными и равноправными.

Правда, до сих пор из среды казахских детей, узнавших русский язык, не выросло ещё выдающегося человека.

Это потому, что эти дети портятся своими родственниками, родителями и близкими людьми, но и сейчас они лучше необученных.

В русскую школу отдают детей нехотя, как на позор или в неволю. Отдают одни бедняки с горя. Как же детям вырасти, при таком отношении к науке, в хороших людей?

Иногда казахи, поссорившись со своим родом, желая досадить ему, говорят: «Чем терпеть мне такое унижение среди своих, не лучше ли мне сдать сына в солдаты, а самому отрастить себе волосы, приняв облик и обычаи чужого народа?»

Нехорошо бросать свой народ.

Далеко ли уйдут, научатся ли добру дети тех казахов, которые произносят такие постыдные слова?

Станут они учиться как-нибудь, будут в одно ухо впускать слово, в другое — выпускать. Вот почему нет детей, которые бы занимались напористо, даже когда их учат бесплатно.

Говорю тебе правду: не торопись женить сына, обучай его русской науке, хотя бы пришлось тебе для этого заложить всё своё имущество.

Если хочешь, чтобы твой сын стал человеком, то учи его и сделаешь тем благо ему и своему народу.

1894

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ СЛОВО

Если лошадь казаха придёт первой на скачках, или победит борец, на которого он поставил ставку, или схватит добычу его беркут, или собака опередит других, то обрадуется казах до потери сознания.

Не знаю, есть ли у него какая-либо радость больше этой.

Ой, наверное, нет.

Но достойны ли человека эти радости? Что ты хвастаешься доблестью какого-нибудь животного или победой борца?

Тот, который опередил или обогнал, не ты и не твой сын.

Всё это похоже на стремление досадить друг другу, разозлить кого-нибудь.

Люди радуются, как счастью, обиде другого, а не своему превосходству над другими.

Скаковая лошадь, и беркут, и борзая — всё это животные. Они иногда бывают то у одного, то у другого,

и сильный жигит рождается то в одном роду, то в другом.

Победивший однажды не постоянно побеждает. Если ты проиграл, то не желай провалиться сквозь землю. Только невежественные люди радуются и печалются на то, на что не стоит радоваться и печалиться.

А люди радуются таким победам до опьянения, теряют рассудок от радости. Это дурная привычка, но от неё казах отвыкает только тогда, когда умирает или когда очень испугается.

1894

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ СЛОВО

(По Сократу)

Это слова Сократа, переданные нам Ксенофонтом и записанные им в книге первой «Воспоминаний о Сократе».

Аристомед смеялся над повинующимися воле божества.

Сократ сказал:

— Эй, Аристомед, есть ли люди, которыми ты восхищаешься?

Тот ответил.

— Сколько угодно, высокочтимый учитель.

— Назови нам имена их, — сказал Сократ.

— Я восхищаюсь песнетворчеством Гомера, трагедиями Софокла, искусством перевоплощения в душевное состояние иных людей. Дивлюсь я в живописи Зевксису.

Кроме того, указал он на нескольких людей, искусство которых приобрело широкую известность.

— Если так, кто же, по-твоему, заслуживает большего восхищения, — сказал Сократ, — художник, делающий изображения, у которых есть только облик, или создатель, сотворивший человека с живой душой и всепостигающим разумом?

— Правильно, — ответил ученик, — более . достоин хвалы последний, но только тогда, когда это получается не случайно, а намеренно.

— Какие же предметы ты признаёшь делом случайным и какие творениями разума? Те ли, цель и смысл существования которых неизвестны, или те, которые существуют для какой-нибудь пользы? — спросил Сократ.

— Надо полагать, что творения разума — это то, что создано с явной целью получить лучшее и полезное.

— Хорошо. Если так, то ведь ясно, что творец человека, давая ему пять органов чувств, понимал их пользу. Во-первых, у человека есть глаза, чтобы он видел; если бы не было глаз, то какое бы мы получали в жизни удовольствие от красоты мира?

Так как глаза слабы, то для того, чтобы их можно было открывать и закрывать, существуют веки. Для того, чтобы глаза были защищены от сора, существуют ресницы, а для того, чтобы отвести от глаз пот лба, существуют брови. Если бы не было ушей, не слышали бы мы ни звуков, ни голосов, не получали бы наслаждения от песни и нноткуда не могли бы получить известий; если бы нос не различал запахов, то мы не наслаждались бы ароматом и не избегали бы дурных запахов; если бы нёбо и язык не могли бы различать вкуса, то мы не получали бы наслаждения от приятной пищи. Разве всё это не на пользу нам? Глаза и нос находятся недалеко от рта, чтобы мы могли есть и пить, видя принимаемую нами пищу и слыша её запах. А необходимые, но извергающие отбросы другие отверстия помещены дальше от благородных органов познания, помещённых в голове. Разве это не доказательство, что всё созданное не случайно?

Аристодем подумал и поверил, и у него не осталось никакого сомнения в том, что создатель мира создал мир с любовью и искусством.

Сократ продолжал:

— Подумай о том, что всё живое боится гибели, стремится к жизни и к продолжению её. Разве это не доказывает высшую любовь к творению, разве это не результат любви, заложенной в каждом живом организме, любви к жизни?

Сократ продолжал:

— Эй, Аристодем, или ты думаешь, что у других людей, кроме тебя, нет ума? Разве организм человека не похож на прах той земли, по которой ты ходишь? Разве та влага, которая находится в твоём теле, не похожа на капли простой воды? Как же ты сам стал господином разума, откуда бы ни пришла она, — так называемая душа? Только благодаря ей ты стал господином. Ты видишь этот мир, но целиком охватить его разумом не в силах. Но вот ты убеждаешься в том, что всё создано целесообразно и всё соответствует никогда не нарушаемой закономерности. Неужели всему этому ты будешь только удивляться, считая всё это случайностью и только?

Или господином всего этого является некий неизмеримый великий разум?

Ученик ответил:

— Всё, что ты говорил, верно. Итак, выяснено, что создатель является великим разумом. Я не дерзаю оспаривать величие творца, однако для чего это великое начало нуждается в моих молитвах?

— Эй, Аристодем, — сказал Сократ, — ты ошибаешься. Разве нужно ещё доказательство того, что ты в долгу перед создателем, который о тебе заботится?

Аристодем ответил:

— Откуда же я знаю, что он заботится обо мне?

Сократ ответил:

-- Посмотри на всех животных, посмотри на себя. Животные одухотворены, но похожа ли их душа на твою? Человек, думая о настоящем и будущем, а также и о сегодняшнем дне, всё проверяет чувством и умом. Животное тускло представляет настоящее, но не понимает ни прошлого, ни будущего, но и настоящее ему не дано. Сравни организм животного и организм человека. Человек опирается на ноги, растёт вверх, он охватывает своим взором всю жизнь, проверяет её, и все животные служат ему. Ведь одни животные надеются на свои ноги, другие на свои крылья, но им не дано пользоваться услугами подобных им животных. Если бы человек был создан не человеком, а животным с тем телом, которое ему дано, он был бы ничтожным, а если бы животному дать разум человека, то тело его не ответствовало бы разуму. Животные не могут строить города, производить инструменты, делать оружие и

достигать границ искусства и познания. Не доказывает ли всё это то, что человек создан царём всех живых творений? Не доказательство ли это того, что создатель полюбил человека, позаботился о нём и что человечество обязано высказывать ему своё повиновение?

Так кончил учитель.

1894

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ СЛОВО

Эй, мусульмане! Вы видите, что одни богаты, другие бедны, одни больны, другие здоровы, одни легкомысленны, другие расположены к доброте и сознательны. Люди различны. Если кто-нибудь спросит вас, отчего это происходит, то вы ответите, что это дело творца, его воли. Считая господа бога безгрешным и безупречным, мы верим. Но вот оказывается, что бог вознаграждает богатством клятвопреступников, тунеядцев, а людей, которые честно трудятся и молятся, он лишает последней возможности прокормить жену и детей, обращая их труд в ничто. Видим часто, что скромный человек болеет и унижен. Наоборот, воры, мошенники здоровы. Из двух детей одних и тех же родителей один разумен, другой глуп.

Ведь всему народу сказано: будьте справедливыми и честными, всему народу показан правильный путь. Сказано, что праведные возвысятся, а нечестные получают мучку. Однако сам создатель как будто одних ведёт к добру, других — к злу. Разве всё это соответствует безупречности и безгрешности, справедливости господа бога? И народ, и имущество народа — всё в руках бога. Что ж можно сказать о его делах? Вы скажете, что он делает то, что хочет. Если так скажете, то вы его самого тем самым отменяете. Это ваше слово будет означать, что господь бог не безупречен, что недостатков у него много, но говорить об этом нехватает смелости. Оказывается, что бог сам заставляет всё делать так, как это делают. Из-за чего же обижаться одному

существо на другое существо, делает кто-нибудь для них добро или делает кто-нибудь зло? Не делается ли это всё по божьему велению? Но бог говорит, что каждому разумному человеку вменяется в обязанность иметь благочестие и каждому имеющему благочестие вменяется в обязанность повиновение. Правое дело не должно бояться проверки разума. Если мы не будем иметь свободный разум, то как понять божественное слово, что разумному человеку вменяется в обязанность иметь истинное благочестие?

Куда денется сказанное богом? Познающий меня узнает меня только разумом.

Нет, лучше, очевидно, понять так: бог — творец добра и зла, но не он заставляет их совершать. Создатель болезни — господь бог, но не он заставляет болеть. Бог создал богатство и бедность, но не бог сделал тебя бедным или богатым. Если ты так поймёшь веру, то это ещё на что-то похоже, иначе всё пусто.

1895

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ СЛОВО

Есть хорошие казахские пословицы, но есть и такие, которые ниже не только божеской, но и человеческой справедливости. Например, говорят: «Если ты беден, то будь бессовестен, если ты потерял совесть, то пусть будет проклята твоя жизнь». Другая пословица говорит: «Если поджигать с умением, то и снег загорится, если умело попросить, то нет ничего, чего бы не отдали».

Это неразумное слово достойно божеской кары. Чем проводить жизнь в унижении и искать способов «зажигать снег», надо искать богатства либо у земли, либо от работы своей.

Есть пословица: «Если безвестен, то подожги поля». Но какая польза от славы поджигателя? Говорят также: «Чем сто дней быть атаном, лучше один день быть бура». Но к чему такое однодневное счастье одержимого, одурманенного страстью животного?

Есть пословица: «Увидав золото, покинет путь истинный даже ангел».

Да покарает вас за это слово ангел. К чему ему золото?

Ещё говорят, оправдывая алчность: «Богатство слаще отца и матери». Нет, правда в другой пословице: «Душа слаще золотого дома». Что сладкого может быть в душе негодяя, который меняет родителей на богатство? Разве не бессовестно собираться продать своих родителей? Они мучились, приобретали, думали, что всё нажитое достанется детям. Если ты готов продать родителей за богатство, то ты разве не враг всего живого?

Нужно быть осторожным, повторяя пословицы, созданные невежеством.

1895

ТРИДЦАТОЕ СЛОВО

Много у нас болтливого хвастовства — езды на сороках. К чему это трескучее хвастовство, и на что оно годится? Нет у хвастунов ни совести, ни досады, ни мысли серьёзной, ни дум горьких, ни решимости, ни храбрости, ни человечества, ни совестливости. Они клянутся споря: «Не будет моя голова приторочена к чужому седлу. Разве чужой меня кормит или дарил мне дойный скот? Ничего я не пожалею — душу свою отправлю к чорту. Лучше умереть, но не сдаться». «Всё равно, — говорят хвастуны, — смерть одна». Видели ли вы казаха, который бы выдерживал смысл такого слова? Нет, все только кричат, что смерть им не страшна, и тычут пальцем на свой маленький кадык и клянутся, что они сейчас зарежутся.

Если бы я встретил человека, который на самом деле зарезался хотя бы за глупое своё слово, то я бы начал считать с этим хвастовством.

Но я слышу один только грохот. Хвастается человек, чтобы говорили о нём: «Не трогайте его — он забияка».

О господи, да разве вы не знаете приметы настоящих отважных людей? Разве так дают они клятвы?

Кругом одни пустозвоны, болтуны. Говорят про них в нарзде: «Бесстыжому — болтливый язык подмога».

1895

ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ СЛОВО

Для того чтобы усвоить то, что ты слышишь, надо соблюдать четыре правила.

Во-первых, сосредоточь целиком всё своё внимание.

Во-вторых, когда услышишь что-нибудь необходимое, увлекись им, вникай в сущность предмета.

В-третьих, повторно продумывай про себя то, что услышал.

В-четвёртых, отгоняй от себя мысль о других бесполезных вещах.

Отведи от себя беспечность, распушенность, ребячливую рассеянность, потому что эти свойства разметут и уничтожат всё, что ты собрал для достижения знания.

1895

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЕ СЛОВО

Тем, которые хотят познать науку, необходимо помнить, что для этого надо выполнить несколько условий. Тот, кто забудет о них, не достигнет цели.

Не нужно учиться, рассчитывая воспользоваться наукой для того, для сего, думая, что она принесёт сразу выгоды.

Если страстно полюбишь науку и само знание будешь считать подарком, то оно даст тебе высшее блаженство.

Чувство твоё будет прекрасным, и, узнав, ты в ясных словах и фразахкрепишь в себе познания.

Если же твои чувства будут обращены к другим вещам, то и науку ты будешь изучать только ради этих вещей. Это отношение будет похоже на отношение ма-чехи к пасынку. Науку же надо любить, как мать любит своего сына.

Наука требует искренней привязанности.

Во-вторых, когда учишься, то стремись углубляться в знание. Не обучайся для того, чтобы блеснуть наукой в споре. Спор часто портит человека. Любитель спора не добивается правды, а хочет опровергнуть противника. Обучающийся для спора не стремится к познанию науки. Нет, он хочет запутать другого человека, победить его неправдой.

Спор может вести к знанию, но не нужно им увлекаться.

В-третьих, если достигнешь истины, то не отступай от неё даже под угрозой смерти.

Если твоя истина не овладеет тобой целиком, хотя ты уверен в ней, то для кого же другого она может быть ценной? Как ты можешь желать от других уважения к тому, чему сам не служишь преданно?

В-четвёртых, для повышения знания есть два способа: человек должен развивать способность мыслить, человек должен развивать своё воображение. Без мысли и воображения наука не может развиваться.

Ещё — избегайте беспечности. Молю вас: особенно остерегайтесь её. Распущенность и беспечность — враг народа, разума, чести.

Воспитай волю — это броня, сохраняющая разум. Не стремись к забавам и похвальбам. Пусть всё будет у тебя служить разуму и чести.

1895

ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕ СЛОВО

Необходимо учиться ремеслу.

Скот погибает от джута, а ремесло всегда остаётся в руках, и мелкий ремесленник, продающий без обмана то, что он сделал своими руками, — лучший из казахов.

Однако у казахов-ремесленников есть свои пороки. Они не ищут на стороне лучших мастеров, не идут к ним, чтобы перенять их опыт и, переняв, обогнать их в искусстве. Они довольствуются тем, что умеют делать, и, следуя вековой привычке казахов, спешат завалиться набок. Если заработает ремесленник две-три головы скота, то ему кажется, что он уже разбогател. Он думает: «Вот и у меня есть скот», — и начинает предаваться лени, беспечности и франтовству.

Любит казах-ремесленник почёт, любит слышать от другого такие слова: «Ты чародей, ты великий мастер, только вот сделай мне то, что я прошу».

Мастер поддаётся бесполезному обману, пустой похвальбе и тратит значительную часть своего времени на пустую работу.

Мастера ласково называют «чортом» и «плутом», приговаривая при этом: будем друзьями.

Мастеру делают незначительные подарки, обещают заплатить, его называют другом, приятелем.

Мастер чувствует себя в числе важных людей. Он старается изо всех сил, работает, не замечает, что его кругом обманывают. Он вкладывает в работу свой материал, урывает у себя, забывает об одежде, о долгах, а люди наживаются на нём, перепродают то, что он сделал — и так запутываются дела людей. Ремесленники берут в долг чужой скот и отдают его, чтобы расплатиться со старыми долгами. Мастер теряет своё человеческое достоинство и обращается в ничто.

Отчего это получается так, что многие, будучи сами не дураками, так легко поддаются обману?

1895

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ СЛОВО

Все люди знают, что они смертны, что смерть не всегда приходит только к старикам и что взятого однажды она никогда не возвращает.

Казах этому верит, но верит как будто только по-неволе.

Он не старается понять всё это, обсудить. А ведь говорят, что творец на том свете за злобу покарает, за доброту вознаградит, что он наказывает чрезвычайно и чрезвычайно вознаграждает.

Казахи в это будто бы верят, но я в их веру не верю. Хотя они и утверждают, что верят, но они не верят с убеждением, искренно. Они говорят, что они тоже мусульмане, что они благочестивы, но поймите, что ни у кого в душе не бывает одновременно двух радостей, двух страстей, двух страхов, двух желаний. Не могут быть в душе человека два начала, глубоко им владеющих одновременно. Если так, то когда у человека земная забота и земная радость более владеет им, чем забота о том свете, то такой человек не мусульманин.

Теперь же решай сам, есть ли среди казахов мусульмане. Если встретятся казаху две вещи, — одна из них будет нужна для земной жизни, а другая — для будущей, — скажи, которую он возьмёт, не тронув другой?

Ты знаешь, что он возьмёт земную радость, а вторую оставит, полагая, что приберёт её при следующей встрече.

Ты думаешь, что господь бог простит, а ты не упустишь случая.

Но если после этого человек клянётся в вере, разве не понягну, что он уж променял потусторонний мир на радость этого мира?

Думай о высшем.

Человеку человечество друг. Это потому, что твоё рождение, воспитание, нужда, несчастье — вся твоя природа, место, откуда ты взялся и куда ты должен идти, вся твоя судьба одинакова с судьбой всех остальных людей.

Твоя смерть, твоё сокрытие в земле, гниение твоего тела, допрос, который тебе произведут на Страшном суде, твой будущий страх за преступления этого света, наслаждение прелестями и этого и другого мира — всё это общее с другими людьми.

Ты вместе с другими людьми — гость земной жизни. Люди, вы друг у друга в гостях.

Так зачем тебе враждовать невежественно с чужой мудростью, завидовать чужому счастью, зачем тебе просить у бога, чтоб он для тебя достал что-нибудь у другого?

К лицу ли высшему существу, чтобы он ради кого-нибудь обижал другого человека?

Люди, не умеющие связать двух слов, всё-таки настаивают на своём. Что за тяжбу с судьбой ведёшь ты, не имея на то основания, и что ты сам за человек?

1896

ТРИДЦАТЬ ПЯТОЕ СЛОВО

Говорят, что в день Страшного суда построят в один ряд ходжей, мулл, суфиев, мурз, сеидов. Те, которые стали муллами, ходжами, суфиями, мурзами, сеидами только для того, чтобы здесь, на земле, получить почёт и уважение и благо, — те будут стоять отдельно. А те, которые получили эти звания, чтобы быть угодными богу, — тоже станут отдельно.

Первым бог скажет: «Вы в жизни земной искусно добивались того, чтобы вас называли «уважаемый ходжа», «уважаемый мулла», «уважаемый сеид», «уважаемый мурза». Но здесь нет вежливости. Ваша счастливая жизнь кончилась, и с ней погибли ваши звания. Слушайте же не слова уважения, а вопрос. Я вам дал жизнь. На что вы её истратили? Вы прикрывались заботой о будущей жизни. На самом же деле всю вашу жизнь вы посвятили обману».

После этого творец обратится к другим людям, которые употребили жизнь не для своего удовольствия, а стараясь угодить богу.

«Вы потратили свою жизнь и своё состояние, чтоб угодить мне. Я вами доволен. Для вас у меня есть

почёт и место. Если вы здесь, на суде, имеете друзей, которые хоть не сделали того, что сделали вы, но сочувствовали вам, желали вам удачи, укажите мне их, и я окажу им милость».

1896

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЕ СЛОВО

В священных изречениях пророка, благословенного богом, Мухамеда сказано: «У кого нет стыда, у того отсутствует и вера».

Поговорка наших казахов говорит то же самое: «У кого стыд — у того вера».

Если это так, то выясним, что собой представляет стыд.

Есть стыд, вызываемый невежеством. Он похож на смущение ребёнка, который не решается вымолвить слово перед взрослым. Это неважный стыд. Стыдиться того, чего не следует стыдиться, — это следствие невежества.

Настоящий стыд удерживает от поступков, идущих против закона или противоречащих здравому смыслу.

Такой род стыда можно также разделить на два вида: при первом стыде ты не совершал сам постыдный поступок, но стыдишься за другого человека. Это происходит как бы от жалости к нему за то, что он поступает неправильно. Этот стыд похож на сострадание. Он охватывает тебя целиком и заставляет краснеть.

Другой вид стыда зарождается тогда, когда ты совершил поступок против закона или совершил нечто бесчестное по неведению или по своей злой прихоти.

Пусть такой поступок останется не замеченным другими людьми. Но он тревожит твою совесть, и совесть тебя пытается твоим самоосуждением. Человек не находит себе покоя, не смеет посмотреть прямо.

Люди перестают есть, спать, иногда даже лишают себя жизни. Трудно человеку, которого застigli мучения совести. Ему некогда утирать слёзы из глаз и

жижу, текущую из носа. Он становится подобным псу. Он не только не может посмотреть в глаза окружающим, но вообще ничего не видит.

Если ты видишь человека, дошедшего до такого состояния, и не пожалеешь его или постарайся сделать, чтобы ему стало ещё больше, то ты сам лишён человеческой совести.

Но люди, которых я вижу вокруг себя, не стыдятся и даже не краснеют. Много, если они скажут: «Но ведь я же говорил, что виноват. Что же ещё надо?» Или так скажут: «Ну, хорошо, я опозорился, но ведь и ты бы поступил точно так же на моём месте». Или скажут: «Да вот такой-то да ещё такой — все они совершили такие же дела, но продолжают ходить по земле, как ни в чём не бывало... А мой поступок по сравнению с их делами, можно даже сказать — и не грех, и у меня ещё были основания так делать».

Так нахально оправдываются они, если пытаешься их усознать.

Что можно сказать про таких людей? Имеют ли они совесть, если можно вообще говорить об их совести? Ведь их дела противоречат делам пророка и правилам сердца.

Можно ли сказать про них, что у них есть совесть?

18 6

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ СЛОВО

Сказать по правде, у наших отцов и дедов, по сравнению с нынешними людьми, было меньше знаний; обхождение их и обличие были грубы, и язык груб.

Но у них было два высоких человеческих качества, которых нет у нас. Мы, нынешнее поколение, искореняя в себе дурные нравы прошлого, заодно потеряли в себе те возвышающие человека свойства, которыми обладали предки.

Если бы мы, совершенствуясь, сохранили бы и хорошие качества своих прадедов, мы стали бы достойным и передовым народом. Но поскольку у нас нет тех двух

качеств, то все вновь приобретённые качества не становятся качествами человеческими, а обращаются в какую-то чертовщину.

Кажется, это и есть одна из главных причин утраты нами нашего достоинства.

Если спросишь, какие это были качества, то я отвечу: в те времена были люди, которые звались «ель-басы», что значит главарь народа, и «тоб-басы», что значит главарь общины. Всё управление жизнью народа, разбор всех жалоб находилось в руках этих людей. Остальной народ занимался своим хозяйством и своим делом. Воля главы народа и главы общины была законом. Говсрили: «Если каждый станет судьёй, то тесно будет и на огромной горе. Если имеешь старшего, то не сгоришь и в огне».

Народ отдавал вождям в руки поводья и не отменял решения вождей.

Всякий хотел прославить своего старшего. Народ содержал старших в почёте, а они не кривили душой, потому что старшина считал, что богатство народа — его богатство, а сам народ — его брат.

И вот второе старинное качество: люди дорожили честью.

Когда упоминали имя предков и зывали к роду, люди рода, забыв личные обиды, забыв вражду, шли на выручку обиженного сородича. Говорили тогда в народе: «У кого нет чести, того чужой обидит». И прибавляли: «Стремящийся отомстить за личную обиду, приносит ущерб общей пользе». И прибавляли: «Среди родни могут быть плохие люди, но отверженных не бывает». Ещё говорили: «Если шестеро в раздоре, то упустят они уже и то, что у них во рту, но если четверо сплочены, то захватят они и то, что на небе».

Тогда не любили споров и говорили: «Кто любит дорогу, тот находит клад, кто любит спор, тот находит беду».

И нет у нас этих двух славных качеств предков. У них забота о счастье создавала стойкость.

Мы лишились этих двух качеств. Не только наша дружба обман, но и наша вражда только зависть и неживчивость.

СОРОКОВОЕ СЛОВО

Умоляю, ответьте мне на мои вопросы.

У нас, у казахов, нет плохих среди мёртвых и нет хороших среди живых.

Почему?

Со стариками не спорят молодые, но сами старики, потеряв уже много ровесников, не приходят к согласию с теми, кто ещё жив.

Почему?

Увидав в чужом роду достойного, мы поклоняемся ему, как святому, а встретив такого в своём роду, мы его обижаем и чуждаемся его и его самого чуть ли не заставляем сбежать к чужим.

Почему?

У нас хорошего человека из чужого рода называют светилом, а своего хорошего человека не признают.

Ещё раз спрашиваю: почему так?

Путник, приезжая из своих мест к чужим, хвастается своим краем, наговаривает всякую ложь, небылицу, а возвращаясь к себе, хвалит, не разбирая, чужие места и снова лжёт.

Почему?

Казах ласков к младшим детям, но охладевает к детям, когда они вырастают и мужают.

Почему?

Родичи не едут на весёлый пир, избегают похорон родича, но охотно откликаются на его приглашение принять участие в воровстве и набеге.

Почему?

Родичи завидуют удаче скакуна своего родича, получившего первенство на скачках, а потом обижаются, если их обойдут при дележе приза.

Почему?

В старину не забывали услугу, и если человек давал свою лошадь путнику, у которого устал его конь, то помнили услугу до смерти. А теперь помощь, оказанная в этом году, в этом же году забывается.

Почему?

Вот байский сын обеднел. Он стесняется работать и не стыдится воровства.

Почему так?

Двум хорошим людям, живущим в одном ауле, уже тесно. А два подлеца так дружны, что их водой не разольёшь.

Почему так?

Вот считаешь за друга кого-нибудь и даришь ему коня, и приходит к нему твой враг и дарит ему жеребёнка, и друг уже отвернулся от тебя.

Почему так?

А иногда человек хочет досмерти, чтобы приехал к нему его враг и чтобы хоть раз удалось ему поговорить с ним, и ближе ему враг, чем друг, который всегда ему послушен.

Почему так?

Почему никто не желает своему другу благоденствия и возвышения? И если друг случайно возвысится, то становится человек непримиримым врагом прежнего друга.

Почему?

Вот некоторые люди не могут приискать себе в деле советчика и избегают людей, которые знают проделки и тайные помыслы злодеев.

Почему так?

Почему некоторые в гостях ведут себя так, как будто они с собою щедро пригнали скот, а когда к ним самим приезжают гости, то так гостей принимают, как будто все стада далеко отогнаны.

Почему так?

Почему люди, жаждущие мира, быстро от него утомляются? Почему народом управляют дельцы — шустрые и хитрые?

Почему, когда старик берёт вторую молодую жену, она всегда оказывается гордой и самодовольной?

С чего это?

Почему злодеи смелы?

Почему бедняки недовольны?

Почему людей, которые сдерживают себя, у нас называют дурными, а людей разгульных и хвастливых, сеющих раздор, считают удалыми?

Почему так?

И ответьте на последний вопрос: почему не верят добру казахи и не хотят слушать правдивое слово, не находят для слушания такого слова времени, но любят слушать ложные и коварные речи, от которых даже молоко скисает в юрте, а они-то слушают и не могут оторваться, хоть бы всё их хозяйство сносило полководье?

1897

СОРОК ПЕРВОЕ СЛОВО

Человек, который не только хочет дать совет казахам, но и желает наставить их на путь, должен для того, чтобы это совершить, удовлетворять сам двум условиям.

Первое: он должен иметь в руках власть. Надо взять детей у родителей, отдать ребят в школы, направить одних на одну специальность, других — на другую. Надо создать школы, надо, чтобы население дало средства на эти школы, надо, чтобы учились все, даже девушки. И вот тогда, когда молодёжь вырастет, а состарившиеся отцы перестанут вмешиваться в дела и разговоры молодёжи, может быть, тогда казахи исправятся.

Вы видите, что для того, чтобы выполнить первое условие, человек, желающий исправить казахов, должен быть несметно богат.

Вот второе условие: вероятно, надо одарить отцов, чтобы забрать у них детей, и надо дать образование детям.

Но такой власти, такого богатства, для того чтобы справиться со всем этим, не существует. Без власти и без подарков наставить казахов советами и увещеваниями на путь истины невозможно. Невежество впиталось в мясо и кости народа вместе с материнским молоком и выело из него человечность.

Как станешь говорить с ними, если они не понимают слов, есть у них смешки, шептания, окрики и рычания

и они полагают, что нет на свете ничего интереснее этих звуков?

Как же с ними говорить, если они даже не умеют слушать, а всё время озираются, смотрят в сторону и думают о другом?

1897

СОРОК ВТОРОЕ СЛОВО

Казах пристрастился к плохому из-за безделья. Если бы он пахал или торговал, разве он имел бы время на бродяжничество?

Сейчас он находит удовольствие в том, чтобы, выпросив у кого-нибудь на время лошадь, скитаться на ней из аула в аул, есть на даровщинку, собирать сплетни и слухи, хитростью и коварством подстрекать других или самому участвовать в заговоре и так околачиваться без цели и дела.

Человек работающий считал бы для себя такое положение позорным; он не променял бы дела на бродяжничество.

А сейчас бай бросают стада на попечение пастухов-мальчишек, терпят расхищения богатства ворами, волками, но не могут терпеть, чтобы их оставили вне участия в тайнах, нащёптываниях и сплетнях. Бай не может не ездить по соседним аулам, не может не совать свой нос во всякие дрязги, во всякую грязь. Ещё он хочет бесплатно жрать и ржать от животного удовольствия.

Если спросят, как всё это стало привычкой народа, то скажут, что человек, который прилежно занимается скотоводством или другим делом, по нашим понятиям, не считается достойным уважения. А вот тот, кто способен на всякие вероломные проделки, кто распространяет сплетни по аулам, тот в почёте.

И все более или менее способные казахи бросают свой скот на попечение знакомых, сказав только: «Ты, мол, присмотри, ты, мол, погляди за моими стадами», а сами предаются сплетням, дармоедству и бесцельному шатанию по окрестным аулам.

Люди гордятся не богатством, не умом, не честью — они гордятся умением надуть и умением донести.

Если человек — доносчик и обманщик, то, пусть он прежде был бедняком, всё равно он приобретает верховую лошадь, толстую плеть и усадят его в гостях на почётное место, хоть и не надолго, и будут угощать его жирными кусками мяса, хоть и не долго.

Подстрекает обманщик простоватых хвастливых баев, говорит им: «Вы мне только прикажите, а я за вас в огонь и воду пойду!» И бай слушают его, и кичатся, и не думают о своём хозяйстве, и дарят обманщику лошадь.

Так раскошеляются бай, теряя покой и не получая от того никакой пользы.

Если баю надо поговорить с кем-нибудь, он советуетя прежде всего с прохвостом, а прохвост виляет перед баем и скачет перед ним иноходью, боясь только соперничества. Он боится, что бай подружится с человеком иных повадок и тогда ему, прохвосту, будет меньше почёта, и вот говорит прохвост: «Эх, вы, да вы не узнали его, не раскусили. Всё, что он говорит, — это одни уловки и хитрости. Вы должны ему ответить на это вот так, а вот на это ещё так».

Науськивает прохвост бая и превращает его в недоверчивого человека.

Кичится бай и на прямое слово даёт двусмысленный ответ, подсказанный прохвостом, и отворачивается добрый человек от бая, а прохвост тут как тут, и говорит он баю: «Ага, вот видишь сам, разве я не предупреждал тебя, что это у него всё одни уловки?» И теряет бай волю и отдаётся в руки прохвоста.

1898

СОРОК ТРЕТЬЕ СЛОВО

Одни свойства человека рождаются вместе с ним, другие создаются в результате труда. Есть и пить — это произвольная потребность. Спать — также. Желание приобрести известные знания в своём зародыше

тоже произвольные, но ум и знания — это уже плоды труда. Видя глазами, слушая ушами, держа руками, пробуя на язык, нюхая носом, человек познаёт мир. Эти ощущения укрепляются в сознании человека в виде положительных и отрицательных понятий.

Это сила духа произвольная и не зависящая от наших желаний, подобна хорошему или дурному впечатлению от виденных нами вещей.

Но человек одно развивает, другое отодвигает, и то, что отодвинуто, если не исчезает совсем, то делается мало ощутительным. Труд развивает чувство познания. Труд закрепляет в сознании услышанное. Человек приводит знание в порядок, отбирает нужное от ненужного и становится умным.

Люди ссылаются на бога, что «бог вот не дал мне разума», но это клевета на бога. Разве бог велел кому-нибудь не видеть или не понимать, велел не запоминать? Человек сам занялся развлечением, тунеядством, сном и хвастовством. Он сам потерял свои душевные сокровища и превратился в животное.

Но скажут: если для ума нужна воля, то чувство приходит само. Нет, надо иметь силу стремления. Она создаётся разумом.

Стремление есть у каждого, но его надо развить, ухаживать за ним, и тогда жажда познания становится большой и сильной. Человек превращается как бы в другого человека, овладевает искусством.

А если ты о знании не будешь думать, то оно ускользнёт, и, уходя, оно не станет кричать: «Я ухожу, я теряюсь».

Настигнуть, вернуть первоначальное стремление труднее, чем вырастить его. Сила духа, сила воли вмещают в себя множество свойств, и описать их не хватит времени. Но помни, что всякое мастерство, всякое искусство, которое остаётся без применения, теряет самые лучшие свои качества, начинает притупляться и исчезать, и часто его вернуть уже невозможно.

Я сообщу тебе только три свойства, которые необходимы душе. Умоляю тебя, не теряй их. Если ты потеряешь их, ты перестанешь быть человеком.

Что это за свойства?

Это свойство быстро понимать всё виденное и услышанное и допытываться, откуда оно происходит. Эта

живость, этот подвижной элемент души не могут быть заменены чтением книг. Торопись узнавать, торопись делать. Если во-время не сделаешь, если в нужный момент не скажешь, будешь всю жизнь раскаиваться, скажешь: «Эх, пропустил я время».

Второе начало—это притяжение однородного однородным; оно состоит в том, что ты будешь всё сравнивать, узнав новое, будешь вспоминать однородное, проверять, похоже ли это новое на старое полностью или только частично, будешь спрашивать о непонятном, изучать его по книгам и не успокоишься до тех пор, пока не усвоишь всё, что тебе хотелось.

Третья сила — это чувство сердца. Храни в чистоте сердце от хвастливой кичливости, эгоизма, легкомыслия и беспечности. Если сердце загрязнится пороками и потускнеет, то исказится отражённый в нём мир и станет всё неясным, неточным.

Всё, что ты добывал своими руками, всё твоё богатство ты должен знать, изучать, а если не узнаешь, то не удержишь его в своих руках. Надо знать силу и слабость своего состояния.

Наука имеет свои сильные и слабые стороны. Над ней надо работать, её надо изучать. Не поняв до конца, потеряешь даже приобретенное.

Имей во всём меру.

Знать меру всему и всего — большое дело.

Не запутывайся в мыслях, не лишайся здравого рассудка.

В еде, в питье, в смехе, в одевании, в развлечении, в любви, в объятиях, в поцелуях, в страсти к богатству, даже в карьеризме и хитрости — во всём имеется мера.

Всё, что сверх меры, — зло.

Древние мудрецы говорили: «В том, в чём мы находим радость, в том же в своё время находим горечь». Пусть не будет тайной для тебя то, что живость и умение сравнивать могут соединяться и всё исходит от этих двух сил — и добро и зло.

Хвастливость, злобность, лживость, азарт и подобные им пороки тоже рождаются от этих двух сил: от живости и от притяжения однородного однородным, то есть от того, что есть в сравнении.

Мы должны стараться отобрать всё хорошее и отвергать пороки.

Проверяй всё сердцем.

Разум отличает полезное от вредного, но разум должен быть отважным. Только тот, кто соединит разум с отвагой, обуздает страсти и будет управлять ими, как укрощёнными конями. Иначе они станут источниками порока и, как взбесившиеся лошади, унесут человека с дороги, сбросят его на камни, или в воду, или в бездонный овраг.

Часто даже умный человек не умеет управлять своими страстями, и тогда они сбросят тебя на землю, и ты, расстелив полы халата, будешь сидеть, оглядываясь, в унижении до самой смерти.

1837

СОРОК ЧЕТВЁРТОЕ СЛОВО

Худший человек из числа людей — это человек без стремлений. Но стремления бывают различны. Одни интересны, надёжны, другие пусты.

Например, все хотят, чтобы их хвалили; и кстати и некстати душа просит похвалы.

Человек общается и делится мыслями с людьми своей работы, своего круга.

Больше всего желают люди славы и богатства.

Другие жаждут богатства. «Добуду, — думает такой-то, — скупостью, хитростью добуду — всё равно как. Ведь богатых не винят». «У богача всегда светлое лицо», — говорит пословица.

Будь собакой и лай, но если ты богат, никто с тобой не будет спорить. Так думают люди, полагая, что богатство даст им пользу и славу.

Так думают многие казахи, но это не совместимо с истиной.

Другие хотят прослыть храбрцами или совершить паломничество в Мекку и надеть зелёную чалму. Третьи хотят получить звание муллы, четвёртые хотят прослыть хитрецами, пятые хотят, чтобы их считали знатоками какого-нибудь дела — и все эти люди хотят только поважничать перед казахским народом. Они щупают пульс казаха, стараются узнать, какое дело ценится сейчас

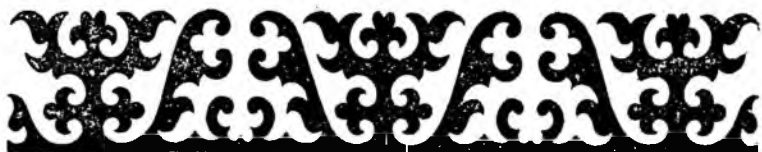
больше всего, и сломя голову бегут приняться за это дело.

Нет тут истинного порыва, чистой души. Люди заискивают у людей, а не думают о чистоте своей души, и много у них в душе задоринок и зарубок и разводится в ней грязь желанья лёгкой наживы.

И я вот смотрю на людей и не знаю, с кого брать пример и у кого учиться.

1898

А Ф О Р И З М Ы

Как ни прекрасна мысль, но, проходя через уста, она бледнеет.

* * *

Человек — дитя своего времени. Но если ты дурен, не обвиняй в этом своих современников.

* * *

Если б в моих руках была власть, я отрезал бы язык всякому, кто говорит, что человек неисправим.

* * *

Сын своего отца — недруг народу, сын народа — твой друг.

* * *

Трудящийся только для себя уподобляется скоту, набивающему брюхо. Достойный трудится для человечества.

* * *

О качестве человека судят по его замыслам, а не по тому, что из них получилось.

* * *

Делись тайнами с тем, у кого нет друзей, дружи с тем, у кого много друзей. Избегай того, кто беззаботен, будь с тем, кто опечален.

* * *

Гнев без воли — вдовец, ум без печали — вдовец, любовь без верности — вдова, учёный без последователь — вдовец.

* * *

Помогай достойному; поможешь пустому человеку — только себе повредишь.

* * *

Кричащий в гневе — смешон, молчащий в гневе — страшен.

* * *

Успех и счастье — предел опьянения: из тысячи лишь один сохранит настолько разума, чтобы не выставить людям свою наготу.

* * *

Слава — высокая скала, змея забирается на неё ползком, но сокол достигает её взмахом крыла.

* * *

Мир — океан, времена, как ветры, гонят волны поколений, сменяющих друг друга. Они исчезают, и океан кажется всё тем же.

* * *

Плохой друг — твоя тень: в солнечный день беги — не убежишь, в пасмурный день ищи — не сыщешь.

* * *

Кто не испытывал зла? Теряет надежду лишь безвольный. Ведь истина, что в мире нет ничего постоянного, значит, и зло не вечно. Разве после суровой, многоснежной зимы не приходит весна — цветущая, многоводная, прекрасная?

* * *

Достойный просит много, удовольствуется малым. Пустой просит мало, а дашь ему больше, — он же будет недоволен.

* * *

Если хочешь, чтоб ладилось дело, — сумей за него взяться.

* * *

Простолюдин, прославленный за ум, выше царя, увенчанного счастьем Юноша, продающий свой труд, достойнее старика, торгующего своей бородой.

* * *

Пока тебя не вознесло счастье, добра тебе желают все вокруг. Но возвысило тебя счастье — доброжелатель твой лишь ты сам.

С Л О В А Р Ъ

- А к ы н — поэт-импровизатор, народный певец.
А г а н — кастрированный верблюд.
А т к а м н е р — буквально всадник, в переносном смысле — представитель знати, администрации, власти.
А й т ы с — поэтическое состязание в импровизации.
Б а т ы р — богатырь.
Б а к с ы — знахарь.
Б а р ы м т а — набег с целью увода скота; в переносном смысле — родовая распря; барымтач — участник набега.
Б а й г а — скачки; приз на скачках.
Б а й б и ш е — старшая жена.
Б и й — правитель рода, аула, родовой судья.
Б у р а — верблюд-производитель.
В е з и р ь — первый советник султана.
Д у т а р — музыкальный инструмент.
Ж а й л я у — летний выпас скота; пастбище.
К а л ы м — выкуп за невесту.
К о б ы з — музыкальный инструмент, род скрипки.
К у р а й — тростниковое растение.
М а л а х а й — меховая шапка с наушниками.
М е д р е с е — мусульманская духовная школа.
Н а с ы б а й — табак для жевания.
Т о б ы к т ы — наименование рода Абая.
Т о л м а ч — переводчик.
Т о м а г а — колпачок, надеваемый на голову охотничьей птицы.

Тулпар — легендарный богатырский конь.

Чекмень — род кафтана.

Шапан — верхняя одежда

Шариат — свод мусульманских законов.

Шлопы — украшения из серебра, вплетаются в косу.

СОДЕРЖАНИЕ

«Поэт-мыслитель». Л. Соболев	V
«Жизнь и творчество Абая (Ибрагим) Кунабаева». М. Ауэ- зов	XI

Стихотворения

Подражание Востоку. Перев. К. Липскерова	3
Шамси, Саади, Физули... Перев. А. Гатова	4
Эй ты, Жаксылык... Перев. П. Карабана	5
Находит просторы и в люльке дитя... Перев. К. Липскерова	6
Охота с беркутом. Перев. С. Липкина	7
Белый лоб — серебро... Перев. М. Тарловского	9
С юных лет... Перев. М. Петровых	11
Вот и старость... Перев. Д. Бродского	12
Жизнь уходит... Перев. А. Гатова	14
Хоть любую добычу... Перев. А. Штейнберга	16
О казахи мои... Перев. С. Липкина	17
Бай живёт... Перев. М. Зенкевича	19
Измучен, обманут... Перев. П. Карабана	20
Тот, кто заблудился... Перев. Д. Бродского	22
Только юность одна... Перев. В. Рождественского	24
Жигитам. Перев. А. Гатова	26
Создатель, сжался... Перев. Т. Стрешневой	30
Каждый за товаром едет... Перев. Л. Шифферса	31
Пока не знаешь — молчи... Перев. М. Петровых	32
Лето. Перев. П. Шубина	35
В интернате. Перев. К. Липскерова	37
Кокпаю. (Плачет мой Кокпай...) Перев. П. Карабана	40
Жамантаев сын, Кожек... Перев. А. Гатова	41
Бесплезная жизнь убыла... Перев. А. Штейнберга	42
Бесчестный зверя жадней... Перев. П. Карабана	44
Кожекбаю. Перев. П. Карабана	47
Поэзия — властитель языка... Перев. В. Звягинцевой	53
Назару. Перев. А. Арго	53

Если умер близкий... Перев. П. Карабана	57
Зима. Перев. В. Рождественского	59
Кулембаю. (Привет, управитель!..) Перев. П. Карабана	61
Кокпаю (Ты — сплошной излом...) Перев. П. Карабана	62
Асету. Перев. А. Гатова	63
Нет жизни... Перев. А. Гатова	65
Кулембаю. (Наконец волостным...) Перев. Д. Бродского	66
Управитель начальству рад... Перев. В. Рождественского	71
Да будет слово мудреца... Перев. П. Карабана	73
Восьмистишия. Перев. В. Державина	75
Если в душе твоей... Перев. Л. Длигача	81
Не для забавы... Перев. Д. Бродского	83
Разум льду подобен... Перев. Л. Штейнберга	85
Дух унижен мой... Перев. А. Глобы	86
Ах, что за жребий... Перев. Д. Бродского	87
Обращение жигита. Перев. П. Шубина	90
Ответ девушки. Перев. П. Шубина	92
Жгут тяжёлой косы. Перев. А. Глобы	94
Осень. Перев. Л. Нечая	95
Ноябрь — преддверие зимы... Перев. П. Шубина	96
Где ты, пламя юности моей... Перев. В. Звягинцевой	98
Где ты, стойкий друг народа... Перев. П. Карабана	99
Звереет бай... Перев. П. Карабана	100
Кто спасёт меня... Перев. А. Ромма	102
Дорогой долгой... Перев. Л. Озерова	104
Всем пресытиться может душа... Перев. В. Рождественского	106
Вновь, душа, ты зовёшь... Перев. М. Петровых	108
Весна. Перев. П. Шубина	109
Загадки. Перев. М. Замаховской	112
Акилбаю. Перев. В. Державина	113
Погляди на молодёжь... Перев. А. Арго	115
Он не думает... Перев. А. Гатова	116
Пылает юности огонь... Перев. В. Звягинцевой	117
И краснеть и бледнеть... Перев. М. Тарловского	119
Ты — зрачок глаз моих... Перев. М. Петровых	121
Я гордо презирал невежество... Перев. В. Рождественского	124
Кто горе познал... Перев. М. Зенкевича	126
Хвостун, наглец... Перев. П. Карабана	128
Ты, душа, терзаешь меня... Перев. А. Штейнберга	130
О, сердце мое, замри... Перев. Л. Нечая	132
Оспану. (Пока твой развёрнут стяг...) Перев. А. Штейнберга	133
Над землёю туман висит... Перев. О. Румера	134
Оспану. (У Оспана дорогого...) Перев. А. Гатова	135
Ну поверю, поверю... Перев. П. Карабана	137
Благо мигом унесло... Перев. К. Липскерова	139
Признание жены. Перев. М. Замаховской	140
Как соберутся на совет... Перев. А. Арго	141
Вот и осень пришла... Перев. Л. Шифферса	143
Я нашей молодёжью огорчён... Перев. А. Гатова	144
Речь влюблённых... Перев. А. Глобы	145
Будь разборчив... Перев. В. Рождественского	146
Холод, жар... Перев. М. Петровых	147
На болезнь Абдрахмана. Перев. К. Липскерова	148

Письмо Абдрахману. <i>Перев. А. Арго</i>	151
Я много мудрых слов сказал... <i>Перев. В. Рождественского</i>	154
Голодное брюхо... <i>Перев. П. Карабана</i>	155
Умерло детство... <i>Перев. А. Глобы</i>	157
Когда удлиняется тень... <i>Перев. А. Глобы</i>	158
Когда баран войдёт в ручей... <i>Перев. В. Рождественского</i>	159
Смертна природа... <i>Перев. А. Ромма</i>	160
На смерть Абдрахмана. (Мой Абиш...) <i>Перев. М. Петровых</i>	161
На смерть Абдрахмана. (Ты честен был...) <i>Перев. К. Липскерова</i>	162
Оспану. (Труд чужой Оспан ценил...) <i>Перев. П. Карабана</i>	163
На смерть Абдрахмана. (Двадцать семь он прожил лет...) <i>Перев. К. Липскерова</i>	164
Стяжателю одно лишь тешит душу... <i>Перев. О. Румера</i>	166
Чужим я чувствую себя... <i>Перев. О. Румера</i>	167
Поэт. <i>Перев. Л. Пеньковского</i>	168
Красотка-девушка... <i>Перев. М. Петровых</i>	170
Вечность — круг... <i>Перев. А. Глобы</i>	172
Птица мысли... <i>Перев. Л. Руст</i>	173
Тучи набегут... <i>Перев. А. Глобы</i>	175
На смерть Абдрахмана (Скакуна отваги...). <i>Перев. К. Липскерова</i>	176
Рахимшалу. <i>Перев. А. Гатова</i>	177
Грядущее скрыто туманом... <i>Перев. В. Звягинцевой</i>	178
Восторженной хвале толпы... <i>Перев. Л. Руст</i>	180
Легко «аллах» произнести... <i>Перев. К. Липскерова</i>	181
Красивой песней... <i>Перев. В. Рождественского</i>	182
Грубый крик... <i>Перев. М. Петровых</i>	183
Милый мой, дорогой... <i>Перев. М. Петровых</i>	184
Несчастный, мучила тебя... <i>Перев. М. Петровых</i>	185
Габидулле. <i>Перев. Л. Руст</i>	186
На воде, как челнок... <i>Перев. А. Глобы</i>	187
Разбит, разрознен мой народ... <i>Перев. П. Карабана</i>	188
О порыв души огневой... <i>Перев. В. Рождественского</i>	190
Жизнь обирает нас... <i>Перев. М. Петровых</i>	191
Разве не должен... <i>Перев. М. Тарловского</i>	192
Если воли у сердца нет... <i>Перев. А. Штейнберга</i>	194
Дни за днями... <i>Перев. А. Глобы</i>	195
Узнав, что смертью взят... <i>Перев. О. Румера</i>	196
Года миновали... <i>Перев. А. Глобы</i>	197
На сорок лоскутьев... <i>Перев. М. Петровых</i>	198
Человек — мешок... <i>Перев. А. Глобы</i>	199
Не увлѣк ты меня... <i>Перев. М. Петровых</i>	200
Дутбаю. <i>Перев. П. Карабана</i>	201
Я вырстил пса... <i>Перев. А. Глобы</i>	202
За счастьем любви не гонись... <i>Перев. А. Глобы</i>	203
Одинокое не найдѣт... <i>Перев. А. Штейнберга</i>	204
Уходит жизнь... <i>Перев. П. Шубина</i>	206
Стыдливость — но только для отвода... <i>Перев. А. Арго</i>	207
Пожелтевших надежд... <i>Перев. А. Глобы</i>	208
Веселья лёгкая вода... <i>Перев. Л. Озерова</i>	209
Что кумыс казаху... <i>Перев. Л. Шифферса</i>	210
Твоя превосходная гибкая речь... <i>Перев. А. Гатова</i>	211

Мотыльки, чей светел наряд... <i>Перев. М. Петровых</i>	212
Сердце — море... <i>Перев. М. Тарловского</i>	213
Ангел молнии, Рагит... <i>Перев. Л. Озерова</i>	214
О сердце, свой жар остуди... <i>Перев. С. Липкина</i>	215
Вовек моя душа не расцветёт... <i>Перев. М. Замаховской</i>	218
Беззаботные, с пира на пир... <i>Перев. П. Шубина</i>	219
Соболезнование себе. <i>Перев. К. Липскерова</i>	221
Оплакивание Абдрахмана его женой Магнш. <i>Перев. В. Звягинцевой</i>	223
Соболезнование невестке мзей... <i>Перев. М. Петровых</i>	228
Абдрахману. <i>Перев. А. Гатова</i>	230

Поэмы

Масгуд. <i>Перев. А. Глобы</i>	233
Сказание об Азми. <i>Перев. В. Бугаевского</i>	239
Искандер. <i>Перев. А. Глобы</i>	251

Проза

Гаклия (Назидания). <i>Перев. В. Шкловского</i>	259
Афоризмы <i>Перев. Л. Соболева</i>	311
Словарь	315

Редактор А. Рябинкина

Технический редактор О. Чеботарева

*

Художник Н. Ильин и И. Костылев

*

Сдано в набор 3/VII 1945 г. Подписано к печати 31/VII 1945 г.
 А21124. Тираж 25 000 экз. Заказ № 5627. Цена в обложке
 7 руб.

*

1-я Образцовая тип. треста «Полиграфнига» Огиза при
 СНК РСФСР, Москва, Ватовая, 28.

7 руб.

Огиз — Гослитиздат — 1945